

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

Н. П. Асланян, Н. С. Богуш, Т. В. Ламм

**ОЧЕРКИ
О ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ
ПОНЯТИЯ «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ»**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2012

УДК 347.1
ББК 67.404
А90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р юрид. наук, проф. В. А. Семеусов
д-р юрид. наук, проф. И. А. Минникес

Аслабян Н. П.
А90 Очерки о цивилистическом значении понятия «эквивалентность» / Н. П. Аслабян, Н. С. Богущ, Т. В. Ламм. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 196 с.

ISBN 978-5-7253-2481-5

Книга содержит ряд очерков, в которых освещается цивилистическое значение понятия «эквивалентность» и раскрывается его сущность путем характеристики функций, выполняемых в гражданско-правовой науке и гражданском законодательстве.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

ББК 67.404

ISBN 978-5-7253-2481-5

© Аслабян Н. П., Богущ Н. С.,
Ламм Т. В., 2012

© Издательство БГУЭП, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Очерк 1. Роль категорий в познании правовых закономерностей.....	6
Очерк 2. Трактовка понятия «эквивалентность» в правовой науке.....	28
Очерк 3. Эквивалентность как основа гражданско-правового взаимодействия	67
Очерк 4. Эквивалентность как сравнительное оценочное понятие	90
Очерк 5. Эквивалентность как принцип гражданского права	108
Очерк 6. Реализация принципа эквивалентности в гражданском законодательстве.....	137
Список использованной литературы	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой сборник, состоящий из шести очерков, посвященных понятию эквивалентности в гражданском праве.

Цели работы составляют: 1) выявление сущности понятия; 2) преодоление его недооценки в гражданском правоведении; 3) обоснование необходимости придания данному понятию статуса одной из наиболее значимых цивилистических категорий.

По тематической направленности содержание сборника может быть разделено на три части, первая из которых является своеобразной пролегоменой к исследованию (очерки 1 и 2).

В очерке 1 авторы, отталкиваясь от постулата — «наука гражданского права (как и любая иная) призвана открывать и изучать закономерности в области, являющейся предметом ее исследования», предпринимают попытку дать общее представление о роли научных категорий в познании правовых закономерностей, очертить проблемную ситуацию исследования и обозначить методологический подход, на базе которого предпринимается попытка обосновать значение категории «эквивалентность» как ключевой в объективации знаний о гражданско-правовой действительности.

В очерке 2 авторы, исходя из того очевидного факта, что любое исследование должно содержать анализ накопленных знаний по исследуемой проблеме, рассматривают имеющиеся правовые воззрения на эквивалентность и дают их критическую оценку.

Вторая часть посвящена раскрытию сущности эквивалентности в гражданском праве. Основываясь на философском положении о том, что выражением сущности

являются функции, авторы предпринимают попытку выявить функции понятия эквивалентности и устанавливают, что данное понятие выполняет в гражданском праве три функции — онтологического начала (очерк 3), юридико-технического инструмента (очерк 4) и гносеологического начала (очерк 5).

Третья часть (очерк 6) призвана показать воплощение эквивалентности в композиции идеальной структуры системы гражданского права, а также обосновать положение о том, что структура гражданского права есть следствие идеи эквивалента, т. е. «равного — за равное».

Разумеется, авторы не претендуют на всеобъемлющее изложение материала об эквивалентности в гражданском праве. Напротив, мы четко осознаем, что в нашей работе только намечены подступы к изучению категории «эквивалентность» в цивилистике, которое в силу ее глубины и потенциала для постижения гражданского права должно продолжаться и обогащаться новыми работами.

Не претендуем мы и на бесспорность отстаиваемых положений, поскольку наша работа (впрочем, как и любая иная научная работа) есть рукотворное творение, а следовательно, открыта для критики.

ОЧЕРК 1. РОЛЬ КАТЕГОРИЙ В ПОЗНАНИИ ПРАВОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Прежде чем мы приступим к освещению вопросов, касающихся эквивалентности, хотим раскрыть значение категорий для научного познания правовых явлений. Как указывается в литературе, правоведу требуется в первую очередь «понимание того, как в праве и в процессе его познания проявляются объективные общественные закономерности, диалектические законы развития мира»¹. В таком понимании главную роль играют научные правовые понятия и категории, которые есть *содержательные представления о закономерном и существенном в правовых явлениях и процессах*. Если обобщение есть обработка материала, обнаружение «схожих черт, особенностей, признаков во многих различных предметах, взятых поодиночке»², то категориальное обобщение — это обобщение более высокого уровня, диалектическая обработка материала, направленная на выявление наиболее существенных свойств явлений и процессов, в том числе и правовых.

Под научным правовым понятием понимается «мысль, отражающая основные, важнейшие призна-

---

¹ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 75.

² Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 31.

ки правового явления или отношения, существующего между рядом явлений»¹, причем, во-первых, отражающая адекватно, поскольку, как отмечается в литературе, такие явления «не могут быть адекватно выражены в неправовых понятиях»², а во-вторых, «лишь такие признаки, которые отражают их (понятий и категорий. — *Н. А., Н. Б., Т. Л.*) сущность и потому имманентны всему классу конкретных явлений, фиксируемых в соответствующих категориях и понятиях»³. Очевидно, что правовые феномены не могут быть адекватно отражены в неправовых понятиях, поскольку, допустим, социологические, философские или экономические понятия отражают, соответственно, социологические, философские или экономические аспекты явления, в то время как в правовых понятиях главными и решающими являются правовые аспекты.

В понятийно-категориальном аппарате правоведения выделяются понятия, «генетически возникающие в других областях знания, но в связи с практическими целями или исследовательскими задачами “втянутые” в сферу... правоведения, получившие собственно юридическое содержание и приобретшие статус правовых в силу их укоренения в понятийном строе юридической науки»⁴. Характеризуя такие понятия, следует иметь в виду два аспекта. Во-первых, указанные понятия адаптируются к характеристикам юридической науки и приобрета-

---

¹ Васильев А. М. Правовые категории... С. 87.

² Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., 1969. С. 118.

³ Панов Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 20.

⁴ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 165.

ют объем, отличный от объема прототипа¹. Однако, во-вторых, правовая интерпретация (толкование) таких понятий не должна носить произвольного характера². Из данных положений следует вывод о том, что включение в понятийный аппарат какой-либо науки общенаучных понятий не может повлечь существенного изменения смысла данных понятий, которые, безусловно, в рамках такой науки приобретают свою специфику, так как относятся к специфическим же явлениям, но не могут утратить своей сущности. Этот вывод в полной мере применим к понятию эквивалентности, которое в социологии и философии относится к процессу взаимодействия людей в широком социологическом смысле, а в правоведении, соответственно, в правовом смысле. И если в социологии и философии эквивалентность используется для характеристики любых процессов взаимодействия людей, то в

---

¹ «Такие понятия, подвергшиеся соответствующим преобразованиям, — отмечает Н. Н. Тарасов, — можно условно именовать “консолидированными”, поскольку они включаются в юридический оборот не механически, а претерпевают серьезные изменения, “адаптируются” к задачам юридических исследований и приобретают новое содержание. Через данные понятия нередко осуществляется расширение проблемного поля юриспруденции, обозначение новых подходов к исследованию права, возникновение новых концептуальных идей и научных парадигм» (Тарасов Н. Н. Методологические проблемы... С. 166).

² «Научные понятия, как известно, условны в своей абстрактности, но объективны в целом, в истоках, в генезисе, они неразрывно связаны с объективным миром и определяются им, — подчеркивает В. П. Павлов. — Разрабатывая свои понятия, каждая из наук юридического блока выясняет сущность соответствующих явлений объективного мира (предмет науки) и фиксирует их в понятиях. Таким образом, объем и содержание понятия в конечном счете определяются явлениями объективного мира, входящими в предмет той или иной науки» (Павлов В. П. Эффективность правосудия и устойчивость функционирования системы гражданского права // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс] : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2001. URL: http://www.orc.ru/~legist/conf/_Pavlov.htm).

праве это понятие характеризует только те процессы взаимодействия, которые приобрели правовое оформление: получили закрепление в правовых нормах и реализуются в правовых отношениях.

В числе правовых понятий выделяются правовые категории, которые, по определению А. М. Васильева, есть «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом»¹.

Принимая это определение, хотим добавить к нему еще и указание на уровень абстракции категории, поскольку последняя является понятием высокой степени абстракции. «Обобщение» не тождественно «абстракции». И первое и вторая есть различные мыслительные операции. Как указывается в психологической литературе, к «адекватному познанию своего предмета и разрешению стоящей перед ним задачи мышление идет посредством многообразных операций, составляющих различные взаимосвязанные и друг в друга переходящие стороны мыслительного процесса. Таковыми являются сравнение, анализ и синтез, абстракция и обобщение»².

Отличие правовых категорий от иных правовых понятий ученые видят в том, что категории выше иных понятий, во-первых, по логическому уровню, а во-вторых, по содержательному, так как они обладают «особенностями, связанными с фундаментальным характером теоретических правовых знаний. Именно в правовых категориях зафиксирован... итог научного познания объективной сущности права как общественного явления»³.

---

¹ Васильев А. М. Правовые категории... С. 87.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000. С. 261.

³ Васильев А. М. Указ. соч. С. 91. Необходимо отметить, что понятия и категории находятся в отношении «род — вид», а поскольку категория — это вид понятия, то ей присущи все свойства последнего.

Значение категорий в философии определяется тем, что они «формируют содержание наших мыслей, вносят в них всеобщие и необходимые связи именно благодаря тому, что сами они отображают такого же рода связи объективной действительности»¹. Соответственно этому значение правовых категорий в правовой науке усматривается в том, что они выступают средством отражения своеобразной формы и специфической сущности правовых явлений и процессов и, отражая закономерности процессов правовой сферы общественной жизни, фиксируют объективное представление о данных процессах². Иными словами, правовые категории объективируют знания о правовой действительности, раскрывают возможности использования познанных закономерностей правовых явлений в целях эффективного правового регулирования. Таким образом, правовые категории являются в правоведении средством отражения права как такового в его основных свойствах, сущности и формах проявления.

Статус правовых категорий имеют не только понятия общей теории права. Некоторые понятия отраслевых наук являются весьма широкими по объему и также приобретают значение категорий, образуя основу отраслевой науки, причем «категории отраслевых наук всегда выполняют методологическую функцию по отношению к видовым понятиям, выступая как базисные, определяющие. Видовые же понятия, относящиеся к единичному (отдельному), находят, по общему правилу, свое выражение в правовых нормах и институтах, регулирующих конкретные сферы общественных отношений»³. В этом смысле эквивалентность в полной

---

¹ Диалектическая концепция понятия. М., 1982. С. 257.

² Васильев А. М. Правовые категории... С. 88–89.

³ Панов Н. И. Методологические аспекты... С. 25.

мере обладает свойствами широкой правовой категории, отражающей сущность взаимодействия субъектов гражданского права. Полагаем, что в силу своего значения эта категория является одновременно и общеправовой, и гражданско-правовой.

В правоведении наряду с понятиями «правовое понятие» и «правовая категория» выделяются также понятия «понятие права» и «категория права», которые также называют «доктринальные правовые понятия (категории)» и «легальные правовые понятия (категории)». Различие между ними построено на их функциональном значении: правовые категории служат инструментом научного мышления, в то время как категории права — инструментом правового регулирования. Первые не получают закрепления в нормативных источниках, вторые — получают. Первые являются элементами системы научных знаний о правовой действительности, в то время как вторые — элементом системы правовых норм¹. Разграничивая данные категории, А. М. Васильев указывает, что «правовые категории — научные понятия, которые вы-

---

¹ «Доктринальные (теоретико-правовые) — это правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно сфере науки и посредством которых выражаются те или иные “концепции”, “теории”, “учения” юридической науки. Они, собственно, и составляют содержание последней как результата познавательной деятельности, несут в себе первичную информацию о соответствующих государственно-правовых явлениях. Легальные (нормативно-правовые) понятия получают официальное закрепление в нормативно-правовых актах — законах и подзаконных актах — и являются принадлежностью не только юридической науки, но и положительного (позитивного) права. Будучи носителями научной информации и сохраняя статус доктринальных как результат (срез) научно-познавательной деятельности, легальные понятия имеют особое юридическое значение, ибо они императивным путем определяют объем (круг) и содержание общественных отношений, выступающих предметом правового регулирования» (Панов Н. И. *Методологические аспекты...* С. 22).

ступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений. Категории права — компоненты правовой нормативной структуры, инструмент правового регулирования»¹. Очевидно потому, что «научные правовые понятия в правотворческой и правоприменительной деятельности играют вспомогательную роль»². Однако для изучения и понимания права, для формирования профессионального правосознания правовые понятия играют роль более значимую, чем понятия права, поскольку право нельзя понять «из самого себя», а в нормах права в силу их специфики и не дается объяснений того или иного правового явления. Этим занимается наука с использованием как раз правовых понятий.

В доктрине не подвергается сомнению тезис, что центральной задачей гражданского права как науки является выявление гражданско-правовых закономерностей. Так, В. П. Мозолин указывает: «Гражданское право как отрасль науки имеет своей целью открытие и изучение закономерностей в области, являющейся предметом ее исследования»³. Опираясь на философское положение о том, что закономерность есть объективно необходимая, устойчивая и существенная связь явлений, можно заключить, что для гражданско-правовой теории является необходимым выявление своих собственных, гражданско-правовых закономерностей.

Правовые категории отражают правовые закономерности, следовательно, их разработка «есть в то же время подход к изучению законов правовой материи... Связи

---

¹ Васильев А. М. Правовые категории... С. 91.

² Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 155.

³ Гражданское право / отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М., 2003. Ч. 1. С. 40. См. также: Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : Избр. тр. : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 120–127.

между правовыми категориями являются отражением реальных закономерных процессов и связей, существующих между явлениями и отношениями правовой формы общественной жизни, мысленным аналогом которых эти категории служат»¹. Отталкиваясь от этого положения, мы приходим к выводу, что исследование категории «эквивалентность» может способствовать выявлению и более глубокому изучению закономерных процессов и связей, существующих между явлениями гражданско-правовой сферы социальной жизни.

Прежде чем мы продолжим изложение материала, хотим остановиться на общепризнанных в методологии науки положениях, касающихся такой формы научного познания, как гипотеза. Под гипотезой понимается любое предположение, допущение, предсказание или догадка, «истинность которых остается неизвестной и которые служат для предварительного объяснения и предсказания новых явлений, событий и фактов»²; научное утверждение, которое «по своему содержанию представляет собой (разумеется, в случае подтверждения) некоторое *новое знание*, например, оно говорит о существовании нового явления или свойства, неизвестной ранее закономерности и т. п.»³. Гипотеза выступает как в качестве средства предварительного объяснения новых явлений, событий и фактов, так и в качестве средства «устранения противоречия между новыми фактами и старыми теоретическими представлениями»⁴. Таким образом, следует констатировать, что гипотеза

---

¹ Васильев А. М. Правовые категории... С. 125.

² Рузавин Г. И. Методология научного исследования. М., 1999. С. 64.

³ Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 208.

⁴ Рузавин Г. И. Указ. соч. С. 66.

имеет весьма высокий статус в методологии научного познания и без нее исследование может оказаться неполноценным.

По виду гипотезы делятся на интерпретационные (отвечают на вопрос «что это?»), описательные (отвечают на вопрос «каков этот объект?»), систематизирующие (вносят упорядоченность в структуру изучаемых данных), объяснительные (отвечают на вопрос «почему это так?»), экстраполяционные (отвечают на вопрос «в какой степени это может иметь значение для другого объекта?»), методологические (отвечают на вопрос «как это лучше изучать?»)¹. Приведенные положения о гипотезах важны для нас в связи с тем, что в настоящем очерке мы намерены выдвинуть гипотезу относительно роли эквивалентности в познании гражданско-правовых закономерностей.

В правовой литературе оценки эквивалентности варьируются от придания ей весьма высокого статуса категории, способной дать ключ к постижению позитивного права и всей правовой реальности, способной вскрыть объективные общественные закономерности, получающие преломление в праве, до сведения ее роли к одному из признаков, характеризующих часть отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, а именно имущественных товарообменных отношений возмездного характера.

Как правило, современные цивилисты обращаются к рассматриваемому понятию только при характеристике таких отношений, безоговорочно признавая, что признак эквивалентности вытекает из их товарно-денежного характера и неприменим ни к неимущественным отношениям, ни к отношениям собственности. В редких работах можно встретить утверждение о том,

---

¹ Ушаков Е. В. Введение в философию... С. 208–209.

что в гражданском праве существует принцип эквивалентности, однако при этом всегда подчеркивается, что эквивалентность носит экономический характер и связана исключительно с законом стоимости. Заслуживает внимания и тот факт, что никто из цивилистов, исследовавших принципы гражданского права, принципа эквивалентности не признает и, соответственно, в число отраслевых принципов его не включает.

В то же время в исследованиях, посвященных иным вопросам, встречаются мнения о существовании в гражданском праве «принципа соразмерности», «начала эквивалентности» (В. А. Лапач), а в литературе по общей теории права говорится об эквивалентности как о «требовании человеческого существования, выводимом из онтологических основ человеческого бытия и ставшим свойством (качеством) позитивного права» (С. С. Алексеев), как об «объективном социальном механизме, приводящим в движение систему взаимных действий» (Г. В. Мальцев), как о «принципе предоставлений и получений при обмене социальными благами» (В. А. Четвернин), как о «коренном принципе права» (Л. С. Мамут). Автор широко известной «меновой концепции права» Е. Б. Пашуканис не только утверждает, что «первая и чистая правовая идея — это идея эквивалента», но и признает эквивалентный обмен источником правовой формы, «выводя» из него наиболее значимые для права категории — субъекта права, правосубъектности, субъективного права, договора, права собственности и др.

Такой разброс мнений относительно исследуемой категории свидетельствует о существовании в отечественной цивилистике сегмента, «наполненного» противоречивыми суждениями и оценками относительно правового явления, в существовании и значительности которого для правоведа не приходится сомневаться.

Иными словами, состояние дел в области исследования эквивалентности можно охарактеризовать как проблемную ситуацию.

Не рассматривая детально вопрос о проблемной ситуации, ограничимся ссылкой на соответствующую литературу¹ и приведем слова А. С. Майданова, который указывает, что «в процессе научного исследования складываются такие познавательные ситуации, которые характеризуются неполнотой, незавершенностью знания об изучаемом объекте или явлении... Благодаря этому дефекту знания у исследователя возникает потребность в нахождении, получении недостающих элементов»². Именно такой обнаруженный нами дефект цивилистического знания об эквивалентности, о ее месте в системе иных цивилистических категорий, о ее влиянии на процесс формирования и развития гражданско-правовых норм и институтов, по нашему мнению, свидетельствует о научной проблеме, которую предстоит решить современным цивилистам и которая побудила нас обратиться к теме эквивалентности.

Как известно, в современной цивилистике преобладает догматическое направление, для которого свойственно интерпретировать правовые понятия и категории как результат обобщения нормативного материала, или, иными словами, «выводить» правовые понятия из правовых норм. Авторы настоящей работы предприняли по-

---

¹ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 14–37; Белов В. А. Предисловие // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 25–31; Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 57–72; Майданов А. С. Методология научного творчества. М., 2008. С. 23; Рузавин Г. И. Методология научного исследования... С. 43; Ушаков Е. В. Введение в философию... С. 191.

² Майданов А. С. Указ. соч. С. 23.

пытку отойти от догматической традиции и исследовать эквивалентность с позиций социологического направления, для которого характерно стремление понять право как социальное явление, отражающее закономерные условия социального бытия. При этом мы руководствуемся указанием одного из основателей социологического направления в правоведении С. А. Муромцева, который призывал изучать право не как чистую форму, а «как одно из выражений всей социальной жизни общества»¹. Иными словами, необходимо направлять главные исследовательские усилия не на описание и толкование правовых норм, а на выявление социальных закономерностей, получивших преломление в праве; идти не от правовых норм к реальной жизни, а, напротив, от реальной жизни к правовым нормам.

Подходы к пониманию эквивалентности, представленные в различных областях научного знания, дают основания для предположения о том, что наиболее приемлемым и плодотворным для правоведения является тот, в соответствии с которым эквивалентность рассматривается через призму категорий «отношение», «обмен», «обменные отношения». «Отношение», как известно, занимает в числе юридических понятий одно из главнейших мест, а приемлемость использования категории «обмен» обусловлена генетически, поскольку право в известной мере обязано своим появлением именно обмену. Плодотворность же такого использования кроется в методологическом потенциале, поскольку «анализ обмена как социально-экономического явления, рассмотрение его обобщенной модели дают если не все, то, во всяком случае, главное для понимания всей системы

---

¹ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного. СПб., 2004. С. 150.

человеческих взаимоотношений»¹. Как будет показано далее, понятие «эквивалентность» характеризует отношения между какими-либо сравниваемыми объектами, которые в таком сравнении выступают как идентичные (соразмерные, равнозначные, пропорциональные) относительно какого-либо признака.

В гуманитарных науках данное понятие употребляется в первую очередь при характеристике отношений между людьми в системе их взаимодействия, которое в целом охватывается понятием «обмен». В научной литературе широко распространен взгляд, в соответствии с которым обмен является универсальным явлением для сферы человеческого существования. Например, Б. Г. Ананьев писал: «В постоянном и активном взаимодействии человека с миром — природой и обществом — осуществляется его индивидуальное развитие. *Обмен* веществ, энергии, информации и даже самих человеческих свойств в этом процессе взаимодействия имеет универсальный характер для бытия и сознания человека»². Универсальность обмена обусловлена тем, что он является необходимым условием жизнедеятельности человека. Как известно, блага в обществе распределены неравномерно, а структура их распределения между людьми не соответствует той, которая обеспечивала бы их наилучшее использование. Именно обмен призван решить эту проблему и он решает ее, способствуя перемещению благ в наиболее приемлемую сферу применения, повышая тем самым эффективность общественной жизни³.

---

¹ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 19.

² Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 326–327.

³ Морозов А. В. Обмен в условиях экономической неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1999. С. 10.

Обмен может рассматриваться как система, в составе которой выделяются субъекты обмена (не менее двух), процесс обмена (совершаемые по определенным правилам действия), правила обмена (устанавливаемые предписания, допущения и запреты), предмет обмена (товары, услуги, знаки внимания и т. д.)¹. Система обмена едва ли не полностью совпадает с системой правового взаимодействия субъектов, а каждый единичный акт обмена может рассматриваться как правовое отношение, в составе которого, как известно, выделяются такие элементы, как субъекты, объекты и содержание. Поскольку «правовое отношение может быть всегда интерпретировано как особый тип отношения распределительного», в котором «распределяются права и обязанности участников взаимного социального общения»², то можно говорить об обращении прав и обязанностей. Г. В. Мальцев пишет: «В целом... право может быть обозначено... как обусловленное в конечном счете материальными условиями жизни общества распределение прав и обязанностей между классами, сословиями, социальными группами и индивидами»³.

А. Г. Бережнов, продолжая рассуждения на эту тему, указывает: «Слово “право” употребляется для обозначения различных социальных явлений, чем и обусловлена его многозначность. В то же время оно имеет и обобщающее смысловое значение. Например, право субъекта социальной жизни... означает, как минимум, притязание субъекта на социальный продукт и одновременно существование определенной возможности реализации этого притязания. Содержание такого “права” можно определить как объективную возможность пользования со-

---

¹ Кравченко А. И. Общая социология. М., 2004. С. 212.

² Мальцев Г. В. Социальная справедливость... С. 186.

³ Там же.

циальными благами»¹. Полагаем, что с автором следует согласиться и в указанном понимании распределения вести речь о правоотношении как распределительном отношении, оформляющем распределение социальных возможностей и долженствования в виде субъективных прав и обязанностей. В этой связи необходимо остановиться на высказанном В. А. Бубликом утверждении о том, что «экономический оборот зеркально отражен в праве как оборот прав и обязанностей. Иными словами, обращение прав и обязанностей является правовым “срезом” экономического обращения материальных и духовных благ»². К сожалению, автор не делает ссылок на какие-либо работы и неизвестно, чьи идеи послужили основой для данного утверждения. Можно предпо-

---

¹ Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 21. Далее автор обосновывает связь права и распределительных отношений. Всякое право предполагает социальное неравенство, которое означает неравное фактическое распределение социальных возможностей и обязанностей между социальными субъектами. Устойчивое неравное распределение на определенной ступени развития общества вызывает к жизни элементы первичного правосознания в качестве интуитивного восприятия того или иного социального явления как «правого» или «неправого». При этом он указывает, что речь идет о широком социологическом понимании распределения как всей совокупности распределительных отношений между людьми, которые открывают им непосредственный доступ к удовлетворению потребностей, к потреблению, к присвоению и усвоению всего комплекса социальных ценностей, выражающих реальное положение того или иного социального субъекта. Первоначальной причиной человеческой деятельности и производства были человеческие потребности природного характера. Также и неудовлетворенная общественная потребность является для социального субъекта первоначальным импульсом всякой деятельности, одновременно выступая результатом фактического распределения социальных благ в обществе (Там же. С. 22–23).

² Бублик В. А. Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости // Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы 2-й межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. Воронеж, 1988. С. 3.

ложить, что такой основой является «меновая теория» Е. Б. Пашуканиса.

Заметим, что трактовка В. А. Бубликом идей Е. Б. Пашуканиса (если наше предположение верно) страдает некоторой поверхностностью, поскольку идеи Е. Б. Пашуканиса, которые будут рассмотрены нами далее, имеют большое социолого-правовое звучание; они требуют изучения и развития с учетом современных реалий и не допускают механического перенесения экономических категорий в правовую сферу, как это сделано В. А. Бубликом. Исследование процессов социального взаимодействия показывает, что обращение прав и обязанностей действительно является правовым «срезом», но не «экономического обращения материальных и духовных благ», а социального, включающего и экономическое в том числе.

Социальные связи, рассматриваемые в «препарированном» виде, могут быть представлены как серия контактов. Социальный контакт имеет место, когда «А и Б встречаются и начинают взаимодействовать друг с другом, чтобы достигнуть обмена ценностями независимо от того, являются ли этими ценностями только вежливые слова или какие-нибудь предметы»¹.

Я. Щепаньский подчеркивает, что именно повторяющиеся взаимодействия приводят к формированию устойчивых социальных отношений. При этом социальным отношением он считает «определенную устойчивую систему, охватывающую двух партнеров (будь то индивиды или общности), связующее звено, то есть какой-либо предмет, интерес, установку, общую ценность, становящуюся «платформой» отношения, а также определенную систему обязанностей и долженствований или нормиро-

---

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 82.

ванных функций, которые партнеры должны обязательно выполнять по отношению друг к другу. Иначе говоря, социальное отношение есть система нормированных взаимодействий между двумя партнерами на основе определенной платформы»¹.

«Платформой» или основой любого взаимодействия является какая-либо ценность (благо). Поскольку во всеобщем обращении находится два вида ценностей — благ — материальные и идеальные, то их движение в конкретном акте социального взаимодействия способно принимать одну из следующих форм: 1) материальные блага за материальные; 2) материальные блага за идеальные или наоборот; 3) идеальные блага за идеальные². Две последние формы взаимодействия являются менее точными, чем первая; последняя же форма есть наиболее нечеткая. В обмене материальных благ на материальные срабатывают экономические механизмы (закон стоимости, цена и др.), которые позволяют четко измерить взаимные представления, т. е. применить количественные критерии. В других формах обмена это невозможно в силу специфики идеальных благ, не поддающихся количественному измерению.

Тем не менее две последние формы также есть обмен и, как пишет Г. В. Мальцев, в «сфере духовных, идеологических взаимоотношений существует тип учета

---

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия... С. 91–92. Вступая во взаимодействие добровольно, люди стремятся уравновесить свои затраты с ожидаемым вознаграждением, получить нечто равноценное отданному, или, иначе, получить эквивалент своих усилий либо переданных ценностей, поскольку затраты субъекта могут носить различный характер и выражаться в чем-то, что он *отдает*: в материальных ценностях (вещах, деньгах и т. д.), собственных усилиях (трудовых, творческих, предпринимательских и т. д.), потраченном времени, оказанном участии и пр. Следовательно, в обмене непременно присутствует такая составляющая, как эквивалентность.

² Мальцев Г. В. Социальная справедливость... С. 16.

действий, связанный с идеальными представлениями с той и другой стороны: человек “платит” уважением за уважение, ненавистью за ненависть, благодарностью за лестный отзыв и т. д.»¹. На основе этого можно заключить, что обменные отношения дают картину равновесия, соответствия, баланса между обращающимися ценностями. Общепризнанно, что обществу необходима справедливость в обменных отношениях. А справедливость «требует равенства (*эквивалентности*) предоставлений и получений при обмене социальными благами, соразмерности возмещения причиненному ущербу, наказания — преступлению и т. д.»².

Тип учета действий, о котором говорит Г. В. Мальцев, формировался на протяжении длительного времени, получая объективацию в обычаях, традициях, нравственных, моральных и правовых нормах. На сегодняшний день система таких норм едва ли не окончательно сформировалась, и люди давно и хорошо знают, что за подвиги необходимо награждать, за преступления — карать; за добрые поступки человека уважают, а за вредные — презируют; за покупаемый товар нужно платить деньги, а за приятные слова положено благодарить. Почему так сложилось? Чем обусловлены такие нормы? За всеми социальными нормами, предписывающими ответный образ действий, «стоят объективные социальные механизмы, приводящие в движение систему взаимных действий»³, а отказ следовать принятым нормам представляет угрозу для нормального функционирования общества. Таким образом, изучение социального взаимодействия, социальных контактов, социального обмена постоянно

---

¹ Мальцев Г. В. Социальная справедливость... С. 16.

² Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2003. С. 49.

³ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 12.

выводит исследователя на социальную закономерность, обусловившую формирование обменных отношений и обеспечивающую их функционирование на всем протяжении человеческой истории.

Эта закономерность есть эквивалентность взаимных действий взаимодействующих субъектов. Она проявляется во всех формах взаимодействия, хотя в обмене материальных благ на материальные эквивалентность выражена ярко и отчетливо, в то время как в других формах взаимодействия (обмен материальных благ на идеальные или наоборот и обмен идеальных благ на идеальные) она принимает нечеткое, слабое выражение. Эквивалентность присуща нематериальному обмену в той же мере, что и материальному, поскольку в нравственной сфере так же, как и в материальной, «односторонние и одноразовые (безответные) действия представляют... скорее исключение, чем правило. Основным типом нравственной связи является взаимный обмен поступками. Процесс устойчивого нравственного общения разворачивается в многоактную цепь чередующихся во времени и иницирующих друг друга поведенческих актов (встречных поступков)»¹.

Такие встречные действия в конечном итоге принимают сбалансированную, уравновешенную форму. Анализируя позиции социологов Г. Зиммеля и С. Московичи, Н. Н. Зарубина указывает на идею эквивалентности неимущественных социальных связей: «...добродетель оплачена моральным удовлетворением или благодарной памятью, подвижничество — спасением души и т. д. Таким образом, все имеет цену, любой поступок совершается не “просто так”, а в расчете на получение чего-то

---

¹ Василенко В. А. Категория нравственной ценности и ее место в системе этических понятий // Проблемы категорий марксистско-ленинской этики : материалы симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Новосибирск, 1969. С. 224–225.

взамен. На этом, как считают ученые, и основывается общество как система социальных связей»¹. При этом она отмечает, что дар имеет высший смысл, лежащий за пределами обычной рациональности, и вызывает к жизни отношения и связи, выходящие за пределы ожидания адекватного обмена, ориентированные на сверхрациональные ценности². Безусловно, дар, пожертвование и любой другой благородный жертвенный поступок имеет целью нечто выходящее за пределы рациональности. Можно представить себе отношения, в которых человек не стоит на страже собственных интересов, а стремится отдавать все другим, ничего не требуя взамен. Такова основа различных религиозных систем с идеалами самоотреченности, аскетизма и т. д. Г. В. Мальцев отмечает, что право плохо уживается с подобными доктринами, хотя и не исключает нравственных законов любви и братства, идеалов альтруизма, бескорыстия, милосердия и т. д. Самоотверженный образ действий человека в пользу других может стать попыткой приблизиться к этическому идеалу, но в целом взаимность возникает из объективной природы двустороннего взаимодействия субъектов, где они исходят из того, что любое направленное на других действие подлежит обязательному возмещению³.

Добровольность предоставления не освобождает от необходимости совершать ответные взаимные действия. И. Кант полагал, что благодеяние есть «максима делать это своей целью; долг благодеяния есть принуждение субъекта со стороны разума к принятию этой максимы в качестве всеобщего закона». Однако эта максима не может быть возведена в обязательное правило для всех

---

¹ Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социс. 2005. № 7. С. 20.

² Там же.

³ Мальцев Г. В. Социальная справедливость... С. 54–61.

людей, не может обеспечиваться государственным принуждением, принимать вид юридической обязанности; в данном случае субъект принуждает себя сам; в обществе же наиболее естественна иная максима: «Каждый за себя, один бог (судьба) за всех нас»¹.

Такое понимание присуще и некоторым современным правоведам. «Право (закон) не может не учитывать общераспространенных, общепринятых этических требований, которые в значительной части базируются на принятых человечеством религиозных догматах, — замечает В. А. Лапач, — и при воплощении их в праве обычно приобретают значение принципов справедливости и соразмерности, — принципов, которые своеобразным образом реализуются в юридической материи различных отраслей права»². Особое внимание ученый обращает на то, что в частном праве религиозно-нравственные принципы выражены наиболее отчетливо в началах эквивалентности. Неэквивалентное отчуждение имущества не свойственно человеку и не закрепляется в праве. Такое отчуждение подрывает экономическую систему; оно не вписывается в рамки стабильного процесса взаимодействия, в котором каждый участник желает получить за свои позитивные действия в отношении других эквивалентное предоставление. «Правовой обязанности дарить, жертвовать что-либо, нарушая тем самым начала эквивалентности, не существует»³, — подчеркивает В. А. Лапач и заключает, что действительный правовой интерес носителя субъективного гражданского права не может состоять в регулярном совершении сделок, приносящих

---

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995. С. 472.

² Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 68.

³ Там же. С. 69.

убыль. Посредством правовых предписаний закрепляются, главным образом, эквивалентные отношения, что соответствует как интересам отдельных индивидов, так и интересам общества в целом.

Как будет показано далее, «нормальное» цивилизованное социальное взаимодействие субъектов неизменно сопровождается эквивалентным обменом, что позволяет говорить о таком обмене как об объективной социальной закономерности. Эту социальную закономерность в абстрактном «концентрированном» виде и отражает категория эквивалентности. Ее значение велико для всей правовой науки, но особенно для науки гражданского права, предметом регулирования которого являются отношения по принадлежности и обороту материальных, а в ряде случаев и нематериальных благ. Данное обстоятельство обуславливает настоятельную потребность исследования эквивалентности гражданско-правовой наукой для достижения обозначенной выше цели открытия и изучения закономерностей в области, являющейся предметом ее исследования.

Правовое взаимодействие субъектов есть в то же время социальное их взаимодействие. Следовательно, оно не может строиться не на основе социальных закономерностей, одной из которых является необходимость обязательного возмещения любого направленного на других действия.

Данная закономерность отражается в категории «эквивалентность», на основе чего мы выдвигаем гипотезу: эквивалентность есть значимая гражданско-правовая категория, в абстрактном «концентрированном» виде отражающая всеобщую объективную социальную закономерность эквивалентного взаимодействия субъектов по поводу обмена материальными и духовными ценностями. Эта гипотеза носит интерпретационный характер.

ОЧЕРК 2. ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

В юридической литературе, как отмечалось, подходы к пониманию и оценке эквивалентности варьируются от придания ей весьма высокого значения для постижения всей правовой действительности до сведения к одному из признаков, характеризующих часть отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, а именно имущественных. В общетеоретической литературе данное понятие используется либо как признак, характеризующий позитивное право в целом, либо как правовой принцип. В цивилистической литературе диапазон применения данного понятия гораздо шире. Оно употребляется: 1) в значении принципа гражданского права; 2) в значении признака, характеризующего предмет гражданского права в части имущественных отношений (причем не всех, а только обязательственных); 3) как принцип отдельных гражданско-правовых институтов; 4) как признак, характеризующий отдельные гражданско-правовые договоры или институты.

Высокую оценку эквивалентности дает С. С. Алексеев. Характеризуя позитивное право, теоретик указывает, что оно имеет свои свойства и качества, в числе которых особого внимания заслуживает качество *равновесности*. Право является реализацией «того заложенного в праве начала, которое выражено в формуле “равная мера”. Эта “равная мера” или “правовое равенство”, “пропорциональность”... означает нацеленность права на то, чтобы утвердить в жизни людей принцип эквивалентности, равного несения при равных условиях бремени ответственности, приоритета договорного метода

во взаимоотношениях субъектов, состязательности...»¹. С. С. Алексеев признает эквивалентность одним из требований, «элементарных императивов жизнедеятельности», прочно утвердившихся в «реальном человеческом бытии», и утверждает: если бы право не отражало и не закрепляло эти императивы, то вряд ли оно могло бы обрести свой высокий статус².

Таким образом, во-первых, С. С. Алексеев признает эквивалентность требованием человеческого существования, выводимым из онтологических основ человеческого бытия и ставшим свойством (качеством) позитивного права. В этой связи он указывает, что эквивалентность может рассматриваться как одно из требований естественного права, суть идеи которого «заключается в том, что наряду с правом, созданным людьми и выраженным в законах (позитивным правом), существуют требования, по своей исходной основе непосредственно, без какого-либо людского участия, рожденные самой натуральной жизнью общества, “природой”, “естеством” человеческого бытия, объективными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей»³.

Во-вторых, С. С. Алексеев качество эквивалентности позитивного права выводит из генетической связи права и экономики. Он указывает, что непосредственную роль в формировании права сыграли потребности экономических отношений, экономическая свобода и рынок. В числе таких потребностей он называет необходимость сделать незыблемой собственность, утвердить статус товаровладельцев, обеспечить устойчивые экономические

---

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 243.

² Там же. С. 418.

³ Алексеев С. С. Частное право : науч.-публ. очерк. М., 1999. С. 64–65.

связи, прочные предпосылки хозяйственной деятельности. Эти потребности явились источником многих важнейших свойств юридической формы общественного регулирования, таких как общеобязательная нормативность, формальная определенность и др.¹

Можно предположить, что С. С. Алексеев склонен видеть прямую связь между свойствами права и общественной потребностью правового оформления отношений обмена, поскольку «устойчивые экономические связи» не могут заключаться ни в чем ином, кроме как в обмене, а одним из главных компонентов «хозяйственной, коммерческой деятельности» являются обменные отношения.

В то же время следует указать, что представления С. С. Алексеева об эквивалентности не дают возможности четко определить ее статус. Во-первых, он говорит об эквивалентности, как о «том заложенном в праве начале, которое выражено в формуле “равная мера” или “правовое равенство”, “пропорциональность”», во-вторых, как о качестве (свойстве) права, в-третьих, как о требовании естественного права и, в-четвертых, как о принципе права. Впрочем, можно предположить, что заложенное в праве начало пропорциональности — это и есть упомянутое качество права, а «принцип позитивного права» — это закрепленное в нем руководящее положение, но и в этом случае остаются два смысла: «качество позитивного права» и «принцип позитивного права». Между тем в юридической литературе эти смыслы разделяются и качества права, как правило, не сводятся к его принципам. В целом же можно заключить, что С. С. Алексеев признает за эквивалентностью статус высоко значимой правовой категории, значение которой определяется ее ролью в характеристике сущности позитивного права.

---

¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 50.

К позиции С. С. Алексеева примыкают взгляды Н. В. Сильченко, по мнению которого требование эквивалентности обуславливает равенство в правовом отношении, заключающееся в том, что фактически неравные люди, обмениваясь материальными и духовными ценностями на эквивалентных началах, вынуждены признавать друг друга равными себе. Он утверждает, что равенство участников не навязывается извне, а представляет собой естественный, закономерный результат развития общественных отношений, которые основаны на эквивалентном обмене благами. Именно требование эквивалентности ставит участников общественного отношения в равное положение. Эквивалентное отношение возможно лишь тогда, когда его участники имеют равную возможность устанавливать эквивалент, который будет определять единый для них «масштаб поведения»¹. Н. В. Сильченко развивает мысль, что отступление во взаимодействии от эквивалентности и равенства, стремление одной из сторон навязать другой стороне свои условия является произволом и, соответственно, участники правовых отношений заинтересованы в том, чтобы в процессе передвижения благ не нарушался принцип эквивалентности и равенства сторон, поскольку в противном случае его нарушение угрожает нормальному бытию социума.

В цивилистической литературе также можно встретить указание на то, что эквивалентность есть принцип права. Так, С. Раевич писал: «Значение эквивалентности как общего принципа права можно считать в основном давно уже выясненным. Однако до недавнего времени не было сделано даже и попытки конкретизировать общие

---

¹ Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Сов. государство и право. 1991. № 8. С. 18–19.

положения по этому вопросу»¹. Можно предположить, что в статье, из которой мы привели цитату, С. Раевич намеревался «конкретизировать общие положения об эквивалентности». Представляется, что это ему удалось применительно к практике разрешения имущественных споров «между госорганами вообще» и решению вопроса о том, «чем следует руководствоваться тогда, когда определенная договором цена продаваемых товаров и в особенности принимаемого подряда оказывается не соответствующей издержкам производства»². Однако такая конкретизация не имеет отношения ни к обоснованию принципа эквивалентности в гражданском праве, ни к его общей характеристике.

Возвращаясь к утверждению С. Раевича о том, что «значение эквивалентности как общего принципа права можно считать в основном давно уже выясненным», необходимо отметить следующее. В статье С. Раевич упоминает «труды основоположников научного социализма» без ссылки на конкретные работы, а также дает ссылку на работу П. И. Стучки «Курс советского гражданского права», впервые опубликованную в 1927 г. Поскольку рассматриваемая статья С. Раевича была опубликована в 1930 г., то вряд ли «давно» сказано по поводу работы П. И. Стучки.

В то же время трудно представить, что автор имел в виду работы дореволюционных цивилистов, как российских, так и зарубежных, в которых, как будет отмечено далее, действительно можно встретить упоминания о принципе эквивалентности. Трудно представить потому, что в тот период труды дореволюционных правоведов упоминались только с целью критики их «буржуазного» ха-

---

¹ Раевич С. К вопросу об эквивалентности. Проблема эквивалентности в практике обобществленного сектора // Сов. государство и революция права. М., 1930. С. 79.

² Там же. С. 82.

рактера и «буржуазных» идей, но никак не с целью обоснования тех или иных положений «нового советского социалистического гражданского права». Поэтому можно с большой долей уверенности утверждать, что «давно» следует относить к трудам основоположников научного социализма, т. е. К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Интерпретация же положений об эквивалентности, изложенных в этих трудах, осуществляется С. Раевичем исключительно с целью «предотвратить возможность абстрактного, нежизненного, механического, антидиалектического применения общих положений по вопросу об эквивалентности»¹. Главный смысл «конкретной, жизненной, диалектической» интерпретации общих положений классиков марксизма по вопросу об эквивалентности С. Раевич видел в том, что «начало реального эквивалента (равная стоимость за равную) не может применяться без существенных ограничений», а «из факта социально-классовой неоднородности среды, в которой найдет применение начало эквивалента, вытекает конечно необходимость, в целях проведения определенной политики, весьма сильно уклоняться от эквивалентного обмена»². В качестве примера такого «уклонения» С. Раевич указывает на квартирную плату, «которая в отдельных случаях может при равной площади быть в сотни раз больше и меньше, в зависимости от социального положения нанимателя»³.

Данная небольшая по объему статья С. Раевича, во-первых, хорошо показывает отношение к принципу эквивалентности в той мере, в какой он вообще признавался в послереволюционные годы, а во-вторых, позволяет указать на различие между категориями эквивалентности и

---

¹ Раевич С. К вопросу об эквивалентности... С. 80.

² Там же.

³ Там же.

справедливости. Справедливым (либо несправедливым) можно признать все, что будет угодно признать таковым какому-либо субъекту (например, правящему классу) по тем или иным причинам, ведь критерии справедливости, как показывает история, изменчивы. Критерии же эквивалентности в этом смысле обладают гораздо большей устойчивостью, в связи с чем принцип эквивалентности мог либо признаваться, либо отвергаться, либо, при его признании, подвергаться различным ограничениям.

Очевидно, что указанное на примере статьи С. Раевича отношение к принципу эквивалентности в послереволюционные годы не имеет ничего общего с тем отношением, которое демонстрирует С. С. Алексеев. У последнего требование эквивалентности — это «жизненное» требование, которое, безусловно, должно быть закреплено в праве. У С. Раевича — это вынужденная уступка «закону стоимости», который действует при социализме в известной мере, и то до той поры, пока в экономике сохраняются элементы «буржуазного оборота». Позиция С. Раевича — это повторение позиции П. И. Стучки, который указывал: «Мы сознательно вносим в наше гражданское... право принцип эквивалента. “Равное за равное” — это принцип буржуазного права вообще... Но в чем заключается этот эквивалент? Право этого не поясняет, оно само не знает, забыло это. С эквивалента товаров оно переносит это равенство на волю товаровладельцев и предоставляет свободной воле договаривающихся сторон установить этот эквивалент. Мы уже показали, что на такую точку зрения мы целиком согласиться не можем, что мы и в гражданском праве возвращаемся к объективному эквиваленту продуктов, хотя и разрешаем договорные уклонения от этого объективного простого или развернутого трудового эквивалента»¹.

---

¹ Стучка П. И. Общая часть гражданского права. М., 1929. С. 12.

Таким образом, можно заключить, что в послереволюционные годы эквивалентность рассматривалась как принцип права, хотя этот принцип и не расценивался положительно, а только как временное явление, уступка сохраняющемуся еще «буржуазному» товарообороту.

Позицию, связывавшую эквивалентность с оборотом и признававшую ее принципом права, занимали в истории правоведения многие ученые. Однако если в послереволюционный период этот принцип оценивался негативно, то в предшествующие периоды, напротив, признавался необходимостью общественного существования.

Так, Р. Иеринг, именовавший данный принцип «принципом эквивалента», писал по этому поводу: «Эквивалент — это установленное путем опыта равновесие между исполнением сделки той и другой стороной, размер платы (или реального исполнения), при котором каждая сторона получает свое, и никто не остается в проигрыше. Эквивалент есть осуществление и д е и с п р а в е д л и в о с т и в области о б о р о т а, так как справедливость, выражаясь коротко и ясно, есть не что иное, как то, что пригодно всем, устраивает всех, она — политика разумного и осмотрительного эгоизма. Поэтому одной из высших задач оборота является осуществление по возможности принципа эквивалента во всех отношениях людей друг к другу»¹. Приведенные слова наглядно демонстрируют высокую оценку рассматриваемого принципа выдающимся правоведом, но не снимают противоречия между отнесением его к области «оборота», с одной стороны, и к проведению его «во всех отношениях людей друг к другу» — с другой, ведь термин «оборот» имеет в цивилистике четко определенный смысл и, по широкому признанию, характеризует «динамику гражданского права», а следовательно, «всех отноше-

---

¹ Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 105.

ний людей друг к другу» в сфере гражданско-правового регулирования не охватывает.

Широкое развитие положение об эквивалентности как важнейшем правовом принципе в послереволюционной России получило в работах основателя так называемой «меновой теории права» Е. Б. Пашуканиса. Поставив целью выявить истоки правовой формы, теоретик неоднократно обращается к категории эквивалентности¹.

Наиболее важной мыслью меновой теории права Е. Б. Пашуканиса является та, что первая чистая правовая идея — это идея эквивалента и «теоретически правовое общение может быть конструировано как обратная сторона менового отношения»². Теоретик последовательно обосновывает данную мысль и доказывает, что именно в обмене «получает свое материальное основание юридическая форма в ее простейшем, наиболее чистом виде. Акт обмена... сосредоточивает в себе, как в фокусе, самые существенные моменты, как для политической экономии, так и для права»³.

Аргументируя свою концепцию, Е. Б. Пашуканис, будучи последовательным материалистом, отметил теории, отводившие правовой форме роль «фантазма» (та-

---

¹ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 55.

² Там же. С. 154.

³ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 113. Данное положение доказывается и лингвистически. Общественные отношения есть обменные отношения, так как «обменяться» в русском языке значит «взаимно совершить, сделать что-нибудь», а «отношение» — «взаимная связь разных величин, предметов, действий», «связь между кем-нибудь, возникающая при общении, контактах» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 442, 488). Поскольку право регламентирует отношения между людьми, оно тем самым регламентирует связи между ними, возникающие «при общении и контактах», а взаимодействие, общение, контакты людей неизменно сопровождаются обменом.

кими словами Е. Б. Пашуканис характеризовал правовые воззрения М. А. Рейснера¹) или «новой мифологии» (это словосочетание Е. Б. Пашуканис употреблял по поводу научной позиции А. Г. Гойхбарга²) и показывал, что реальная история права «развертывается не как система мыслей, но как особая система отношений, в которые люди вступают не потому, что они ее сознательно избрали, а потому, что к тому их вынуждают условия производства»³. Критиковал Е. Б. Пашуканис и представителей догматической юриспруденции, сводивших право к правовой норме и полагавших, что право существует как веление государства. Замечая, что в отношениях купли-продажи, займа, ссуды и т. д. основным определяющим моментом является не императив, обращенный от имени государства к отдельному лицу, а само материальное экономическое содержание этих отношений, теоретик утверждал, что «развитие права как системы было вызвано не потребностями господства, но потребностями торгового оборота как раз с такими племенами, которые не охватывались единой сферой власти»⁴.

Таким образом, Е. Б. Пашуканис исходил не из априорных теоретических построений и не из психических переживаний субъектов, а из их социального бытия, из реальных условий их жизни, из их потребности в обмене и приходил к выводу, что право возникает там и тогда, где имеет место общение обособленных субъектов, связанных между собой посредством эквивалентного обмена. О. С. Иоффе писал по поводу теории Е. Б. Пашуканиса:

---

¹ Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М., 1925.

² Гойхбарг А. Г. Несколько замечаний о праве // Сов. право. 1924. № 1.

³ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения... С. 61.

⁴ Там же. С. 87.

«Решительно предостерегая от фетишизации правовых явлений, он требовал раскрытия социальной сущности юридических категорий»¹. Иными словами, Е. Б. Пашуканис в вопросах правового развития ставил на первое место не политические потребности государства (правлящего класса) и не внутренние потребности формирования объективного права, а социальные закономерности, которые в силу их объективной обусловленности неизбежно присущи всем сферам человеческого существования, включая и правовую сферу. Полагаем, что данный подход заслуживает всяческого внимания и поддержки, а идеи Е. Б. Пашуканиса требуют развития современной цивилистикой.

Роль, влияние и проявление эквивалентного обмена как источника правовой формы Е. Б. Пашуканис показывает на примере наиболее значимых для права категорий — субъекта права, правосубъектности, субъективного права, договора, права собственности, которые «прежде всего и отчетливее всего вскрывают свою материальную основу в явлении обмена»². В соответствии с его концепцией, субъект права — главный элемент правового отношения и правовой формы в целом — возникает объективно, независимо от чьих бы то ни было велений и устремлений, а правовая категория субъекта прав «абстрагируется из актов рыночного обмена»³.

Поскольку обменные отношения возможны только между свободными товаровладельцами, именно в актах обмена человек реализует свою формальную свободу самоопределения, свою сферу господства, которая в правовом смысле принимает форму субъективного пра-

---

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 207.

² Пашуканис Е. Б. Избранные произведения... С. 187.

³ Там же. С. 61.

ва. А поскольку зеркальным отражением субъективного права является субъективная обязанность, то можно утверждать, что обмен порождает и права, и обязанности. Более того, хотя способность к совершению меновых сделок есть лишь одно из проявлений правосубъектности, «исторически именно меновая сделка дала идею субъекта как абстрактного носителя всех возможных правопритязаний»¹, а в условиях товарного хозяйства породила абстрактную правовую форму правоспособности, отделенную как от конкретных субъектов, так и от их конкретных правопритязаний.

Характеризуя «меновую теорию» Е. Б. Пашуканиса в целом, можно констатировать, что в ней нашли объяснение все наиболее значимые для права категории. В соответствии с этой теорией объективное право возникает и существует там, где возникает и существует обмен, и «поскольку отношения отдельного производителя и общества продолжают сохранять форму эквивалентного обмена, постольку они продолжают сохранять и форму права»², а порядок есть «юридическая ткань», в которой тесно связаны «субъект как носитель и адресат всех возможных требований» и «цепь субъектов, связанных требованиями, обращенными друг к другу»³.

Теория Е. Б. Пашуканиса подвергалась в литературе того периода резкой критике по идеологическим соображениям⁴. Так, например, П. И. Стучка упрекал Е. Б. Па-

---

¹ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения... С. 110.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 90.

⁴ См., напр.: Берман Я. В доспехах вульгарного экономизма // Сов. государство и революция права. 1930. № 8–9. С. 139–158; Либерман С. Против сползания на позиции меновой концепции в праве // Там же. С. 159–167; Резцов Л. Право-отношение и право-норма (Теории Е. Пашуканиса, как рецидив буржуазно-правового индивидуализма) // Там же. С. 168–180.

шуканиса в односторонности, указывая, что он «сводит все право только к рынку, только к обмену, как опосредствованию отношений товаропроизводителей, — что, значит, право вообще свойственно только буржуазному обществу... Суть... в той основной мысли, что с одной стороны понятие права ограничивается... лишь рынком, а с другой, для происхождения этого права как идеологии ищут аналогии во всех проявлениях договорного или эквивалентного начала... Среди его последователей попадают товарищи, которые смотрят на это учение как на уже завершённое и тем самым попадают... в плен абстрактных буржуазных формул»¹.

П. И. Стучка отвергал идеи Е. Б. Пашуканиса, так как считал, что они относятся к буржуазному гражданскому праву, которое есть «устав общества товарного производства и обмена. А суть эквивалентного масштаба, масштаб равенства в этом *обмене-опосредствовании*, мы теперь ясно видим в эквиваленте меновой стоимости... С победой пролетариата буржуазное право... превращается в *право нового качества, которое мы называем советским*. Оно из буржуазного права перенимает и масштаб эквивалента-равенства (в смысле К. Маркса и В. И. Ленина...), *поскольку таковой не вытесняется новым принципом плановости*, но, в противоположность потугам монополистического капитализма, — *реальной плановости социалистической*»².

Можно отметить, что П. И. Стучка достаточно подробно рассматривал роль эквивалента в праве, однако цель его исследования не заключалась в полномасштабном изучении эквивалентности как категории; он привлекал термин «эквивалент» для того, чтобы показать не-

---

¹ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 563–564.

² Там же. С. 572.

соответствие так называемого «трудового эквивалента», присущего капиталистическому производству с его товарообменом, социалистической (марксистской) теории. Поэтому он с большой долей иронии описывал взгляды Аристотеля на эквивалентность, римское и средневековое ее понимание, взгляды Р. Иеринга, которого называл «слабым учеником Гегеля», а также взгляды иных зарубежных («буржуазных») правоведов. Как объяснял сам П. И. Стучка, «мы для того и вскрываем настоящую подоплеку буржуазного права, чтобы сделать надлежащие выводы, определить, как мы понимаем справедливость (aequitas) в гражданском праве. В общем и целом мы можем сказать, что в гражданском (или товарном) обороте гражданское право означает право на эквивалент постольку, поскольку это не противоречит закону»¹ и, можно добавить, сущности гражданско-правового регулирования в марксистско-ленинской трактовке.

Не останавливаясь более на идеологических аспектах критики, поскольку приведенные высказывания П. И. Стучки дают полное о ней представление, укажем, что *сущностной* критике «меновую теорию права» никто не подвергал, а обоснованное Е. Б. Пашуканисом положение о том, что «юридическая идея» — это идея эквивалентности, до сего времени никем не опровергнуто. Более того, оно даже не анализировалось на теоретическом уровне, поскольку правоведы лишь упоминают «меновую теорию права», но не исследуют аргументы Е. Б. Пашуканиса, причем такая картина наблюдается как в общей теории права, так и в цивилистике.

Так, например, А. В. Поляков, рассматривая вопросы правопонимания, указывает на «меновую теорию права» Е. Б. Пашуканиса, приводит большие цитаты из его

---

¹ Стучка П. И. Введение в теорию гражданского права. М., 1931. С. 229.

трудов, но ни анализа, ни оценки идей Е. Б. Пашуканиса не дает, ограничиваясь утверждением: «Несмотря на марксистскую методологию (вернее, благодаря достаточной адекватной ее трактовке), Е. Б. Пашуканису удалось описать многие важные элементы правовой структуры и показать их взаимосвязь»¹.

Современные цивилисты В. С. Ем и С. В. Третьяков обстоятельно описывают «меновую концепцию» Е. Б. Пашуканиса, неоднократно цитируют его, но по существу его положений своего мнения также не высказывают². Более конкретно выражал свою позицию по этому вопросу О. С. Иоффе, который выдвинул против теории Е. Б. Пашуканиса замечание о том, что, «вопреки... неоднократно им повторяемому марксистскому положению о предопределяемости права экономикой Е. Б. Пашуканис выводил его не просто из экономики, а всецело и исключительно из меновых отношений... В результате вместо экономического обоснования правовых явлений, как того требует марксизм и на чем с полным основанием настаивал сам Е. Б. Пашуканис, эти явления оказались растворенными в экономике и притом не в экономике вообще, а только в таком ее специфически историческом типе, каким являются товарное производство и товарное обращение»³. Приведя указанные критические замечания, О. С. Иоффе заключал: «Понятно поэтому, что многочисленные конкретные выводы, к которым Е. Б. Пашуканис приходил, как и предложенная им общая оценка сущности гражданского права, не могли рассчитывать на широкое применение в продолжение сколько-нибудь дли-

---

¹ Поляков А. В. Общая теория права... С. 184.

² Ем В. С., Третьяков С. В. Проблемы применения марксистской методологии к анализу гражданско-правовой формы // Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 22–28.

³ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву... С. 208.

тельного времени»¹. Действительно, в советский период идеи Е. Б. Пашуканиса не могли приобрести значительное число последователей, хотя не можем не указать, что сам О. С. Иоффе называл в их числе видного представителя гражданско-правовой науки С. И. Аскназия, который, по утверждению О. С. Иоффе, «следовал за меновой концепцией при рассмотрении гражданского права»².

Необходимо отметить, что С. И. Аскназий действительно уделил много внимания обоснованию связи между различными экономическими категориями и основными институтами гражданского права и, например, применительно к категории товара показал его тесную связь не только с институтом договора, но и (подобно Е. Б. Пашуканису) с понятием субъекта права и понятием собственности³, однако роли эквивалентности в интересующем нас смысле С. И. Аскназий не касался.

Подтверждая вывод об игнорировании современным правоведением наиболее значимых идей «меновой теории» Е. Б. Пашуканиса, необходимо обратиться к одному из последних диссертационных исследований, специально посвященных политико-правовым взглядам выдающегося теоретика права. Его автор Е. Е. Протопопов дает весьма поверхностную картину концепции Е. Б. Пашуканиса и, по существу, ограничивается ее описанием, не сопровождаемым сколько-нибудь серьезным анализом и оценкой, делая упор на понимании Е. Б. Пашуканисом института государства, данной им критике нормативизма, его положении об отмирании права и т. д.⁴ Важ-

---

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву... С. 208.

² Там же. С. 210.

³ Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 143–217.

⁴ Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды Е. Б. Пашуканиса. М., 2007.

нейшую же мысль Е. Б. Пашуканиса о том, что «чистая правовая идея — это идея эквивалента», автор даже не затрагивает, сводя роль эквивалентности в меновой теории к отношениям между трудом и капиталом, свидетельством чего может служить такое положение автора: «Не анализируя отношений производства, Пашуканис не понял неэквивалентный характер отношений между трудом и капиталом. Пашуканис не смог понять, что буржуазное право при капитализме нарушает принцип обмена товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой, поэтому оно не является равным правом, ибо здесь принцип и практика все еще противоречат друг другу»¹. В наши задачи не входит критика выводов данного автора, однако не можем не заметить, что основательно разработанная Е. Б. Пашуканисом зависимость позитивного права от потребности достижения эквивалентности в общественных отношениях, а также другие его выводы не получили в отечественной правовой науке ни должного исследования, ни необходимого развития.

Относительно критической позиции П. И. Стучки укажем, что она не может быть положена в основание отказа от «меновой теории права», поскольку во главу угла ставит не историко-социологические или теоретические, а сугубо идеологические аргументы и исходит из общей посылки, складывающейся из двух аспектов: 1) о существенных особенностях социалистического права и 2) об отмирании права.

На первый аспект нами было указано выше, а по поводу второго вновь обратимся к работе П. И. Стучки, который писал: «*И советское право не вечно. И оно — вместе с государством — отмирает как право, основанное на классовом принуждении. Как это понимать? Мы должны*

---

¹ Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды... С. 8.

припомнить разницу между буржуазной и пролетарской революцией... Буржуазный кодекс тщательно спрятал связь свою с господством буржуазии, с планами класса капиталистов (наживы) и т. д. Наш кодекс, наоборот, должен ясно и открыто показать, что и гражданский кодекс в целом подчинен социалистической плановости рабочего класса. Поэтому нам важно и подчеркнуть именно *советский* характер нашего гражданского права»¹. Очевидно, что в рамках такого подхода П. И. Стучка не мог анализировать «меновую теорию права» *по существу*. Полагаем, что доказывать несостоятельность критики П. И. Стучки нет необходимости в силу ее (несостоятельности) очевидности, но можно добавить замечание К. И. Скловского о том, что доктрина отмирания права всегда ставила наше правоповедение в двусмысленное положение².

Несмотря на критику теории Е. Б. Пашуканиса, начиная с 30-х годов прошлого столетия правоведы нередко упоминают принцип эквивалентности, но его существование в праве, за редкими исключениями, не обосновывают. К таким исключениям можно отнести работу Г. В. Мальцева «Социальная справедливость и право», в которой он не только признает эквивалентность принципом права, но и дает его характеристику³. Иные правоведы, упоминающие принцип эквивалентности, либо указывают вкратце на некоторые аспекты его понимания, либо только констатируют его существование. В этой связи значимым моментом следует признать широкое толкование данного принципа и распространение его действия не только на товарооборот — возмездные экономические отношения по перемещению матери-

---

¹ Стучка П. И. Избранные произведения... С. 591–592.

² Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М., 1999. С. 17.

³ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977.

альных благ от одного субъекта к другому, но и на иные «правовые субстанции».

Так, Л. С. Мамут дает высокую оценку принципу эквивалентности. Он не ограничивается экономическим смыслом категории и говорит не о равноценности товаров, перемещаемых в обороте, а о соразмерности субъективных прав и обязанностей участников правовых отношений. «...Началом эквивалентности — коренным принципом права — обусловлено не только наличие у каждого субъекта права на осуществление правомочий и связанных с ними обязанностей, — пишет правовед. — Этим началом определяется также соразмерность суммы и “объемов” правомочий и обязанностей. Их диспропорции нарушают отношения формального равенства сторон, выводят носителей диспропорциональных, несбалансированных правомочий и обязанностей из сферы права»¹. О. В. Родионова также признает эквивалентность принципом права в целом и отмечает, что гражданскому праву она присуща в виде формального равноправия, а в публичном праве, в частности в сфере социального обеспечения, уступает место принципу пропорционального равноправия, или уравнивающей справедливости².

Некоторые цивилисты также рассматривают эквивалентность как принцип, но уже не общеправовой, а отраслевой, гражданско-правовой, хотя в его трактовке при этом остается некоторая недосказанность. Например, М. И. Брагинский отмечает, что «в основе гражданских правоотношений вообще и договоров в частности лежит принцип эквивалентности. Этим определяется то, что ос-

---

¹ Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 7.

² Родионова О. В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 185–186.

новная масса договоров относится к числу возмездных»¹, но более ничего по поводу эквивалентности как принципа гражданского права не пишет, в связи с чем остается непонятным, что цивилист имеет в виду под «гражданскими правоотношениями вообще».

А. И. Хаснутдинов указывает на эквивалентность как на принцип, действующий в отношениях участников гражданского оборота², но свою мысль не конкретизирует, в связи с чем можно предположить, что он распространяет его только на обязательственные отношения. Чешский правовед И. Земанек, исследуя вопрос о принципах обязательств в социалистической экономической интеграции, рассматривал эквивалентность как принцип обязательственного права, который характеризовал посредством словосочетания «соизмеримость взаимных обязательств»³. Е. А. Суханов рассматривает эквивалентность как принцип гражданского права, но распространяет его действие только на сферу стоимостных (товарно-денежных) отношений⁴. Такое же мнение высказывает В. В. Ровный, который полагает, что «экономический характер эквивалентности непосредственно связан с действием *закона стоимости*, который обуславливает существование общего принципа эквивалентности в товарообменных общественно-экономических отношениях»⁵.

---

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 264.

² Хаснутдинов А. И. Вспомогательные договоры на транспорте. Иркутск, 1995. С. 166–167.

³ Земанек И. Принцип взаимной выгоды и вопросы эквивалентности обязательств в социалистической экономической интеграции // Принципы социалистической экономической интеграции. М., 1985. Ч. 1. С. 93.

⁴ Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2006. С. 47.

⁵ Ровный В. В. Общая характеристика договора купли-продажи (в помощь студентам и аспирантам) // Сиб. юрид. вестн. 2001. № 3. С. 30.

Многие цивилисты относят эквивалентность к признакам, характеризующим имущественные отношения, входящие в предмет гражданского права. При этом, как правило, используется не термин «эквивалентные отношения», а термин «эквивалентно-возмездные отношения», поскольку эквивалентность рассматривается в связке с возмездностью. Считается, что признак «эквивалентно-возмездности» имущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством, вытекает из их товарно-денежного характера. Рассматривая данный аспект, следует указать, что обращение к признаку эквивалентности при характеристике предмета гражданского права сложилось в советский период. В дореволюционной цивилистике подходы были иные, а потому той характеристики, которую дают советские источники, она не демонстрирует. В работах большинства дореволюционных цивилистов нет даже упоминания об этом признаке при описании предмета гражданского права. Однако некоторые ученые все же указывают на данный признак. Так, Ю. С. Гамбаров, критикуя господствующее в его время учение о понятии гражданского права, исключаящее из предмета гражданско-правового регулирования семейные и иные неимущественные отношения, отмечал, что это учение предполагает предметом гражданского права «только такие интересы, которые могут быть сведены на деньги», т. е. формулируется следующим образом: «Все, что не получает денежного эквивалента, исключается из ведения гражданского права только потому, что это последнее принимается произвольно за область одних имущественных отношений»¹.

Раскрывая существо этого подхода, Ю. С. Гамбаров указывал, что его опора коренится «в том обстоятельстве,

---

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 89.

что гражданское право как будто и действительно не располагает средствами для защиты неимущественных отношений — вследствие непереводаемости этих последних на денежный эквивалент, составляющий существо имущественных отношений»¹. Это указание дает основания заключить, что позиция, в соответствии с которой существо имущественных отношений составляет эквивалент (эквивалентность), была в юриспруденции достаточно широко признана. Однако это признание носило по большей части скрытый характер: эквивалентность имущественных отношений подразумевалась.

В советской литературе признак эквивалентности использовался, во-первых, для характеристики имущественных отношений в предмете гражданского права, а во-вторых, для отграничения имущественных отношений от неимущественных. При этом указание на эквивалентный характер имущественных отношений было обязательным. Этот подход, как писал О. С. Иоффе, был обусловлен невозможностью объяснить сущность данных отношений вне экономических категорий. Поэтому «для выявления сущности государственных юридических лиц из экономической науки берется учение о хозрасчете, для объяснения необходимости плано-договорного оформления обязательственных отношений между социалистическими организациями — учение об экономических законах социализма и их взаимодействии, для обоснования принципа полного возмещения причиненных убытков — учение о стоимостной эквивалентности и т. п.»².

А. В. Венедиктов придавал большое значение признаку эквивалентности имущественных отношений и при характеристике гражданского права выдвигал его на

---

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право... С. 89.

² Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву... С. 190.

передний план. Он утверждал, что именно этот признак обуславливает метод гражданско-правового регулирования, воплощаемый в юридическом равенстве сторон. При этом он не соглашался со сведением характеристики имущественных отношений в гражданском праве к их стоимостному характеру, поскольку, по его мнению, действие закона стоимости распространяется на любые имущественные отношения, а не только на гражданско-правовые. Цивилист указывал, в частности, что наиболее характерным признаком для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, является равноправие их участников, а в применении к имущественным отношениям государственных предприятий придание решающего значения началу равноправия тем более правильно в связи с тем, что оно тесно связано с эквивалентностью, возмездностью хозяйственных операций. С эквивалентностью связано и применение начала равноправия в регулировании гражданским правом имущественных отношений колхозов, кооперативных организаций и отдельных граждан. Проведение принципа материальной заинтересованности предприятия и каждого работника в отдельности в результатах затрат труда немислимо без обеспечения эквивалентности в имущественных отношениях колхозов, пока товарное производство и товарное обращение остаются необходимым элементом системы социалистического народного хозяйства¹. Анализируя позицию А. В. Венедиктова, О. С. Иоффе писал: «Его не удовлетворяло... выведение гражданско-правовых норм об имущественных отношениях всецело из действия закона стоимости при социализме, поскольку действие этого закона в той или иной мере учитывается содержанием

---

¹ Венедиктов А. В. О системе гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1954. № 2. С. 30–31.

любых юридических норм, соприкасающихся с имущественными отношениями»¹.

Д. М. Генкин же, напротив, при характеристике предмета гражданского права ставил закон стоимости на первое место и именно из него выводил эквивалентность гражданско-правовых имущественных отношений. Он писал: «Предметом советского гражданского права являются имущественные отношения в сфере товарно-денежного обращения, строящиеся на началах эквивалентности, и отношения собственности в их связи с товарно-денежным обращением, как предпосылка и результат последнего»². В имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом, по мнению Д. М. Генкина, действие закона стоимости связано именно с началом эквивалентности, обуславливающим равноправное положение сторон отношения. Эта специфика отсутствует в имущественных отношениях, регулируемых другими отраслями права, в которых закон стоимости учитывается косвенно и не обуславливает эквивалентности³. Таким образом, Д. М. Генкин считал, что эквивалентность, обусловленная законом стоимости, отличает отношения, регулируемые гражданским правом, от отношений, регулируемых иными отраслями.

О. С. Иоффе хотя и признавал возмездно-эквивалентный характер имущественных отношений в гражданском праве, тем не менее, полагал, что сводить все имущественные отношения к эквивалентным оснований не имеется, так как «имущественные отношения гражданского права, даже будучи возмездными, не всегда выступают как отношения эквивалентные» и «кроме возмезд-

---

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву... С. 225.

² Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Сов. государство и право. 1955. № 1. С. 106.

³ Там же. С. 105–106.

ных, гражданское право опосредствует и безвозмездные имущественные отношения»¹. С другой стороны, эквивалентность «мыслима и в нетоварных отношениях (как это, в частности, происходит при реквизиции имущества), когда важнейшая предпосылка экономического равенства (равноценности) осуществляется вне юридического равноправия, в сфере отношений, основанных на власти и подчинении»².

Разграничивая стоимостный и эквивалентный характер имущественных гражданско-правовых отношений, О. С. Иоффе подчеркивал: «Стоимостная форма чаще всего обуславливает возмездно-эквивалентный характер соответствующих отношений. Но это отнюдь не обязательно для всех без исключения случаев. При переходе имущества от одного лица к другому по договору дарения нет эквивалентности (возмездности), но тем не менее самое имущество передается здесь как определенная ценность, стоимость, а потому и отношения, возникающие между дарителем и одаряемым, регулируются нормами гражданского права»³.

Вместе с тем следует отметить, что в другой работе цивилист делал оговорку о том, что право собственности «не эквивалируется и не возмещается до тех пор, пока на его основе не возникают новые, обязательственные правоотношения»⁴, т. е. с известной долей условности допускал «эквивалирование» права собственности. Данная оговорка имеет, по нашему мнению, большое значение, поскольку показывает связь эквивалентности с пра-

---

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву... С. 226. См. также: Он же. Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Советское гражданское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 23.

² Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. С. 229–230.

³ Иоффе О. С. Советское гражданское право. С. 23.

⁴ Иоффе О. С. Развитие цивилистической... Ч. 1. С. 238.

вом собственности, которая, по приведенному указанию, проявляется не в стадии регулятивных отношений, а в стадии охранительных.

Одним из цивилистов, уделивших серьезное внимание предмету гражданского права, является С. Н. Братусь, полагавший, что в предмет гражданского права следует включать те имущественные отношения, которые складываются в связи с наличием в обществе товарного производства¹. Данное положение является в позиции С. Н. Братуся крайне важным для понимания как предмета гражданского права, так и метода гражданско-правового регулирования, поскольку объясняет равенство сторон в гражданских имущественных правоотношениях, которое есть «юридическое выражение эквивалентности товарно-денежных отношений и имущественной обособленности участников»². Интересно отметить, что С. Н. Братусь связывал с товарно-денежным характером не только возмездные имущественные отношения, но и безвозмездные. Он писал: «...Возмездность и эквивалентность основных видов имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, не исключает, а предполагает возможность существования безвозмездных гражданско-правовых отношений... Эти отношения, однако, вторичны, существуют потому, что имеются отношения возмездные»³.

Таким образом, С. Н. Братусь отводил эквивалентности в гражданском праве роль признака основных видов имущественных отношений. К числу принципов гражданского права С. Н. Братусь эквивалентность не отно-

---

¹ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 72.

сил и в работе, специально посвященной принципам, о ней не упоминал¹.

В. П. Грибанов рассматривал эквивалентность как признак имущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством, являющийся «юридическим выражением товарно-денежного характера» таких отношений², а также как признак гражданско-правовой ответственности, имеющей, по его утверждению, «эквивалентно-возместительный характер»³.

Называл эквивалентность в числе признаков, характеризующих предмет гражданского права, и В. Ф. Яковлев, который при этом подчеркивал, что эквивалентность не является всеобщим признаком для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, так как не характеризует отношений собственности в статике и присущ лишь их динамике. По его мнению, эквивалентность раскрывает сущность отношений обмена вещами и услугами, «поэтому утверждать, что эквивалентность является универсальным признаком имущественных отношений, это значит необоснованно... сузить круг отношений, регулируемых гражданским правом»⁴. При этом он подчеркивал необходимость учета того обстоятельства, что субъекты права собственности могут своей властью в условиях товарно-денежного хозяйства передавать свое имущество в собственность или во временное владение других лиц безвозмездно. За этим исключением, по его мнению, эквивалентность служит значимым признаком, характеризующим основную массу опосре-

---

¹ Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1960. № 1. С. 47–52.

² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 289.

³ Там же. С. 291.

⁴ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 37.

дованных гражданским правом отношений собственности в их динамике, а также определяет особенности обязательственного права как правовой формы отношений товарно-денежного оборота. Раскрывая связь равенства с эквивалентностью, В. Ф. Яковлев писал, что юридическое равенство отражает эквивалентность, с одной стороны, как черту товарно-денежных отношений, а с другой — обеспечивает ее в реальных отношениях. Связь равноправия субъектов с эквивалентностью подтверждается практикой правового регулирования отдельных общественных отношений. Так, например, ослабление или отсутствие начал эквивалентности в имущественных отношениях военного коммунизма сопровождалось усилением административно-правового регулирования, а также отказом от признания юридического равенства субъектов¹. Таким образом, В. Ф. Яковлев относил эквивалентность к признакам обязательственных отношений, возникающих из возмездных договоров.

Данный подход имел место и в дореволюционной литературе. Так, Д. И. Мейер, анализируя возмездность сделок, писал: «Сделки возмездные — те, в которых юридическое действие совершается за эквивалент, т. е. действию одной стороны соответствует действие другой, равносильное первому»². «Эквивалент, — подчеркивал цивилист, — понятие экономическое, а не юридическое, и потому может казаться странным, что мы основываем на нем деление сделок. Но как условие действия, эквивалент получает юридическое значение, и мы вправе основывать на нем деление сделок»³.

Подобно этому А. А. Симолин говорил об эквивалентности только применительно к договорам и имел в виду

---

¹ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод... С. 134.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 203.

³ Там же. С. 204.

под ней равноценное имущественное предоставление в возмездных сделках¹. При этом необходимо подчеркнуть, что целью исследования А. А. Симолина были возмездность и безвозмездность, относительно которых он и разрабатывал свою концепцию и которые исследовал с необходимой полнотой. Ни понятию эквивалентности в широком смысле, ни характеристике эквивалентности как категории или принципа гражданского права ученый внимания не уделял.

М. И. Бару употреблял термин «эквивалентность» при характеристике обменных отношений. «Эквивалентность предполагает равную стоимость или соразмерность обмениваемых благ... Именно материальное равенство составляет... сущность эквивалентности, — писал он. — Поэтому эквивалентным будет такое гражданское правоотношение, содержание которого характеризуется равенством, соразмерностью обмениваемых благ, безотносительно к тому, в какой юридической форме это равенство выражено (купля-продажа, подряд, поставка и т. п.)»².

Таким образом, М. И. Бару видел сущность эквивалентности в равенстве передаваемых сторонами при обмене материальных благ, т. е. понимал ее исключительно в экономическом смысле. В том смысле, в каком цивилист ведет речь об эквивалентности, ему ничего возразить нельзя, и с экономических позиций правота ученого очевидна. Материальные блага всегда можно оценить, соизмерить при помощи всеобщего эквивалента (денег). Естественно, что при таком подходе на первый план выходят количественные критерии, на что М. И. Бару

---

¹ Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 115.

² Бару М. И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве. М., 1957. С. 6.

прямо и указывал: «И возмездность, и эквивалентность предполагают количественную сравнимость обмениваемых благ, но в первом случае пропорции безразличны, во втором — равны»¹.

Такого же взгляда придерживается Р. А. Максоцкий, который утверждает, что эквивалентность — это «правовая ситуация, когда стороны обмениваются имущественными благами и при этом имеет место равная стоимость, то есть соразмерность обмениваемых благ»².

Можно отметить, что термин «эквивалентность» встречается во многих работах цивилистического характера, однако их авторы употребляют его мимоходом, в связи с чем составить представление об их понимании эквивалентности достаточно сложно. По большей части цивилисты упоминают эквивалентность в связи с равенством субъектов гражданского права и, соответственно, делают акцент на равенстве, хотя и привлекают для его обоснования понятие эквивалентности. Так, А. Я. Рыженков указывал на объективную необходимость обмена равными товарными эквивалентами, что, по его мнению, и обуславливает равенство сторон правоотношения³, однако ни определения, ни характеристики эквивалентности не давал.

Как видно из проведенного анализа взглядов ученых на эквивалентность, отведение ей значимого места в числе правовых категорий присуще незначительному числу правоведов. Большинство из них рассматривает эквивалентность как экономическую категорию, привлеченную наукой для объяснения сущности товарно-де-

---

¹ Бару М. И. Возмездность и безвозмездность... С. 6.

² Максоцкий Р. А. Возмездность и безвозмездность в современном гражданском праве. М., 2002. С. 11.

³ Рыженков А. Я. Товарно-денежные отношения в советском гражданском праве. Саратов, 1989. С. 87.

нежных отношений, опосредованных правом. На основе этого можно разделить научные подходы к трактовке эквивалентности на подход, в основу которого положен социологический взгляд на эквивалентность, и подход, в основу которого положен экономический взгляд на нее. Первый подход можно назвать широким или социологическим, второй — узким или экономическим.

Полагаем, что узкий (экономический) подход не отражает роли эквивалентности в гражданском праве и ее значения как принципа гражданского права, идеи «равное — за равное», поскольку в гражданском праве можно говорить не только о соизмеримости (буквальной) передаваемых материальных благ, при которой можно применять количественный критерий и в деньгах определять «равное», но и о соизмеримости (равенстве, соразмерности, тождестве, корреспонденции и т. д.) иных объектов.

Можно отметить также, что судебная практика признает существование принципа эквивалентности в гражданском праве, однако, вслед за доктриной, толкует его также исключительно в узком (экономическом) смысле. Однако, как представляется, в правоприменительной деятельности нередки случаи, когда судебское правосознание должно отойти от данного подхода и исходить из широкого понимания эквивалентности взаимодействия субъектов гражданского права. Прежде всего мы имеем в виду институт компенсации морального вреда.

Под моральным вредом законодатель имеет в виду «физические и нравственные страдания» (ст. 151 ГК РФ). Пленум Верховного Суда РФ также указал, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага

(жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права) либо нарушающими имущественные права гражданина¹.

Как указывается в литературе, «физический (органический) вред является вредом материальным с естественнонаучной точки зрения и вместе с тем неимущественным; негативные изменения происходят в организме, т. е. в материальной сфере потерпевшего, под влиянием определенных внешних воздействий. Эти изменения, в свою очередь, приводят или могут привести к негативным изменениям в состоянии психического благополучия и (или) в имущественной сфере личности»². Н. С. Малеин отмечал, что доводы, выдвигавшиеся против возмещения морального вреда, неубедительны. Хотя моральный вред не поддается точной денежной оценке, это не является препятствием для положительного решения проблемы, поскольку речь идет не об эквивалентном возмещении, а о компенсации, которая сглаживает нравственные переживания потерпевшего³.

Полагаем, что Н. С. Малеин, указывая на необязательность эквивалентного возмещения морального вреда, подразумевал равную стоимостную оценку причиненного вреда и возмещения. Разумеется, в данной ситуации невозможна стоимостная (количественная,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Рос. газ. 1995. № 29.

² Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004. С. 3.

³ Малеин Н. С. О моральном вреде // Государство и право. 1996. № 3. С. 33.

неаксиологическая¹⁾ оценка вреда. Однако суд все-таки должен произвести оценку, должен соотнести причиненный моральный вред и его компенсацию. Согласно п. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Выше нами было указано на формы обращения ценностей-благ. В рассматриваемом случае мы имеем форму «материальные блага за идеальные». Вследствие специфики идеальных (нематериальных) благ они не поддаются денежному измерению. Однако данная форма также есть обмен, при котором суд должен осуществить тип учета действий, связанный с идеальными представлениями. Последние же не могут быть основаны ни на чем ином, кроме как на идее равновесия, соответствия, баланса между обращающимися ценностями. Компенсация имеет целью вызвать положительные эмоции гражданина-потерпевшего, смягчить его страдания, устранить, сгладить переживания, обусловленные умалением благ, отвлечь его от переживаний, связанных с утратой²⁾. Доставить потерпевшему положительные эмоции, отвлечь его от переживаний, свя-

---

¹⁾ О видах оценки см. далее.

²⁾ Анисимов А. Л. Честь, достоинство и деловая репутация под защитой закона. М., 2004. С. 53–54; Белов В. А. Гражданское право. Особенная часть. М., 2004. С. 637; Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика). М., 1987. С. 50–51; Беляцкий С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 2005. С. 17; Голубев К. И., Нарижний С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2004. С. 115; Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. М., 1996. С. 8–13.

занных с утратой, возможно путем предоставления ему различных ценностей, причем как материальных, так и идеальных. Такие ценности, включая и идеальные, можно приобрести за деньги. Например, потерпевший, потерявший в результате причинения вреда ноги, на средства, полученные в качестве компенсации физического и морального вреда, может приобрести протезы или инвалидную коляску, но может и домашний кинотеатр. И в последнем случае его будут отвлекать от переживаний кинофильмы, музыка, балет и т. д., которые он сможет увидеть. Потерпевший, получивший моральный вред в результате распространения в отношении него сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, может приобрести путевку в путешествие, в котором отвлекать его от переживаний будут положительные эмоции, полученные от общения с новыми людьми, красоты природы и архитектуры новых увиденных им мест и т. д.

Полагаем, что при вынесении решения суд не может не оценивать различные блага-ценности и не соотносить их. А поскольку количественные измерители нематериальных благ отсутствуют, точкой опоры для суда может быть только «качественная субстанция» — идея равновесия, идея «равного — за равное», недаром в литературе предлагается рассматривать принцип талиона как регулятивный, конфликто-разрешающий инструмент нормативно-этического содержания, составляющий важную часть поведения членов современного общества¹.

Вопрос о размере компенсации морального вреда является едва ли не самым сложным при регулировании возникающих при его причинении отношений. Ему по-

---

¹ О талионе в его современном понимании см. далее.

священо большое количество работ¹, однако удовлетворительного для всех случаев его решения пока не предложено. Полагаем, что определенный прогресс на этом пути может быть получен при расширении судейского правосознания до рамок общесоциологического понимания эквивалентности и ее роли в регулировании взаимодействия субъектов.

Рассмотренные трактовки эквивалентности свидетельствуют о неоднозначности правовой характеристики рассматриваемой категории и не дают четкого ответа на вопрос, следует ли под эквивалентностью понимать: свойство, присущее праву в целом, включая и гражданское право, принцип гражданского права в целом или только обязательственного (в частности, договорного) права, либо следует ограничить ее значение в гражданском праве характеристикой имущественных товарообменных отношений возмездного характера. Очевидно, что понятие «качества (свойства)» права не тождественно понятию «принцип права», равно как и понятию «признак имущественных товарообменных

---

¹ См. напр.: Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда? // Рос. юстиция. 2000. № 6. С. 21–22; Горшенков Г. Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству. Н. Новгород, 1996; Иванов В. М. К вопросу о размере компенсации морального вреда // Рос. судья. 2000. № 4. С. 20–21; Кирсанов П. В. Компенсация морального вреда: многоаспектность проблемы // Юрист. 2003. № 12. С. 12–14; Ключков А. В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности. Волгоград, 2004; Коршунов Ю. О компенсации морального вреда // Хозяйство и право. 1995. № 4. С. 132–138; Латынова Е. В. Причинение морального вреда // Юрид. мир. 2000. № 5. С. 66–68; Михно Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах. СПб., 1998; Парижский С., Голубев К. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав граждан // Рос. юстиция. 2001. № 4. С. 20–21; Смирнская Е. В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство. Волгоград, 2000; Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве РФ. Белгород, 2005.

отношений возмездного характера». Этот вопрос требует исследования и разрешения, что мы и надеемся осуществить в настоящей работе. В то же время следует отметить, что существование в праве такого понятия, как «эквивалентность», никем не оспаривается, причем все исследователи исходят из лингвистического смысла термина, т. е. из «равноценности», «соразмерности», «соответствия».

Признать что-либо равноценным — значит сравнить что-либо и оценить как равное; соразмерным — установить, что оно находится в согласии с каким-либо мерилom, соответствует какой-либо мере. Однако в вопросе о том, к чему применять данную равноценность, что следует сравнивать и оценивать, единства мнений не наблюдается. При этом важными являются следующие моменты. Право концептуализировано; оно всегда определяется в рамках понятий какой-либо концепции, теории. Рамки этой концепции задают какой-либо исходный посыл (постулат), из которого следует выводить право и значимые для него явления (субстанции). Эти моменты влияют на применение термина «эквивалентность» в гражданском праве, поскольку различные исследователи, с одной стороны, сравнивают и оценивают различные правовые феномены, а с другой — актуализируют при сравнении различные признаки, относительно которых производится сравнение.

Полагаем, что эквивалентность, являясь многозначной категорией, применима при сравнении самых различных правовых феноменов. Если поставить во главу угла нормы права как модели поведения для субъектов права, то, поскольку такие модели содержат в себе *меру поведения* (меру возможного поведения и меру должного поведения), можно устанавливать эквивалентность (соответствие) таких мер. Если поставить во главу угла правоотношения, то возможно сравнение нескольких

субстанций. Во-первых, можно сравнивать и оценивать *действия субъектов* как таковые (как встречающиеся, взаимные, равноценные и т. д.). Во-вторых, можно конкретизировать эти действия путем указания на передаваемые блага, т. е. говорить о *предоставлении тех или иных благ* посредством действий.

Очевидно, что в рамках последнего понимания устанавливается равноценность передаваемых благ, а поскольку общепризнано, что оценке поддаются только материальные блага, то логичным выводом становится следующий: понятие эквивалентности применимо только к имущественным отношениям, т. е. таким, в которых можно произвести денежную оценку передаваемых и получаемых материальных благ. При этом эквивалентность сводится к экономическому понятию эквивалента (деньгам), а сфера оценки — к имущественным отношениям. Но поскольку не все имущественные отношения опосредуют перемещение благ, а только обязательственные, то сфера сужается до обязательственных отношений, причем такой подход присущ как доктрине, так и судебной практике.

Кроме этого, следует отметить, что в рамках любого правопонимания значимыми являются категория субъекта права и категория правоспособности, в связи с чем ученые сравнивают положение субъектов, которое в гражданском праве признается равным, т. е. в этом случае категория «эквивалентность» выводит исследователей на категорию «равенство». А поскольку в рамках любого правопонимания весьма значимой признается также категория защиты нарушенных прав, то сравнение перемещается в плоскость причиненного вреда и его возмещения, в которой и устанавливается их эквивалентность (равноценность).

Таким образом, понятие эквивалентности занимает в гражданском праве существенное место, так как с его

помощью производится сравнение и оценка различных правовых явлений. Однако единообразного понимания того, что должно сравниваться и оцениваться как эквивалентное либо неэквивалентное, в цивилистической доктрине не существует.

Научные подходы к трактовке эквивалентности в правоведении следует классифицировать на: 1) подход, в основу которого положен социологический взгляд на эквивалентность и 2) подход, в основу которого положен экономический взгляд на нее. В свою очередь, экономический подход к трактовке эквивалентности следует разделить на два вида: широкий экономический подход и узкий экономический подход. В соответствии с социологическим подходом правовая категория «эквивалентность» отражает всеобщую объективную социальную закономерность необходимости эквивалентного взаимодействия субъектов, охватывающую все отношения по поводу обмена материальными и духовными ценностями (благами). В числе представителей данного подхода могут быть названы Г. В. Мальцев, Л. С. Мамут, В. А. Четвернин и с известными оговорками С. С. Алексеев.

В соответствии с экономическим подходом правовая категория «эквивалентность» отражает экономические закономерности взаимодействия субъектов по обмену материальными ценностями. Широкий экономический подход исходит из того, что эквивалентность есть предельный признак, присущий всем имущественным отношениям в гражданском праве (т. е. и статике, и динамике гражданского права). Узкий экономический подход исходит из того, что эквивалентность есть признак, присущий только обменным товарно-денежным отношениям (т. е. динамике гражданского права).

Широкий экономический подход к категории «эквивалентность» представлен позициями Е. Б. Пашуканиса,

С. И. Аскназия и А. В. Венедиктова. Узкий экономический подход к категории «эквивалентность» — позициями большинства российских цивилистов советского и современного периодов: М. И. Бару, М. И. Брагинского, С. Н. Братуся, Д. М. Генкина, В. П. Грибанова, О. С. Иоффе, Е. А. Суханова, В. Ф. Яковлева и др.

Полагаем, что экономический подход не исчерпывает роли эквивалентности в гражданском праве и не отражает ее значения как идеи «равной меры», обусловленной необходимостью обязательного возмещения любого направленного на других действия.

ОЧЕРК 3. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Как было указано, наиболее приемлемым и плодотворным для правоповедения является подход, в соответствии с которым эквивалентность рассматривается через призму категории «обмен». Зародившись на ранних этапах развития человечества, обмен со временем приобретает все большее значение, которое хотя и уменьшается в отдельные экстраординарные периоды истории, но, во-первых, никогда не исчезает совсем, а, во-вторых, с отпадением экстраординарных обстоятельств вновь возвращает свое влияние и даже наращивает его. Общеизвестно, что роль обмена существенно падала во время массовых эпидемий в Средневековье, войн, революций, «великих депрессий» и т. д. Однако общеизвестно и то, что наибольшие темпы подъема в общественной жизни и, следовательно, обмена наблюдаются в следующие за такими катаклизмами исторические периоды.

Обмен неизменно присутствует там, где есть общество, что позволяет утверждать о закономерности данного явления.

Так, А. Смит говорил о том, что склонность человека к обмену одного предмета на другой свойственна человеческой природе¹. Эту мысль высказывал и Р. Иеринг: «Никто не существует только ради самого себя, никто не может в жизни обойтись самим собою... Подобно тому, как всякое тело полученную им извне теплоту должно

---

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 27–28.

возвратить обратно, так и человек, вдыхая в себя интеллектуальный или этический эфир, разлитый в культурной атмосфере общества, должен выдыхать его»¹. По мнению Г. В. Мальцева, «несомненно, мы сталкиваемся здесь с явлением, выходящим за пределы морали и права, выражающим социальную закономерность, согласно которой все взаимные предоставления и воздействия в обществе должны быть сбалансированы согласно принятым критериям»².

Данная социальная закономерность прослеживается уже на ранних этапах развития общества и подтверждается соответствующими научными исследованиями. Как в свое время было показано специалистами в области политической этнографии (например, М. Моссом и К. Леви-Стросом³), обмен является неотъемлемой частью архаических обществ. Причем в этот период не существовало различий между обменом экономическим и неэкономическим. Обменивались не только вещами, но и брачными партнерами, именами, осуществлением функции охотника в обмен на часть захваченной добычи и т. д. Следует отметить, что как особый вид отношений взаимопомощь, дарение, пожертвование были нормой у наших предков. Подношения были выгодны дающему, но не в материальном понимании выгоды, а в том смысле, что давали человеку возможность утверж-

---

¹ Иеринг Р. Цель в праве. С. 63.

² Мальцев Г. В. Социальная справедливость... С. 12.

³ Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность : тр. по социальной антропологии. М., 1996. С. 140–141. См. также: Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. А. Я. Гуревич указывает: «Четкое разграничение между идеальным и материальным, доминирующее в современном сознании, чуждо сознанию варваров» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 202).

даться в своих глазах и в глазах общества¹, налаживать взаимовыгодные контакты, снимать возникающие конфликты и т. д.

Исторически первой формой обмена признается «так называемый немой обмен, который практиковался между группами людей, не поддерживавшими никаких иных отношений (выделено нами. — *Н. А., Н. Б., Т. Л.*)»². Члены одной группы оставляли в определенном месте некоторое количество вещей или продуктов, предназначенных для обмена, и уходили. Члены другой группы, осмотрев вещи, оставляли рядом с понравившимися предметами такое количество предметов, которое считали достаточным возмещением. Затем на это место возвращалась первая группа, и если условия их удовлетворяли, то они забирали оставленные вещи, если нет — снова уходили. В последнем случае члены второй группы либо забирали товары, либо увеличивали их количество, и тогда все повторялось до тех пор, пока обмен либо срывался, либо осуществлялся. Таким образом, «немой обмен» показывает, что стороны взаимодействовали, увеличивая или уменьшая количество товаров, т. е. *уравновешивая отдаваемое и получаемое*, до тех пор, пока результат не удовлетворял их интересы.

Данный исторический факт позволяет сделать два вывода. Во-первых, он свидетельствует о том, что в процессе взаимодействия людей при обмене «срабатывали» некие механизмы, устанавливающие *объективное равновесие* взаимных предоставлений. Трудно однозначно объяснить происхождение данных механизмов; здесь

---

¹ Войтов А. Г. Деньги. М., 2002. С. 24.

² Мордачев В. Д. Теория обмена труда: История. Этика. Психология. Кн. 1. Екатеринбург, 2006. С. 10.

играли роль и природные потребности человека, отраженные в его интересах, и разум как свойство, присущее человеку, и сложившаяся практика, и иные факторы. Однако очевидно, что именно действие данных механизмов обеспечивало человечеству его сохранение и воспроизводство. Во-вторых, он указывает на то, что в процессе общения уже на первом этапе развития человечества вырабатывались некие повторяющиеся правила, *нормы*, регламентировавшие поведение людей в процессе обмена, в числе которых и правило об эквивалентности обмена.

При этом мы хотим обратить особое внимание на выделенные нами в цитате из работы В. Д. Мордачева слова о том, что немой обмен происходил между группами людей, которые не поддерживали никаких иных отношений, т. е. не были связаны кровными узами и не являлись членами одной общины. В раннепервобытных обществах, в условиях коллективной собственности, обмен мог иметь место только между членами разных коллективов. Внутри такой общины обмена быть не могло. Не было в таких общинах и права. Как указывает В. А. Четвернин, «в системе регуляции первобытного общества не было какого бы то ни было “раннего права”, которое впоследствии трансформировалось в право цивилизованное. В этом обществе человек не существовал как индивид (отдельный человек, личность), был “растворен” в коллективе, а сам коллектив существовал как часть природы, естественной среды обитания. Действовали доправовые регуляторы, поддерживавшие баланс в отношениях человеческих популяций с природой»¹. Доправовые регуляторы — это не социальные нормы в собственном смысле слова, а естественные (аналогич-

---

¹ Четвернин В. А. Введение в курс... С. 100.

ные техническим) правила взаимодействия человека с живой и неживой природой и себе подобными. Правила, устанавливающие порядок действий при охоте, сборе плодов, обработке шкур, распределении пищи, защите территории рода и т. д., «не порождали у первобытного человека сомнений в необходимости им следовать, ибо не существовало объективной возможности их нарушения. Так должно быть, потому что так было, потому что только так и могло быть. За любое отступление от “установленного порядка” с неотвратимостью мстила сама природа»¹.

По авторитетному указанию Ю. И. Семенова, в раннепервобытных обществах господствовало распределение, которое заключалась в том, что человек имел право на долю продукта (прежде всего, пищи), добытого членами его общины, исключительно лишь в силу принадлежности к последней. Никаких других оснований для этого не требовалось, при этом не имело значения, участвовал ли тот или иной человек в добывании данного продукта или не участвовал. Указанные отношения распределения были отношениями общинной, общественной собственности, и именно потому, что вся пища совершенно независимо от того, кто ее добыл, принадлежала всем членам раннепервобытной общины вместе взятым, каждый член этой общины имел право на определенную ее долю. Причем в общинной собственности на этой стадии была не только пища, но и вообще все предметы потребления и средства производства. Отношения общинной собственности регламентировались нормами первобытной морали, которые регулировали отношения только между членами той или иной общи-

---

¹ Варламова Н. В. Правотворчество и правообразование // Правотворчество и законность. М., 1999. С. 97.

ны¹, т. е. между «своими», и не распространялись на отношения между общинами или членами различных общин, т. е. между «чужими».

Таким образом, в раннепервобытной общине, состоящей только «из своих», не существовало того обмена вещами или продуктами, который осуществлялся между «чужими». Соответственно и правила, определяющие отношения между «чужими» и между «своими», существенно различались.

М. М. Ковалевский писал о людях доклассового общества: «Их поведение, совершенно различно, смотря по тому, идет ли дело об иностранцах или сородичах... Что позволено по отношению к чужеродцам, то нетерпимо по отношению к сородичам. Один и тот же способ поведения может представиться то дозволенным и даже заслуживающим похвал, то запрещенным и позорным... Тот, кто нарушает обычай, тем самым обнаруживает злую волю по отношению к сородичам и должен быть поэтому извергнут из своей среды. Те же самые действия, совершенные над иностранцами, над лицами, стоящими вне группы, теряют всякую нравственную квалификацию, они не считаются ни дозволенными, ни запрещенными, или, вернее, интерес группы придает им ту или другую природу»². На основе изложенного можно утверждать, что в период доклассового общества формировались две различные социальные системы отношений, оформляемые соответствующими правилами: первая — это система «своих», вторая — «чужих».

---

¹ Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнограф. обозрение. 1997. № 4 (июль–август). С. 6–14.

² Ковалевский М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб., 1913. С. 90.

Следующей формой обмена является дарообмен (обмен подарками), суть которого сводилась отнюдь не к получению выгоды в материальном плане; она заключалась в налаживании механизмов социального взаимодействия и «состояла в создании новых и поддержании существующих социальных связей между людьми»¹. Как правило, такие социальные связи устанавливались по инициативе одной из сторон, предлагавшей другой стороне дар. Дар принимался, даже если вещь не

---

¹ Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 10. А. Я. Гуревич пишет по этому поводу: «Огромную роль в жизни варварского общества (как и всякого доклассового общества) играл обмен дарами. Установление дружеских связей, заключение брака, посещение гостей, успешное завершение торговой сделки или мирных переговоров, поминки по умершему, принятие под покровительство и многие другие общественные акты неизменно сопровождались подарками, которыми обменивались стороны. Любой дар предполагал взаимность. Подарок вождя служил вознаграждением за верность и залогом преданности дружинника в дальнейшем. Подарок же со стороны равного нуждался в ответном подарке. “Дар всегда ждет вознаграждения”, гласил один из афоризмов в “Речах Высокого” — поэтическом сборнике жизненных поучений древних исландцев. Этот принцип запечатлен и в древнегерманском праве: дарение не имело силы, если не было вознаграждено равноценным со стороны получившего его. У лангобардов дар должен был быть возмещен особым ответным платежом — *launegild*, хотя у них это возмещение имело уже чисто символический характер. Таким образом, варварам было чуждо представление об одностороннем дарении, они признавали только обмен подарками. Любопытно, что в индоевропейских языках понятия “давать” и “брать” первоначально обозначались одним и тем же словом. То или иное значение глагол до приобретал в зависимости от грамматической конструкции, в которой употреблялся. Так было и у древних скандинавов: глагол *fa* имеет оба эти значения, которые можно дифференцировать лишь по контексту и словосочетанию. По-видимому, идея близости актов получения и передачи была знакома многим народам на архаической стадии, ибо обмен имуществом, пирами и услугами, выражавший и скреплявший верность и дружбу, являлся универсальной формой социального общения» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 201–202).

была нужна, поскольку отказ от дара рассматривался как оскорбление и приводил к вражде.

Таким образом, ценность дара заключалась не в вещи (материальном благе), которая выступала предметом дарения, а в связи, установившейся между дарителем и одаряемым (идеальном благе). Принятие дара накладывало на его получателя обязательство ответного дара (отдара). Отдар не должен был следовать немедленно за даром, так как это могло быть воспринято как стремление быстрее разорвать связь и тем самым вызвать вражду. В случае если дарополучатель медлил с отдаром или отдар был несоизмеримо мал, то связь обрывалась, а даритель превращался во врага. Если отдар происходил вовремя и был приблизительно равен дару, то за ним следовал новый дар, и весь процесс повторялся сначала. Если отдариватель особо ценил связь с первоначальным дарителем, то в качестве отдара он давал больше, чем получал, что ставило дарителя в положение человека, обязанного отдаривать. Те объективные механизмы, действие которых отмечено нами при рассмотрении «немого обмена», срабатывали и в дарообмене. Описывая эту форму обмена, В. Д. Мордачев прямо указывает на принципы дарообмена, в качестве которых называет *взаимность* и *эквивалентность*¹. Полагаем, что в данном случае следует употреблять не термин «принцип», который носит гносеологический характер, а термин, употребляемый Г. В. Мальцевым, «закономерность», под которой понимается объективно существующая, необходимая, существенная, постоянно повторяющаяся связь между явлениями реального мира, определяющая формы становления и развития явлений природы,

---

¹ Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 11.

общества и духовной культуры¹, хотя нельзя отрицать и гносеологического значения указанных категорий, поскольку отмеченная закономерность закреплялась в общественном сознании. Роль дарообмена следует видеть в процессах социальной интеграции, так как экономическое его значение на первых порах было невелико. В последующем это значение существенно возросло в результате увеличения массы избыточного продукта и возникновения специальных систем распределения и обмена так называемой престижной экономики. Последний термин означает особую сферу экономической и социальной жизни позднего первобытного общества. Обменивались в основном так называемые престижные ценные предметы, т. е. приобретенные на значительном расстоянии от общины или в которые было вложено много труда. Причем такими предметами обменивались только в особо важных областях социальной жизни, например при установлении или укреплении отношений между общинами.

Хотим опять подчеркнуть, что и этот вид взаимоотношений имел место не между членами одной общины, а между общинами. Ю. И. Семенов указывает: «Различные объекты циркулировали в системе престижной экономики в форме даров. Престижная экономика была в своей сущности системой престижного дарообмена, престижного дарообращения. Дарообмен представляет собой переход объектов из собственности в собственность. Дар должен быть возмещен более или менее равноценным отдаром. Принцип эквивалентности данного и полученного был одним из важнейших в престижной экономике. У многих народов, у которых была развита эта экономика, было выработано достаточно четкое понятие

---

¹ Андреева Г. А. Закономерность общественная // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. Т. 9. М., 1972. С. 307.

эквивалентности»¹. Ю. И. Семенов приходит к выводу, что следствием престижной экономики явилось появле-

¹ Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3 // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Кн. 1. М., 1993. С. 187. Эта тенденция наиболее ярко проявилась в распространенном у индейцев северо-западного побережья Северной Америки празднике (называемом «потлач»), который устраивался по случаю рождения ребенка, женитьбы, постройки дома и т. п., для того чтобы мужчина мог, одаривая приглашенных, повысить свой социальный статус. «Потлач» (на языке индейцев нутка — дар) — праздник у индейцев северной части Тихоокеанского побережья Северной Америки, сопровождаемый пиром и раздачей подарков приглашенным. Он отражал имущественное расслоение на стадии разложения родового строя. Подобные обычаи известны у других народов. Большое значение при этом имели количество и качество раздаваемых материальных ценностей. Получатель, устраивая ответный потлач, стремился к еще большему количеству и качеству подарков. По словам В. Д. Мордачева, в этом явлении все вращается вокруг выигрыша, верховенства, славы, престижа, т. е. относится к идеальному результату, который сторона имеет в виду изначально и к которому стремится, в котором видит свой эквивалент (см.: Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 12–13). Потлач рассматривают и как примитивную форму торговли, однако точкой отсчета в ней служит не стоимость товара, а достоинство продавца и покупателя: «Продавался не товар, а качества людей, в нашем представлении нематериальные: достоинство, зависимость, дружба. И что самое интересное, эти качества людей действительно можно было оценить и продать», — пишет В. Д. Мордачев (Там же. С. 14). Эквивалентность означает равноценность. Ценность же изначально предполагает оценку. Следовательно, «равноценное» — это «оцененное как равное». Оценка же производит субъект, вступающий в обменное отношение. При этом оценивать как равноценное (эквивалентное) можно было совсем, по сегодняшним представлениям, несравнимые величины. Описывая пир как учреждение общественной жизни скандинавов, А. Я. Гуревич указывает: «...Конунг дает Эгилю драгоценности и деньги, а скальд благодарит его песней. Такой обмен считался вполне эквивалентным, так как поэзия у скандинавов и англосаксов ценилась очень высоко. В песне скальда вождь находил не только удовлетворение тщеславия, но и нечто большее: поскольку слово, в особенности поэтическое слово (“связанная речь”), обладало, по тогдашним представлениям, магической силой, хулительная речь была способна причинить вред, а хвалебная песнь укрепляла благополучие и удачу восплаемого вождя» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 209). Таким образом, можно заключить, что в каждом конкретном обменном отношении определение равноценности было делом субъекта отношения. Полагаем, что существо эквивалентности заключается совсем не в равном весе, числе или стоимости обмениваемого. Существо состоит в том, чтобы субъекты расценили обмен как эквивалентный и удовлетворились полученным результатом.

ние сложнейшей системы имущественных отношений между членами разных общин, а цель общения между «чужими» заключалась в эквивалентном обмене.оборот «престижных» предметов предполагал получение нематериального эквивалента, что являлось в тот исторический период более существенным для общины, нежели стоимостный эквивалент, и представляло собой специфическую форму эквивалентности, поскольку предоставление являлось выгодным и равноценным для общины, однако носило неимущественный характер.

Таким образом, говоря о социальном обмене, не следует ограничиваться обменом предметами материального мира, поскольку обмен в социальном смысле оказывается гораздо более широким и охватывает взаимное предоставление благ, услуг или оказание чести, так же как и взаимное воздаяние за дурные дела и поступки.

Следующей формой обмена признается взаимопомощь, которая развивалась по мере формирования обособленной собственности и превращения первобытной общины в соседскую. Возникновение взаимопомощи было обусловлено неустойчивостью экономического положения хозяйств, которое выражалось в нехватке у них тех или иных предметов, дополнительной рабочей силы и т. д. Получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда тот будет в ней нуждаться. При этом ответная помощь могла быть как меньше, так и больше полученной. Идеалом же таких отношений было равенство оказанной и полученной помощи, однако в целом, как указывает В. Д. Мордачев¹, эквивалентность формировалась на протяжении длительного времени. Итак, уже на первоначальных этапах развития общества основная цель общения заключалась в осуществлении эквивалент-

---

¹ Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 14–15.

ного обмена, и можно утверждать, что эквивалентность обеспечивала само существование социального общения.

Исследование форм общественной воли в доклассовом обществе привело Ю. И. Семенова к концепции возникновения права именно в связи необходимостью регулирования отношений между различными группами, коллективами (вначале общинами, а затем обособившимися в виде «дележных кругов» группами внутри общин). Эти отношения являлись «отношениями обмена, предполагавшими эквивалентное возмещение», а виды этого обмена были самыми различными и включали в себя обмен помощью, платеж за услуги, заем и возврат долга, позднее к ним добавились обмен дарами и товарами. Поскольку мораль не могла регулировать эти отношения, роль социального регулятора стало выполнять обычное право, которое действовало уже не только в отношениях между различными общинами, но и внутри них¹. Причем, следует подчеркнуть, что эти отношения носили су-

---

¹ Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право. С. 8–10. Мы не рассматриваем концепцию А. И. Першица, который настаивал на том, что первобытные поведенческие нормы сочетают в себе особенности моральных и правовых норм, для обозначения которых А. И. Першиц создал особый термин — «мононорма». «...Учитывая синкретность, неотдифференцированность основных правил поведения в первобытном обществе, — писал этнограф, — более удачным представляется термин “мононорма”, отражающий такую синкретность» (Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 214). Концепция А. И. Першица получила широкое признание в правоведении. В частности, ее последовательно отстаивает С. С. Алексеев. Но при этом он не исследует альтернативную концепцию Ю. И. Семенова, а аргументацию в пользу первой концепции строит на том, что А. И. Першиц — «видный специалист по этнографии» (Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. С. 186). Однако мы полагаем, что данного указания недостаточно для безоговорочного принятия столь важной для правовой науки теории. Кстати, нельзя не подчеркнуть, что Ю. И. Семенов является не менее авторитетным специалистом в области этнографии, чем А. И. Першиц.

губо эквивалентный характер. Е. В. Скурко присоединяется к данной позиции и приходит к выводу, что с этой точки зрения право можно рассматривать как регулятор отношений «между чужими», в то время как мораль — в качестве регулятора отношений «между своими»¹. С указанных позиций нормы права «генетически определяют эквивалентность одного действия или факта/события — другому, встречному действию, т. е. своего рода меру возмездности в социальных отношениях», — отмечает Е. В. Скурко и приходит на основе этого к выводу, что знаменитый принцип талиона — есть «*первый, как исторически, так и генетически, признак и одновременно, принцип права*»². Хотим подчеркнуть, что Е. В. Скурко не первая говорит об этом. Первенство в этом вопросе, как было указано, принадлежит Е. Б. Пашуканису, называвшему идею эквивалента *первой чистой правовой идеей*. Полагаем, что с выводом Е. В. Скурко следует согласиться с той оговоркой, что право определяет не меру возмездности в социальных отношениях, а меру эквивалентности, поскольку в принципе талиона главным является не просто предоставление чего-либо за содеянное, а именно «равного — за равное».

Понятие эквивалентности у разных народов на различных этапах развития было различным. В этом смысле показательным является самый древний правовой обычай — талион — «равное — за равное», но если в примитивных нормативных системах «равное» понималось в буквальном материальном смысле — «око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь», то с течением времени общество нашло правовые средства, позволяющие «отмерять рав-

---

¹ Скурко Е. В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М., 2008. С. 9.

² Там же. С. 10.

ное»: наказание за преступление, возмещение за причинение вреда и т. д.¹

Учитывая, что обычно талион трактуется как «варварский обычай» и «пережиток», мы должны обратить внимание на следующий аспект. Известный специалист в области истории и теории моральной философии и нормативной этики Р. Г. Апресян в целом ряде своих работ доказывает, что устоявшееся мнение о том, что талион есть пережиток прошлого, не соответствует действительности. Ученый обосновывает вывод, согласно которому «поступки по логике талиона не только сохраняются, но и продолжают составлять важную часть поведения цивилизованного, в том числе современного, человека, и отнюдь не только в форме “пережитка”», что «талион вопреки осуществленной этико-философской и морализирующей критике то и дело оказывается востребованным в практических отношениях людей как насущный регулятивный, конфликто-разрешающий и сдерживающий избыточную, деструктивную агрессивность инструмент»². Признавая безусловный авторитет автора в данном вопросе и соглашаясь с его выводами, хотим высказать мнение, что именно талион, претерпевший существенную культурную и цивилизационную трансформацию, лежит в основе такого принципа гражданского права, как полное возмещение убытков.

---

¹ Проблемы теории государства и права. М., 2003. С. 266; Четвернин В. А. Введение в курс... С. 50.

² Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72–84. См. также: Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. Вып. 3. М., 2002. С. 139–165; Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Вып. 2. М., 2001. С. 28–39; Апресян Р. Г. Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004. С. 221–229.

В позиции Е. В. Скурко есть еще одно положение, на которое мы хотим обратить особое внимание в силу его значимости для нашей работы.

Опираясь на концепцию Ю. И. Семенова о происхождении права, она утверждает, что *«сущность права состоит в определении эквивалентов меры социального обмена* (подобно тому как деньги есть эквивалент обмена экономического). То есть сущность права оказывается, без преувеличения, буквально тождественна “прозрению справедливости”, ‘*prudentia iuris*’, определению меры в возмездных действиях и отношениях между людьми... Право изначально, генетически... указывает для конкретного казуса на вариант “возмездия”, в том числе в широком (напр., “возмещения”), а не только в негативном смысле»¹. Полагаем, что термин «возмездие» ввел Е. В. Скурко в заблуждение и привел к трактовке, в соответствии с которой право определяет меру только в возмездных отношениях между людьми, о чем она говорит неоднократно. Более того, она и природу права трактует в качестве «определителя эквивалента в возмездных отношениях»². Представляется, что, во-первых, это положение не отвечает критерию истинности, а во-вторых, противоречит сделанному ранее утверждению самой же Е. В. Скурко о том, что «сущность права состоит в определении эквивалентов меры социального обмена». Правоту нашего утверждения относительно несоответствия данного положения критерию истинности подтверждают материалы настоящего очерка, которые доказывают, что социальный обмен не исчерпывается возмездными отношениями и не сводится исключительно к обмену материальными благами, относительно которых и возможно говорить о возмездности. Поэтому, признавая

---

¹ Скурко Е. В. Принципы права... С. 10.

² Там же. С. 11.

справедливость положения — «сущность права состоит в определении эквивалентов меры социального обмена», мы возражаем против сведения отношений социального обмена к возмездным отношениям и полагаем, что более правильно утверждение В. А. Четвернина, который говорит, что «право возникает как социальный регулятор, который упорядочивает взаимодействие свободных субъектов в отношениях эквивалентного социального обмена»¹, не делая акцента на возмездности отношений.

Особое внимание хотим обратить на положение о том, что обмен — это прежде всего *атрибут* взаимодействия людей, и «любое взаимодействие есть обмен»². Ученые определяют социальный обмен как сложную форму взаимодействия людей, включающую в себя «передачу экономических товаров, благ и услуг; процесс личного контакта (взаимную компенсацию, компромисс разрешения конфликта интересов, рациональный выбор); социальные интеракции, включающие взаимные выгоды, взаимную привязанность и симпатии»³, либо как процесс достижения сторонами компромисса, при котором те или иные блага переходят из рук в руки по принципу взаимной компенсации, как форма взаимодействия людей, в которой оба участника намереваются получить выгоду⁴. Объектами социального обмена могут быть различные блага (вещи, иные материальные ресурсы, информация, уважение, власть, любовь и т. д.), в отличие от экономического обмена, который предполагает

---

¹ Четвернин В. А. Введение в курс... С. 101.

² Кравченко А. И. Общая социология. С. 211.

³ Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 9.

⁴ Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997. С. 141–142. На наш взгляд, данная трактовка носит весьма абстрактный характер и не позволяет четко разграничить социальный обмен (обмен в широком смысле) и экономический обмен (обмен в узком смысле).

исключительно материальные объекты (деньги, товар, капитал, труд). Соответственно этому в науке выделяют различные виды обмена, и можно говорить об обмене как специальной политэкономической категории (о товарном обмене, об обмене труда и капитала и пр.), об обмене в рамках договорных отношений в узком юридическом смысле и т. д., но о нем можно говорить и как о процессе взаимодействия людей в широком социологическом смысле, включающем все формы взаимодействия людей.

Взаимодействие следует признать главным признаком, характеризующим социальную структуру общества, так как само общество определяется как «множество взаимодействующих людей, имеющих целью поддержание своей жизни, производство и воспроизводство условий своего существования»¹. Иными словами, общество — это совокупность человеческих взаимодействий, обменных отношений².

Таким образом, социальный обмен не следует сводить к обмену исключительно материальными благами в отличие от экономического обмена, который носит сугубо материальный характер. Категория обмена, распространяемая на все сферы материальной и духовной жизни, приобретает новый смысл и становится «*социальной категорией*, имеющей широкий диапазон применения в общественных науках»³. В самом общем виде социальный обмен — это «форма взаимных отношений между людьми, в которых они нечто дают и получают», а методологическое значение категории заключается в том, что «в обмене проявляются наиболее значимые моменты, сущностные черты, типичная процедура и внешняя

---

¹ Алексеев П. В. Социальная философия. М., 2004. С. 24.

² Яковлев Я. М. Социальная структура общества. М., 2003. С. 10.

³ Мальцев Г. В. Теория обмена труда... С. 39.

связь социального взаимодействия»¹. Одним из наиболее значимых моментов такого взаимодействия является эквивалентность, поскольку, как указывает С. Ф. Кечекьян, обмен вообще невозможен без равенства и соизмеримости, т. е. без эквивалентности².

Для характеристики обмена используется понятие выгоды, которое раскрывается через термины «вознаграждения» и «затраты». Социальное взаимодействие представляет собой сложную систему обменов, обусловленных способами уравнивания вознаграждений и затрат, при этом, как справедливо подчеркивает А. И. Кравченко, «если предполагаемые затраты выше ожидаемого вознаграждения, то люди вряд ли начнут взаимодействовать, когда их к этому не принуждают»³.

Можно представить два типа оснований вступления человека во взаимодействие (в обменное отношение) — либо он вступает в него добровольно, по собственному желанию, либо под принуждением. Как известно, под принуждением человек может делать что угодно, включая и то, что внешне напоминает обмен (например, подписать договор о продаже квартиры, за которую ему заплатили мизерную сумму или вообще ничего не заплатили). Следовательно, обмен может быть либо эквивалентным (когда равное обменивают на равное), либо произвольным (когда тот, у кого больше силы, навязывает другому условия обмена).

Как отмечается в литературе, всякий участник социального обмена предполагает, что он может выиграть от неэквивалентного обмена с партнерами, присвоив часть обмениваемых благ безвозмездно. Возможен вариант, когда

---

¹ Мальцев Г. В. Теория обмена труда... С. 19.

² Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М. ; Л., 1947. С. 137.

³ Кравченко А. И. Общая социология... С. 213.

социально сильные субъекты обеспечивают себе односторонние преимущества. Но в результате выигрыш оказывается иллюзорным. Социально сильные всегда вынуждены пользоваться продуктами деятельности остальных, и если первые навязывают вторым невыгодные условия обмена, то это не дает последним возможности воспроизводить их силы для обслуживания нужд своих партнеров, что отрицательно сказывается и на самих «социально сильных». В таких условиях ни «паразитирующие потребители», ни «угнетаемые производители» не имеют стимулов к наращиванию производства. Паразитирующие стремятся совершенствовать методы изъятия, а производители, если они не могут устранить подобную систему иными способами, работают столько, чтобы продуктов труда хватало лишь им самим на самую скромную жизнь. Поэтому фонд потребления в обществе, где господствует принцип неэквивалентного обмена, неизмеримо меньше и хуже по качеству, чем в аналогичном по масштабам обществе с преимущественно эквивалентным обменом¹.

На первых этапах развития цивилизации едва ли не повсеместно социальные нормы предусматривали разделение общества на свободных и рабов, а следовательно, конституировали отношения принудительного характера, при которых раб безвозмездно отдавал свой труд. Однако, во-первых, данные отношения (между рабовладельцами и рабами) не могут квалифицироваться как обменные отношения в свете той характеристики, которая дана нами в настоящей работе. Во-вторых, те нормы, которые закрепляли действительные обменные отношения, закрепляли их именно как эквивалентные, свидетельством чему является римское право. Следовательно, о нормальном социальном обмене можно говорить толь-

---

¹ Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 99–100.

ко там, где свободные субъекты обмениваются на эквивалентных началах.

Рассматривая связь права и эквивалентного обмена в историческом плане, можно указать на следующие моменты. Во-первых, как было показано, становление обмена вызвало к жизни право как особый нормативный регулятор, который вначале был направлен на регулирование отношений «между чужими», а затем, в связи с дифференциацией общества, стал распространяться и на отношения «между своими», причем не только между группами, но и между отдельными индивидами, что и дало основание Е. Б. Пашуканису утверждать об абстрагировании категории субъекта прав из актов обмена. Во-вторых, поскольку обменные отношения возможны только между свободными товаровладельцами, право конституирует свободу субъекта права, реализующего в актах обмена свою свободу самоопределения, принимающую в праве форму субъективного права. В-третьих, из обменных отношений рождается категория собственности.

Е. Б. Пашуканис, критикуя сложившееся в юридической науке представление о том, что «люди были собственниками до того и независимо от того, что они закладывали, покупали и продавали вещи», подчеркивал, что такое представление может относиться только к совершенно изолированным индивидам, «которым (неизвестно для какой надобности) вздумалось создать “общую волю” и от имени этой общей воли приказать каждому воздерживаться от посягательства на вещь, принадлежащую другому»¹.

По его мнению, само по себе отношение человека к вещи лишено какого бы то ни было юридического значения. Разумеется, исторически фактическое отношение лица к присвоенной вещи предшествует оформлению права собственности на нее и составляет отправной пункт раз-

---

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория... С. 117.

вятия отношений собственности. Однако это не означает, что отношения присвоения нужно ставить во главу угла, ибо натуральные формы присвоения приобретают «юридический разум» только «во взаимных актах приобретения и отчуждения». Именно в этих актах осуществление права собственности становится реальностью. Фактическое применение вещи есть лишь извлечение из нее потребительских свойств; оно не нуждается в правовом оформлении. Отношение лица к вещи нет необходимости представлять юридически, поскольку оно без остатка покрывается фактическим отношением. Только «когда вещь функционирует в качестве меновой стоимости, она становится безличной вещью, чистым объектом права, а распоряжающийся ею субъект — чистым юридическим субъектом». Следовательно, превращение фактического отношения присвоения в юридическое отношение «совершилось под влиянием тех потребностей, которые были вызваны к жизни обращением благ, т. е. по преимуществу куплей и продажей»¹.

Обращение к римскому праву показывает, что титул собственника «зародился одновременно с феноменом внутреннего обмена. Равным образом переход по наследству стал фиксироваться как титул собственности лишь с тех пор, как гражданский оборот проявил интерес к этой трансмиссии»². Именно потребности обмена, получившие прочную почву с развитием рынка, создают и возможность, и необходимость «превращения человека, присваивающего вещи путем труда (или грабежа), в юридического собственника». «Собственность в юридическом смысле появилась не потому, что людям пришло в голову наделить друг друга этим правовым качеством, — заключал Е. Б. Пашуканис, — но потому, что они могли обменивать товары, только надев личину собственника.

---

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория... С. 114–115.

² Там же. С. 114.

“Безграничная власть над вещью” есть лишь отражение безграничной циркуляции товаров»¹. В отношениях свободного обмена участвуют свободные же собственники обмениваемых благ, признающие друг друга равными. В отношениях этих лиц неприемлем произвол, так как тот, кому навязывают невыгодные условия обмена, не будет в нем участвовать. «...Нормальные отношения обмена между свободными субъектами-собственниками, — пишет В. А. Четвернин, — возможны лишь как отношения эквивалентного, справедливого обмена, как отношения формального равенства, договорные отношения. Это и есть *правовые отношения*, в которых складываются *частноправовые* нормы, иначе — нормы эквивалентного обмена»². Таким образом, можно заключить, что частное право формируется в отношениях свободного товарообмена; участники этих отношений выступают как свободные субъекты, формально равные и независимые друг от друга; в отношениях свободного обмена достигается эквивалентность обмениваемых социальных благ. Следовательно, отношения эквивалентного обмена приобретают в праве вид частноправовых отношений, а первой частноправовой идеей является идея эквивалентности, недаром, по определению Цельса Младшего, само право и юриспруденция в целом есть «*ars boni et aequi*» — «искусство добра и эквивалента» (D. 1. 1. 1), а по утверждению Павла, «*In omnibus, maxime tamen in iure aequitas spectanda est*»³ (D. 50, 17, 90).

Можно сослаться также и на авторитет Ф. Дыдынского, который толковал «*aequitas*» как «соразмерность при оценке юридических отношений», «разумную оценку

---

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория... С. 116.

² Четвернин В. А. Введение в курс... С. 107–108.

³ «Вообще, а в праве особенно, следует стремиться к эквивалентности».

юридического отношения»¹. Более того, идею эквивалента ученые признают самостоятельным источником права наравне с *ius civile* и *ius gentium*, а самому римскому праву дают оценку как праву равенства — «*aequitas* от *aequus* — равен, в смысле эквивалента»².

Таким образом, исследование вопросов социального взаимодействия в историческом аспекте дает основания для вывода о том, что нормальное социальное взаимодействие неизменно сопровождается эквивалентным обменом, что позволяет говорить о последнем как о всеобщей объективной социальной закономерности. В свете этой закономерности право есть всеобщая мера (эквивалент) социального обмена.

Полагаем, что в гражданском праве эквивалентность есть категория, отражающая данную объективную социальную закономерность. Если любое взаимодействие людей есть социальный обмен, а любому социальному обмену присуща эквивалентность, то эквивалентность присуща любому взаимодействию людей. А поскольку взаимодействие — это отношения, то, следовательно, эквивалентность присуща и отношениям, попадающим в сферу правового регулирования, в том числе и гражданского.

Поскольку эквивалентность свойственна любым обменным отношениям, а социальный обмен не исчерпывается возмездными отношениями и не сводится исключительно к обмену материальными благами, мы возражаем против сведения отношений социального обмена, входящих в сферу гражданско-правового регулирования, к возмездным отношениям и полагаем, что эквивалентность в гражданском праве охватывает все общественные отношения, входящие в предмет гражданского права.

---

¹ Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896. С. 21.

² Стучка П. И. Избранные произведения... С. 535.

ОЧЕРК 4. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ

Термин «эквивалентность» — производное от слова «эквивалент» (от лат. «aequus» — равный и «valens» — действенный, имеющий значение, силу). «Эквивалент», «эквивалентность» в словарях толкуются как «нечто равноценное другому, вполне заменяющее его»¹, а «эквивалентный» — как «являющийся эквивалентом, равносильный, равнозначный, равноценный, заменяющий что-либо»². В философии указывается также на смысл термина «эквивалентность», в соответствии с которым последний употребляется «для обозначения всевозможных отношений типа равенства»³, т. е. таких, которые обладают свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности, а в определенных условиях обладают и так называемым свойством замены, состоящим в том, что объекты, находящиеся между собой в таком отношении, могут выполнять одни и те же функции. Рефлексивность, симметричность и транзитивность — это свойства бинарных (двухместных) отношений. «Бинарный» означает «двойной, состоящий из двух компонентов», а бинарные отношения, соответственно, — это отношения между двумя компонента-

---

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь... С. 939; Философский энциклопедический словарь. 1997. С. 531.

² Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 700.

³ Философский словарь. М., 2001. С. 678.

ми¹. Эквивалентность есть одна из характеристик бинарных отношений. При этом отношение рассматривается как философская категория, выражающая характер расположения элементов определенной системы и их взаимозависимости; мысленное сопоставление различных объектов или сторон данного объекта². На основе этого можно утверждать, что термин «эквивалентность» применяется только тогда, когда речь идет, во-первых, не менее чем о двух объектах, во-вторых, об объектах, расположенных в рамках одной системы, и, в-третьих, при их сопоставлении, сравнении, определении связи между ними, их зависимости друг от друга.

Отметим, что характеристики бинарных отношений имеют определенное значение в правоведении, поскольку важнейшие правовые феномены — правовая норма и правовое отношение — есть бинарные отношения. Нормативные предписания — также бинарные отношения³.

---

¹ Как указывается в литературе, бинарное (двухместное) отношение R , определенное на некотором множестве и характеризующееся тем, что для любых элементов x и y этого множества из того, что x находится к y в отношении $R(xRy)$, следует, что и y находится в том же отношении к x (yRx). Примером симметричного отношения может быть равенство ($=$), отношение типа равенства, подобия, одновременности, некоторые отношения родства и др. (Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.niv.ru/doc/logic/dictionary/221.htm>).

² Современный философский словарь. М., 2004. С. 498.

³ Как указывает С. С. Алексеев: «Положению о двучленной структуре нормативного предписания принадлежит существенное теоретическое и практическое значение. Это положение учитывает действительный уровень развития нашего права, свойственную ему специализацию содержания, различие функций, выполняемых его подразделениями... Указанное положение “работает” как раз применительно к первичному звену... правовой системы: не превращая предписание в бесструктурное образование, оно сводит число элементов к минимуму (только два!) и тем самым подчеркивает конечность, своего рода “физическую неделимость” этого исходного подразделения структуры» (Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 96).

Исходя из приведенных выше значений эквивалентности — равноценности и равнозначности, а также из того, что равноценные объекты — это объекты, равные по какой-либо ценности, а равнозначные объекты — это объекты, равные по какому-либо значению, мы можем заменить термины «равноценность» и «равнозначность» термином «эквивалентность». В этом случае мы получим утверждение: «эквивалентные объекты» — это объекты, равные по какой-либо ценности или по какому-либо значению. На основе этого можно констатировать, что устанавливать эквивалентность можно у тех объектов, к которым применимы понятия «ценность» или «значение».

В качестве синонимов «эквивалентности» называют также «соразмерность», «соответствие», «адекватность», «тождество», «равенство», «равнозначность», «равносильность»¹.

«Соразмерный» означает «соответствующий какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь», а соразмерность толкуется как соответствие какой-либо мере, нахождение в согласии с каким-либо мерилом; «соответствие» — соотношение между чем-либо, выражающее согласованность, равенство в чем-либо или чему-либо в каком-либо отношении, гармонию; «адекватность» — точное соответствие чему-либо, совпадение с чем-либо; «тождество» — абсолютное совпадение с кем-либо, чем-либо как в своей сущности, так и во внешних признаках и проявлениях; «равенство» — одинаковость, полное сходство (по величине, качеству, достоинству и т. п.); «равнозначность» (от равнозначный) — совпадение по значению, значимости; «равносильность» (от равносильный) — совпадение по силе, мощи, значению².

---

¹ Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 20; Философский словарь... С. 14.

² Большой толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 1035, 1034, 34, 1106, 873, 874.

Как видим, все синонимы также относятся не менее чем к двум объектам, сопоставляемым, сравниваемым друг с другом. Эквивалентность в значении соразмерности означает, что оба сравниваемых объекта отвечают одному и тому же мерилу (одной и той же мере); в значении соответствия — что они согласованы в чем-либо, равны чему-либо; в значении адекватности — что они совпадают с чем-либо; в значении тождества — что они абсолютно совпадают с чем-либо; в значении равенства — что они имеют полное сходство с чем-либо; в значении равнозначности — что они имеют равное значение, равную значимость; в значении равносильности — что они совпадают по силе, мощи, значению. Наряду с указанными выше синонимами в качестве синонима слова «эквивалентный» можно употреблять слово «корреспондирующий», поскольку термин «корреспондировать» одним из своих значений имеет «соответствовать чему-нибудь, соотноситься»¹.

Таким образом, отношение эквивалентности свидетельствует о факте наличия одних и тех же признаков (свойств) у различных объектов. Относительно таких общих признаков эти различные объекты неразличимы (тождественны, равны, эквивалентны), так что любой из них с равным основанием может служить «представителем» того класса эквивалентности, которому принадлежат все объекты, находящиеся между собой в отношении.

Иными словами, эквивалентность свидетельствует о том, что у сравниваемых объектов обнаруживается опре-

---

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь... С. 305. Известный специалист в области истории и диалектологии русского языка П. Я. Черных указывает, что в соответствии с первоисточником «correspondere» «корреспондировать» означает «соответствовать друг другу», «соотноситься» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1999. С. 432). Как известно, термины «корреспондировать», «корреспондируют» являются общепотребительным в юридической литературе, когда речь идет о соотношении прав и обязанностей в правоотношении.

деленный набор одних и тех же признаков (свойств), нечто *общее*. Но при этом, как указывает В. Шмид, эквивалентность включает в себя два типа отношений: отношения сходства и отношения оппозиции, т. е. «любая эквивалентность подразумевает одновременно и сходство, и оппозицию затрагиваемых элементов. Общее между сходством и оппозицией заключается в том, что соотносимые элементы идентичны, по меньшей мере, по отношению к одному признаку, а по отношению к другому — неидентичны»¹. В. Шмид поясняет: «Сходство двух элементов А и В, наряду с их совпадением в объединяющем признаке х, подразумевает их не идентичность по отношению к признаку у. Но оппозиция элементов А и В подразумевает, наряду с их не идентичностью, их сравнимость, сопоставимость. Сопоставимость элементов оппозиции всегда основывается на совпадении этих элементов на более общем понятийном уровне, поскольку оппозиции (например, понятий “мужчина” и “женщина” или “рождение” и “смерть”) нейтрализуются относительно более абстрактного, более глубокого родового признака (в данных случаях — “человек” или “граница жизни”). Итак, сходство и оппозицию можно определить как связки совпадений и несовпадений относительно тех признаков, которые являются в данном контексте актуализированными»².

Данное положение и примеры В. Шмида показывают, что сопоставимость или несопоставимость элементов устанавливается при обязательном условии рассмотрения их как элементов одной системы. И не потому, что нельзя устанавливать отношения между элементами

---

¹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 242–243. Мы обращаемся к позиции известного философа, слависта и нарратолога Вольфа Шмида, поскольку именно в нарратологии хорошо разработано понятие эквивалентности.

² Там же. С. 243.

различных систем. Общеизвестный диалектический принцип материального единства мира дает основания для признания *в конечном счете* связи *всех* явлений, недаром философы, раскрывая тезис о *всеобщей* связи, добавляют «связь в той или иной степени» и наряду с термином «связь» употребляют термин «изолированность»¹. Просто в практическом смысле установление связи между элементами, находящимися в различных системах, нецелесообразно, а потому лишено смысла. Очевидно, что коль скоро мы говорим о сравнении двух объектов, то должны учитывать, что полного совпадения их признаков быть не может, в противном случае это не два объекта, а один и тот же. Даже если поставить во главу угла чисто формальные признаки и вести речь, например, об идентичных товарах, сошедших с конвейера, в которых, казалось бы, совпадают буквально все признаки, и в этом случае можно найти оппозицию, т. е. такой признак, относительно которого они не идентичны, например время схода с конвейера или порядковый номер.

Как было указано, эквивалентность есть многозначная категория, применяемая при определении соотношения в тех или иных ракурсах к самым различным субстанциям, причем как материального, так и нематериального характера. Поэтому количественные или чисто формальные признаки в такой операции нередко отходят на второй план. При этом следует подчеркнуть, что понятие эквивалентности (неэквивалентности) есть *универсальное* средство характеристики отношений, поскольку сравниваемые объекты всегда будут либо эквивалентными (соразмерными, соответствующими, тождественными, равными, равнозначными, равноценными), либо неэквивалентными (несоразмерными, несоответ-

---

¹ Диалектический и исторический материализм. М., 1985. С. 96.

ствующими, нетождественными, неравными, неравнозначными, неравноценными).

Под признаком в рассматриваемом нами смысле следует понимать такое свойство, которое является актуализированным в проводимом сравнении, и относительно которого объекты равны или равноценны. Так, например, дубовый табурет и стул из пластмассы есть различные предметы, и относительно, например, веса, формы или материала, из которого они сделаны, т. е. актуализированного в данном случае свойства, они не эквивалентны. Но если актуализировано такое свойство, как пригодность для сидения, то данные предметы следует признать эквивалентными.

В праве нередко в качестве признака, актуализированного в проводимом сравнении, может выступать определенный эффект, результат тех или иных действий. Данное положение мы хотим проиллюстрировать на примере такого универсального принципа гражданского права, как принцип полного возмещения убытков, который, как указывал В. В. Васькин, «находит свое обоснование в характере гражданских отношений и методе их правового регулирования»¹. Для того чтобы реализовать указанный принцип, необходимо оценить причиненный ущерб и определить причитающийся эквивалент. Наиболее приемлемым для этого является всеобщий эквивалент в виде денег. Определяя «причиненные убытки», Л. А. Лунц указывал: «Под “причиненными убытками” мы разумеем денежную оценку того ущерба, который причинен неисправным должником или деликвентом», но, «строго говоря, термин “причиненные убытки” является неточным, ибо неисправный должник (или правонарушитель) причиняют не убытки в денежном их выраже-

---

¹ Васькин В. В. Возмещение убытков предприятиям. М., 1977. С. 13.

нии, а причиняют ущерб в натуральной форме, который в условиях товарно-денежных отношений может получить и получает выражение в виде денежного эквивалента убытков, подлежащего возмещению»¹.

Если причинитель вреда уничтожил принадлежащую потерпевшему вещь, то вернуть ее уже невозможно ни при каких обстоятельствах. Поэтому «возмещение убытков имеет целью доставить потерпевшему *другую ценность взамен или непосредственно потерянной* (курсив наш. — Н. А., Н. Б., Т. Л.). Оно получает эквивалент (обыкновенно денежный), — отмечал А. С. Кривцов. — Этот эквивалент соответствует разнице между принадлежавшим дамификату имуществом в том его виде, в каком оно находилось до и после совершения дамификантом вредного действия. Другими словами, возмещение убытков равносильно интересу, который потерпевший имеет в том, чтобы вредное действие не наступило (*id quod interest*)»². Таким образом, при характеристике возмещения убытков А. С. Кривцов употреблял термин «интерес», исходя из того, что после возмещения интерес потерпевшего будет восстановлен. Следовательно, ученый, в проводимом им сравнении ущерба и возмещения, актуализировал признак интереса потерпевшего.

Этот интерес будет восстановлен путем предоставления потерпевшему денежного эквивалента, но его восстановление возможно и «в натурально-вещественной форме... и вовсе не обязательно в деньгах»³. Полагаем,

---

¹ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 365. По этому вопросу см. также: Белякова А. М. Имущественная ответственность за причинение вреда. М., 1979. С. 8; Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 58.

² Кривцов А. С. Общее учение об убытках. Юрьев, 1902. С. 7.

³ Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. С. 112.

что вместо термина «интерес» вполне может быть употреблен и термин «результат». Имущество, принадлежавшее потерпевшему, было необходимо ему для достижения определенного результата. Полагаем, что суть принципа возмещения убытков заключается в том, чтобы потерпевший мог достигнуть того результата, который имел в виду, приобретая имущество, поэтому закон имеет «основной задачей... отыскание достаточного и объяснимого с точки зрения законодательства... денежного (а в некоторых случаях и натурально вещественного) эквивалента»¹ причиненных убытков.

Следует отметить, что иногда перед правоприменителем стоит задача оценить нематериальную субстанцию, например упущенную выгоду, найдя ей материальный эквивалент, как правило, в виде денег.

Таким образом, термин «эквивалентность» применим при характеристике отношений между различными объектами (предметами), которые в силу наличия одних и тех же признаков (свойств) либо являются равными (равноценными), или взаимозаменяемыми (т. е. могут выполнять одни и те же функции), либо соответствуют одному и тому же мерилу. Если объекты сравниваются относительно достигаемого с их помощью результата, то признание их эквивалентными означает, что при замене одного объекта другим, эквивалентным ему, будет достигнут тот же результат, который достигается при помощи первого объекта.

Юристы также высказываются относительно указанных в начале настоящего очерка понятий. При этом некоторые понимают эквивалентность весьма широко. Так, В. А. Четвернин указывает: «Латинское *aequitas* (от *aeque* — равно, одинаково, беспристрастно, справедли-

---

¹ Платов Н. В. Возмещение убытков в гражданском праве. СПб., 2001. С. 50.

во) переводится в современном языке как соразмерность, пропорциональность, равенство перед законом, справедливость, равное, беспристрастное обращение с разными людьми»¹. Другие же, напротив, дают одностороннее ее понимание. Например, Р. А. Максоцкий указывает, что эквивалентность имеет место в тех случаях, когда контрагент платит за товар денежную сумму, соответствующую среднерыночной цене вещи, либо если это обмен, то он осуществляется товарами, которые признаются равноценными. По его мнению, эквивалентности не будет, если отсутствует равноценность, т. е. равная цена. Таким образом, автор сводит понимание эквивалентности к равной стоимости (цене), определяя ее (эквивалентность) через понятия «соразмерность обмениваемых благ»², а на первое место выводит всеобщий эквивалент, т. е. деньги.

Мы полагаем, что правильной является позиция сторонников широкого понимания эквивалентности, поскольку, как свидетельствуют приведенные выше смыслы понятия «эквивалентность», последнее, во-первых, имеет весьма широкий спектр значений, а во-вторых, повторим, главным в его понимании является то, что оно есть *универсальное средство характеристики отношений*. Очевидно, что эквивалент в виде денег не имеет отношения к характеру расположения элементов в какой-либо системе, а сопоставлять различные объекты или их стороны, соизмерять их ценность или значимость можно вне зависимости от того, подлежат ли они денежной оценке.

В логике отношения разделяются на логические и мериологические. Первые — это отношения между понятиями; вторые — отношения между самими предметами³. При этом важно иметь в виду, что отношения между по-

---

¹ Четвернин В. А. Введение в курс... С. 49.

² Максоцкий Р. А. Возмездность и безвозмездность... С. 11–12.

³ Дегтярев М. Г., Хмелевская С. А. Логика. М., 2003. С. 60.

нениями выводятся из отношений между различными предметами реального мира. Поскольку эти предметы находятся друг с другом в различного рода отношениях, то и понятия, отражающие эти предметы, также находятся в определенных отношениях.

В логическом отношении могут находиться только сравнимые понятия, которые делятся на совместимые и несовместимые. При этом, как признается в логике, под сравнимыми понимаются такие понятия, в содержаниях которых «имеются общие признаки или свойства»¹. Эквивалентность (равнообъемность, равнозначность) в логике рассматривается как предельный случай совместимости; в отношении эквивалентности находятся понятия, объемы которых полностью совпадают, или, иначе, те понятия, в которых мыслится предмет, обладающий одними и теми же свойствами².

Как известно, научное понятие обобщает добытые о нем объективные знания. Оно обозначается термином, состоящим из слова или словосочетания, и логически характеризуется либо с точки зрения своего содержания (существенных признаков явления), либо с точки зрения объема (совокупности мыслимых при его посредстве явлений)³. По формально-логическим признакам понятия делятся в зависимости от их содержания на *конкретные* (в которых явление мыслится в целом) и *абстрактные*, в которых выражается свойство явления

---

¹ Ненашев М. И. Введение в логику. М., 2004. С. 82. См. также: Малахов В. П. Формальная логика. М., 2001. С. 28.

² Толпыкин В. Е., Толпыкина Т. В. Логика. М. ; Воронеж, 2004. С. 20; Строгович М. С. Логика. М., 2004. С. 94; Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 2004. С. 40.

³ Содержание понятия образует совокупность существенных признаков предмета, мыслимого в понятии (Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. С. 92 и след.).

или отношение между явлениями. В зависимости от объема понятия делятся на *единичные*, в которых мыслится одно явление, и *общие*, в которых отражается совокупность однородных явлений.

Поскольку понятие «эквивалентность» выражает *отношение* между явлениями, оно должно быть признано *абстрактным*. По объему же его следует отнести к *общим*, так как оно применимо к большой совокупности явлений. В соответствии с этими классификациями эквивалентность можно определить как *общее абстрактное* понятие, в котором отражается *отношение между какими-либо сравниваемыми явлениями (объектами)*.

Учитывая изложенные положения, можно дать следующее предварительное определение: эквивалентность есть общее абстрактное понятие, в котором отражается отношение между какими-либо сравниваемыми объектами, идентичными по отношению к одному признаку (ряду признаков), но неидентичными по отношению к другому признаку (ряду признаков). Признак (ряд признаков) — это такое (такие) свойство (свойства), которое является актуализированным в проводимом сравнении.

В логике выделяются также оценочные модальные понятия, которые характеризуют объекты с точки зрения определенной системы ценностей. Эти понятия делятся на абсолютные оценочные понятия — «хорошо», «(оценочно) безразлично» и «плохо» и сравнительные оценочные понятия — «лучше», «равноценно» и «хуже». Абсолютные оценочные понятия фиксируют абсолютную ценность какого-либо объекта, сравнительные оценочные понятия — сравнительную ценность такого объекта. Функцией модальных понятий является уточнение устанавливаемой связи, ее конкретизация¹.

---

¹ Ивин А. А. Логика. М., 2004. С. 146–147.

В юридической литературе широко изучены оценочные понятия, однако сравнительные оценочные понятия не исследовались.

Под оценочными понятиями понимаются выраженные в нормах права положения, закрепляющие наиболее общие признаки, свойства, качества разнообразных предметов, явлений, процессов, детально не разъясняемые законодателем с тем, чтобы они конкретизировались путем оценки в процессе применения права и позволяли осуществлять в пределах зафиксированной в них общности индивидуальную регламентацию общественных отношений¹. Термин «оценочное понятие» введен в научный оборот С. И. Вильнянским, относившим к их числу относительно-определенные понятия, содержание которых выявляется только с учетом обстоятельств рассматриваемого дела, конкретных ситуаций². Некоторые ученые используют наряду с термином «оценочное понятие» также термин «ситуационное понятие»³, что подчеркивает зависимость таких понятий от особенностей конкретной ситуации.

К особенностям оценочных понятий относят следующие: 1) они не конкретизируются законодателем; 2) они уточняются и конкретизируются правоприменителем; 3) они дают правоприменителю возможность свободного усмотрения, свободной оценки фактов⁴.

---

¹ Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. Свердловск, 1974. С. 63.

² Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Ученые зап. Харьк. юрид. ин-та. 1956. Вып. 7. С. 3–18.

³ Жеребкин В. Е. Логические понятия права. Киев, 1976. С. 130; Комиссаров К. И. Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе // Сов. государство и право. 1971. № 3. С. 75.

⁴ Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Сов. государство и право. 1970. № 7. С. 104–105.

Хотим обратить особое внимание на определение оценочных понятий, данное В. В. Игнатенко, который полагает, что оценочные понятия права представляют собой «детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе наиболее общие типичные эмпирические признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем аксиологической или неаксиологической оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения»¹. Особое внимание это определение привлекает по той причине, что ориентирует на учет характера оценки (аксиологическая или неаксиологическая), которую осуществляет правоприменитель при разрешении конкретной ситуации (разрешении конкретного спора). Аксиологическая оценка — это оценка с точки зрения культурных общечеловеческих ценностей², в то время как неаксиологическая — это только лишь иное наименование «процедур сравнения, сопоставления, отнесения к определенному классу»³.

Аксиологическая оценка отличается от неаксиологической тем, что «в первом случае устанавливается не соответствие мысленного образа какой-либо вещи самой этой вещи, а соответствие нашего представления об общественном значении некоторой вещи ее реально-

---

¹ Игнатенко В. В. Оценочные понятия и административно-делективный закон. Иркутск, 1996. С. 25.

² Аксиология (от греч. *axios* — ценность и *logos* — учение) — учение о человеческих ценностях, в том числе духовных, материальных, политических, правовых, религиозных ценностях определенных социальных групп (классов, наций и др.) и отдельных личностей, учение о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах, интерпретирующее культуру как совокупность всех ценностей, созданных человечеством, как регулятивно-нормативную систему человеческой жизнедеятельности.

³ Кислов Б. А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии: (вопросы теории и методологии). Иркутск, 1985. С. 8.

му положению в определенной системе общественных отношений»¹.

Полагаем, что положения об оценочных понятиях применимы и к сравнительным оценочным понятиям права с учетом их особенностей. Можно дать следующую характеристику сравнительных оценочных понятий права. Во-первых, сравнительные оценочные понятия права — это понятия, явно или имплицитно содержащиеся в тексте нормативных актов. Во-вторых, сравнительные оценочные понятия права конкретизируются в процессе применения норм права правоприменительным органом, дающим сравнительную оценку различных объектов в рамках конкретной ситуации. В-третьих, сравнительные оценочные понятия права конкретизируются на основе усмотрения. В-четвертых, на основе сравнительных понятий осуществляется индивидуальное регулирование.

Поскольку понятие эквивалентности применяется при сравнительной оценке объектов, следует прийти к выводу, что эквивалентность представляет собой *сравнительное оценочное понятие*, фиксирующее сравнительную ценность нескольких объектов. Такая фиксация осуществляется путем применения либо количественных параметров (цена, вес, метраж и т. д.) при актуализации количественного признака, либо качественных (ценность, равнозначность, взаимозаменяемость) — при актуализации качественного признака. При этом признак — это такое свойство, которое актуализировано в проводимом сравнении. И «количество» и «качество» — это признаки объекта. Поэтому сравнение можно производить как в количественном отношении (при актуализации признака количества), так и в качественном (при актуализации признака качества). Количественная

---

¹ Солодухин Ю. Н. Послесловие // Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С. 253.

оценка есть неаксиологическая, в то время как качественная — аксиологическая.

Как сравнительное оценочное понятие, эквивалентность широко применяется в гражданском праве, свидетельством чего является целый ряд статей ГК РФ, указывающих на необходимость оценить в сравнительном плане различные субстанции.

Сравнение в количественном отношении приведет к определению эквивалентности по таким признакам, как «цена» (ст. 281 ГК РФ, п. 3 ст. 393 ГК РФ, ст. 424 ГК РФ и др.), «размер» (п. 2 ст. 247 ГК РФ, п. 2 ст. 258 ГК РФ, ст. 333 ГК РФ, п. 2 ст. 348 ГК РФ, п. 2 ст. 353 ГК РФ, п. 1 ст. 395 ГК РФ, п. 1, п. 2 ст. 475 ГК РФ, п. 1 ст. 480 ГК РФ, п. 1, п. 2 ст. 503 ГК РФ, п. 3 ст. 504 ГК РФ, п. 1 ст. 612 ГК РФ, п. 1 ст. 723 ГК РФ, ст. 1039 ГК РФ, ст. 1040 ГК РФ, п. 1, п. 2 ст. 1138 ГК РФ, п. 1 ст. 1170 ГК РФ и др.), «количество единиц» (п. 2 ст. 343 ГК РФ, п. 3 ст. 455 ГК РФ, ст. 465 ГК РФ, ст. 466 ГК РФ, п. 1 ст. 511 ГК РФ, п. 1 ст. 512 ГК РФ, п. 2 ст. 513 ГК РФ, п. 1 ст. 520 ГК РФ, ст. 521 ГК РФ, п. 1, п. 2 ст. 543 ГК РФ, ст. 544 ГК РФ, п. 1 ст. 807 ГК РФ, ст. 890 ГК РФ, п. 1 ст. 909 ГК РФ, п. 1 ст. 913 ГК РФ, п. 1 ст. 1438 ГК РФ и др.), «стоимость» (п. 2 ст. 46 ГК РФ, п. 2 ст. 74 ГК РФ, п. 4 ст. 99 ГК РФ, п. 2 ст. 102 ГК РФ, п. 1, п. 2 ст. 220 ГК РФ, п. 2 ст. 226 ГК РФ, ст. 240 ГК РФ, п. 1 ст. 343 ГК РФ и др.), «затраты» (п. 1 ст. 229 ГК РФ, п. 2 ст. 238 ГК РФ, ст. 303 ГК РФ, п. 4 ст. 451 ГК РФ, п. 3 ст. 485 ГК РФ, п. 2 ст. 614 ГК РФ, ст. 729 ГК РФ, п. 3 ст. 1548 ГК РФ и др.) и т. д.

При сравнении в качественном отношении используются иные признаки, такие, например, как «степень вины» (ст. 151 ГК РФ, п. 2 ст. 1081 ГК РФ, п. 2 ст. 1083 ГК РФ, п. 2 ст. 1101 ГК РФ и др.), «степень физических и нравственных страданий» (ст. 151 ГК РФ, ст. 1101 ГК РФ), «степень заботливости» (п. 2 ст. 184 ГК РФ, п. 1

ст. 401 ГК РФ, п. 2. ст. 451 ГК РФ), «степень осмотрительности» (п. 1 ст. 401 ГК РФ, п. 2. ст. 451 ГК РФ), «степень секретности» (п. 2, п. 5 ст. 1401 ГК РФ, ст. 1403 ГК РФ и др.), «степень смешения» (п. 6 ст. 1252 ГК РФ, ст. 1446 ГК РФ, п. 3, п. 4 ст. 1474 ГК РФ, п. 2 ст. 1483 ГК РФ, п. 1 ст. 1508 ГК РФ и др.), «степень соответствия» (п. 3 ст. 1544 ГК РФ), «индивидуальные особенности лица» (ст. 151 ГК РФ, п. 2 ст. 1101 ГК РФ), «степень утраты трудоспособности» (п. 1 ст. 1086 ГК РФ, ст. 1090 ГК РФ), «очевидная выгода или польза и действительные или вероятные намерения» (п. 1 ст. 980 ГК РФ), «должная заботливость» (п. 1 ст. 1022 ГК РФ), «необходимая осмотрительность» (п. 1 ст. 993 ГК РФ), «разумность действий» (п. 3 ст. 10 ГК РФ, п. 3 ст. 53 ГК РФ), «разумное ведение дел» (п. 2 ст. 72 ГК РФ, п. 2 ст. 76 ГК РФ), «разумная заботливость» (п. 2 ст. 375 ГК РФ), «разумные меры» (п. 1 ст. 404 ГК РФ, п. 1 ст. 750 ГК РФ, п. 1, п. 3 ст. 962 ГК РФ, п. 5. ст. 1244 ГК РФ), «разумно понимаемые интересы» (п. 2 ст. 428 ГК РФ), «разумное предвидение» (п. 1 ст. 451 ГК РФ), «разумные расходы» (п. 1 ст. 520 ГК РФ), «разумная возможность» (п. 4 ст. 1127 ГК РФ), «разумные потребности» (п. 1 ст. 1268 ГК РФ, п. 1 ст. 1323 ГК РФ) и т. д.

Обобщая, можно констатировать, что и в первом, и во втором случаях осуществляется оценка, но в первом — неаксиологическая, по количественным показателям (т. е. измерение), а во втором — аксиологическая, по качественным (т. е. определение ценности). При этом и в первом, и во втором случаях речь идет об определении соответствия (соотношения, пропорциональности, равноценности, взаимозаменяемости, тождества, равенства и т. д.).

Помимо отмеченного, можно указать и на иные случаи, когда в гражданском праве требуется сравнительная оценка самых различных объектов. Сравнива-

ются субъекты гражданского права с точки зрения их правового положения (равные — неравные), сравниваются элементы содержания правоотношения — субъективные права и субъективные обязанности (соразмерные — несоизмерные), сравниваются взаимные предоставления в договорных обязательствах с точки зрения равноценности передаваемых благ (равная стоимость — неравная стоимость), сравниваются причиненный вред и его возмещение с точки зрения их соответствия (равноценности) и т. д. Следовательно, понятие эквивалентности может применяться в гражданском праве к широкому кругу объектов при условии, что они рассматриваются как элементы одной системы и необходимо произвести их оценку.

«Эквивалентность» как сравнительное оценочное понятие права отражает отношение между какими-либо сравниваемыми объектами, идентичными по отношению к одному признаку, но неидентичными по отношению к другому признаку. Признак — это такое свойство объектов, которое является актуализированным в проводимом сравнении.

Установление эквивалентности осуществляется правоприменителем путем аксиологической или неаксиологической оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения.

ОЧЕРК 5. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Принципы права в цивилистике на сегодняшний день представляют собой широко изученную тему¹. Традиционно под принципами права понимаются основные начала, руководящие положения, руководящие идеи, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности, носящие универсальный характер и оказывающие воздействие на все общественные отношения, подлежащие правовому регулированию.

В качестве родового понятия при определении принципов права ученые избирают понятия «идеи», «положения», «начала» и определяют принципы как «ведущие начала», «основополагающие начала»², «основные на-

---

¹ Агарков М. М. Основные принципы советского гражданского права // Сов. государство и право. 1947. № 11; Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск, 2001; Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1960. № 1; Ведяхин В. М. Принципы правового регулирования рыночных отношений // Правоведение. 1995. № 6; Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Вест. Моск. ун-та. Сер. Право. 1966. № 3; Калмыков Ю. Х. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3; Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Екатеринбург, 2002; Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006; Макрецова А. А. Принципы гражданского права переходного периода. М., 1996; Малейн Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6; Потапова О. А. Принципы гражданского права. Ульяновск, 2002; Садиков О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР // Сов. государство и право. 1991. № 10; Свердлык Г. А. Принципы гражданского права. Красноярск, 1985; Толстой Ю. К. Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2.

² Общая теория советского права. М., 1966. С. 68.

чала, наиболее общие руководящие положения права»¹, начала, руководящие идеи², «основные идеи, исходные положения или ведущие начала»³, «исходные, определяющие идеи, положения, установления»⁴, «руководящие положения права, его основные начала»⁵, «исходные нормативно-руководящие начала»⁶. Исходя из того, что идея — это мысль, т. е. понятие о каком-нибудь предмете, постигаемый разумом образ, а положение — это «основное утверждение, тезис», и учитывая применяемые при этом прилагательные — «ведущие», «основополагающие», «основные», «исходные», «определяющие», «руководящие», «наиболее общие», можно заключить, что принцип — это гносеологический продукт мышления, определенная мысль, оформленная в связи с ее важностью в виде общего категорического утверждения, тезиса.

Говоря же о соотношении понятий «принцип» и «начало», необходимо указать на концепцию, в соответствии с которой принципы носят гносеологический характер, в то время как начала — двойственный (гносеологический и онтологический)⁷. В связи с этим следует признать некорректным повсеместно проводимое в цивилистике отождествление принципов с началами.

---

¹ Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 40.

² Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчиков. М., 1985. Т. 1. С. 27–28.

³ Общая теория государства и права. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 22.

⁴ Теория государства и права / ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2001. С. 151.

⁵ Гражданское право. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. С. 24.

⁶ Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 222.

⁷ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск, 2001. С. 25.

Как известно, гносеология и онтология представляют собой две самостоятельные области научного знания, причем онтология есть учение о бытии, в то время как гносеология — учение о познании. Гносеология изучает «возможности познания мира человеком, структуру его познавательной деятельности, типы и формы знания в его отношении к действительности, критерии истинности и достоверности знания»¹, а онтология — законы бытия, т. е. объективную, внутреннюю существенную и устойчивую связь реальных явлений². В философии общепризнано, что принципы представляют собой феномен гносеологического характера. Сравнивая понятия «закон» и «принцип», В. Н. Голованов указывает: «Законы в природе существуют объективно. Принципов же в природе нет. Принципы — чисто гносеологический феномен. И в силу этого они не могут иметь самостоятельного значения»³.

Это положение признано и в правоведении, и по указанию А. Ф. Черданцева, принцип — это «категория не онтологического, а методологического, праксеологического характера»⁴. Очевидно, что основополагающие идеи и руководящие положения не есть феномены онтологического порядка; они осознаются разумом на основе постижения реальных явлений и процессов и формулируются в виде тезисов, которые могут при определенных условиях получать закрепление в законе в виде нормативных положений либо, не получая такого закрепления, существовать в виде положений правосознания, закрепленных в какой-либо концепции или теории и объективированных

---

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. С. 562.

² Там же. С. 187.

³ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 81.

⁴ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 55.

в виде текстов. Поэтому полагаем, что нельзя не видеть различия между онтологическими и гносеологическими категориями. В свете этого мы приходим к выводу о том, что категория эквивалентности является разновидностью категории «начала гражданского права» и обладает той же двойственностью, которая присуща и родовой категории «начала». Она имеет два смысла — онтологический и гносеологический и должна рассматриваться и с онтологических (как «собственно начало»), и с гносеологических (как принцип) позиций. Полагаем, что основания для такой трактовки можно разглядеть уже у П. И. Стучки, который писал: «Идея равноправия (эквивалентности) вскоре сделалась самостоятельным *источником* права наравне с *ius civile* и *ius gentium*... Закрепление философского понятия эквивалента... *возможно было только* при существовании *реальных отношений* товарообмена с его эквивалентом как основой»¹. В этом утверждении определенно просматриваются два смысла эквивалентности: 1) эквивалентность как объективная основа реальных отношений (онтологический смысл понятия) и 2) эквивалентность как идея, т. е. принцип (гносеологический смысл понятия).

С онтологических позиций эквивалентность — это онтологическое начало, лежащее в основе гражданского права, поскольку, как было показано, последнее возникло и развивается как регулятор общественных отношений, призванный обеспечить всеобщую меру (эквивалент) социального обмена, «равное за равное» в процессе человеческого взаимодействия. Онтологический характер эквивалентности проявляется в том, что она выражает объективные закономерности развития отношений (их «бытия»), составляющих предмет гражданского права. С гносеологических позиций эквивалентность представляет собой идею (принцип), отражающую

---

¹ Стучка П. И. Избранные произведения... С. 535.

представления законодателя о регламентации отношений субъектов гражданского права как взаимовыгодных и равноценных, т. е. эквивалентных.

Значимым аспектом постижения сущности принципа эквивалентности в гражданском праве выступает вопрос о способе его объективации: является ли он принципом правосознания и отражен только в доктрине (в частности, в меновой теории Е. Б. Пашуканиса и позициях С. С. Алексеева, Г. В. Мальцева, Л. С. Мамута, В. А. Четвернина) или нашел закрепление в нормативном материале и может быть отнесен к принципам права, а если является принципом права, то должен ли быть прямо сформулирован в правовой норме или может быть «выведен» из ряда норм.

Одними учеными признается, что принцип права, т. е. общая мысль, «направление, вложенное законодателем, сознательно или бессознательно, в целый ряд созданных им норм»¹, может быть прямо сформулирован в тексте закона, но если законодатель по каким-либо причинам этого не сделал, то он (принцип) может быть «обнаружен» путем обобщения ряда соответствующих правовых норм. Так, С. Н. Братусь указывал, что «основные принципы какой-либо отрасли права мы должны обнаружить в самих нормах, составляющих в совокупности данную отрасль; если же там принципы прямо не сформулированы, они должны быть обнаружены из общего смысла норм»². Н. Г. Александров также полагал, что принципы права «выражены в виде определенных единых формул, зафиксированных в соответствующих статьях. В некоторых случаях принципы могут быть извлечены из содержания различных, конкретных норм в результате установле-

---

¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 15.

² Братусь С. Н. Предмет... С. 139.

ния их наиболее существенных общих черт»¹. К. П. Уржинский определял принцип как «прямо закрепленное юридическими нормами или выводимое из них путем толкования и развиваемое ими руководящее отправное положение (идея)»². А. Е. Пашерстник считал, что принципы права могут быть выражены в законодательстве «при помощи единых формул, либо раскрываемых в содержании других норм более конкретного и узкого значения и извлекаемых из них путем анализа и выявления общих элементов»³. По мнению Р. З. Лившица, «принцип — это прежде всего идея. Но не только идея. Как само право не сводится к идеям, а охватывает и нормы, и социальные отношения, так и его принципы выходят за пределы только идей и обретают нормативное и правоприменительное содержание. Принципы права — это прежде всего идеи, но также и нормы»⁴. Л. С. Явич указывает, что принципы права не всегда лежат на поверхности и сформулированы в правовых нормах; они могут быть по-разному объективированы и сформулированы в законодательстве. В одних случаях они ясно изложены, в других их действительный смысл завуалирован⁵.

Таким образом, по этой позиции нормативное закрепление принципа не означает, что он обязательно должен быть сформулирован в виде отдельной нормы, хотя такой прием также используется. Принцип имеет характер нормативного и в том случае, когда его содержание «извлекается» из тех или иных законодательных положений.

---

¹ Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Сов. государство и право. 1957. № 11. С. 18.

² Уржинский К. П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3. С. 124.

³ Пашерстник А. Е. О сфере действия и принципах советского трудового права // Сов. государство и право. 1957. № 10. С. 99.

⁴ Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 195.

⁵ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 150.

Другие ученые считают, что принципы права должны получить прямое закрепление в правовой норме, в противном случае это не принцип права, а научный или философский принцип. Так, Н. А. Чечина утверждала: «Правовой принцип как руководящая идея отличается от научных и философских принципов тем, что всегда и непременно находит свое конкретное выражение в норме или нормах права, т. е., говоря иными словами, идея находит в нормах закрепление... Поэтому не из норм может быть извлечено содержание принципа, а, наоборот, из принципа — содержание норм»¹. Г. А. Свердлык определял принципы гражданского права как закрепленные (или отраженные) в преамбулах основополагающих нормативных актов, а также гражданско-правовых нормах стабильные нормативно-руководящие положения, в соответствии с которыми строится нормативная база гражданско-правового регулирования, регламентация поведения субъектов гражданского права и правоприменение². М. А. Гурвич вообще утверждал, что принципы есть те же нормы права, но обладающие более широким содержанием³.

В конечном счете возобладала первая точка зрения, и в литературе стали говорить о прямом (непосредственном) и косвенном способах нормативного закрепления правовых принципов. В первом случае принцип непосредственно воспроизводится в правовой норме, во втором — «выводится» из ряда правовых норм⁴.

---

¹ Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78.

² Свердлык Г. А. Принципы гражданского права. С. 17. См. также: Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. М., 1985. С. 9.

³ Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 25.

⁴ Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Сов. государство и право. 1974. № 8. С. 32.

Это положение является важным для нашего исследования, так как принцип эквивалентности, существование которого, как было показано, признается рядом цивилистов, ни в одной из норм ГК РФ не закреплён. Поэтому говорить о прямом закреплении принципа эквивалентности в тексте ГК РФ оснований не имеется. В связи с этим, в случае признания существования в российском гражданском праве принципа эквивалентности, возникает вопрос о том, из каких норм ГК РФ его следует «выводить».

На основе указанного выше подхода в правовой науке стали разделять принципы права на «принципы-идеи» и «принципы-нормы» («нормы-принципы»). Принципы-идеи — это те принципы, которые «выводятся» из правовых норм¹. Принципы-нормы — это «нормы, которые служат некими эталонами, позволяющими установить необходимое соответствие целей и средств конкретных правовых предписаний объективным закономерностям общественного развития»².

Попутно следует отметить, что разделение принципов на принципы-идеи и принципы-нормы поддержано далеко не всеми отечественными правововедами. Целый ряд из них такую классификацию отвергает. За принципами не признают статуса норм, главным образом, по той причине, что они не содержат модели поведения субъекта³, а также потому, что принципы права формируют содержание не только действующего, но и будущего законодательства⁴. В то же время сторонники выделения норм-принципов утверждают, что модель поведения в

---

¹ Лившиц Р. З. Теория права. С. 196–197.

² Теория государства и права / В. Я. Любашин [и др.]. Ростов н/Д, 2003. С. 510.

³ Теория государства и права / под ред. М. М. Рассолова [и др.] М., 2001. С. 234–235.

⁴ Ронжин В. Н. О понятии и системе принципов социалистического права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1977. № 2. С. 35.

них содержится, однако носит предельно общий характер. Так, например, А. Е. Пашерстник характеризовал принципы права как идеи, которые уже реализованы в праве и представляют собой «особый вид правовых норм общего характера»¹.

В этой связи хотим отметить, что рациональное зерно можно найти и в первой и во второй позиции. Во-первых, если тот или иной принцип не находит ни прямого, ни косвенного закрепления в законе, то вряд ли имеются основания характеризовать его как правовой принцип. Любой исследователь правовых принципов, так или иначе, исходит из его нормативного закрепления и именно в законе ищет подтверждение его существования. Во-вторых, вполне можно признать категорию «нормы-принципы», поскольку некоторые нормы сформулированы таким образом, что содержат не только модель поведения субъектов, но и общую идею, имеющую широкое значение. В качестве примера можно привести ст. 421 ГК РФ, которая включает в себя как идею свободы договора, так и ее конкретизацию. В-третьих, возможна и такая формулировка нормы, которая предназначена исключительно для закрепления принципа, например, п. 1 ст. 1 ГК РФ. Однако на этом основании она не утрачивает статуса правовой нормы. Поэтому полагаем, что способ закрепления принципа в нормативном материале не носит решающего характера, при условии, что принцип все же каким-то образом закреплен в тексте закона.

Однако следует подчеркнуть, что утверждение о существовании в праве того или иного принципа-идеи, т. е. принципа, в тексте нормы не закрепленного, в большой степени зависит от субъективного усмотрения исследователя. В связи с этим хотим обратить внимание на следующий аспект проблемы. С одной стороны, субъективизм в

---

¹ Пашерстник А. Е. О сфере действия... С. 99.

вопросе о принципах гражданского права приводит к появлению большого числа принципов, относительно которых затруднительно сказать, существуют ли они вообще и имеет ли смысл их отыскивать, «расшифровывая» мысль законодателя, якобы «вложившего» их в текст закона. Следует констатировать, что такое положение дел существует в цивилистике уже длительный период.

В литературе даются самые разнообразные перечни принципов гражданского права. При этом отдельные ученые ограничиваются перечислением тех принципов, которые упомянуты в ст. 1 ГК РФ, другие добавляют к ним разумность, справедливость и добросовестность (ст. 6 ГК РФ), третьи дают различные комбинации из принципов, перечисленных в ст. ст. 1 и 6 ГК РФ, а четвертые формулируют принципы, не упомянутые ни в ст. 1 ГК РФ, ни в ст. 6 ГК РФ. Однако ни один из авторов, писавших о принципах гражданского права, не рассматривал принцип эквивалентности в качестве отраслевого принципа гражданского права.

Таким образом, следует констатировать, что принцип эквивалентности не выделяется в качестве такового ни в одном из учебников по гражданскому праву, что является свидетельством его непризнания. На фоне отсутствия монографических исследований в данной области и в связи с огромной ролью, которую принцип эквивалентности играет в гражданском праве, считаем такое положение дел неприемлемым.

В учении о принципах необходимо выделить несколько аспектов, первым из которых является признание правоведами обусловленности правовых принципов объективными социальными законами, их способности отражать закономерности, потребности и тенденции общественного развития. Этот подход базируется на философских положениях о первичности материи и познающей и отражающей функциях сознания, благода-

ря которым человек способен постигать окружающую его реальность. Как утверждал Ф. Энгельс, «принципы не применяются к природе и человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»¹. Так, В. П. Грибанов полагал, что под правовыми принципами следует понимать «руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение»². О. А. Красавчиков определял принципы права как исходные начала, руководящие идеи, являющиеся идеологическим отражением потребностей человеческого развития³. Г. С. Остроумов считал, что правовые принципы являются специфическим отражением в категориях правосознания основных объективно обусловленных закономерностей развития политико-правовой структуры общества⁴. По мнению М. И. Байтина, принципы права «отражают его объективные свойства, обусловленные закономерностями развития данного общества, всей гаммой исторически присущих ему интересов, потребностей, противоречий и компромиссов различных классов, групп и слоев

---

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 34.

² Гражданское право. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. С. 24; Грибанов В. П. Принципы... С. 219.

³ Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. С. 27–28.

⁴ Остроумов Г. С. Соотношение права и политического сознания // *Вопр. философии*. 1964. № 5. С. 23.

населения»¹. Возражая против того, что принципы права являются отражением социальных законов, Е. В. Скурко корректирует положение Ф. Энгельса, «уточняя» его применительно к правовым принципам, и указывает, что последние должны соответствовать не объективным законам общественного развития, а «природе и истории права»².

Вряд ли с мнением Е. В. Скурко можно согласиться, поскольку, как указывал Л. С. Явич, право «своими корнями уходит в область социальных структур, имеет конечное обоснование вне права»³. Как представляется, не отражая объективных законов общественного развития, право не сможет выполнять своего социального назначения, а «природа и история права» как раз и показывают, в какой мере такое отражение адекватно. Поэтому следует признать, что правовые принципы отражают объективные социальные закономерности, причем не все, а только те, которые имеют значение для правового регулирования.

В. М. Сырых возводит правовые принципы в ранг юридических закономерностей. Отмечая, что правовые принципы обладают объективной необходимостью, он приходит к выводу, что «при наличии соответствующих условий они проявляются неизбежно в системе общественных и правовых отношений независимо от их осознания и закрепления в действующем законодательстве»⁴. В том случае, когда общественные закономерности не осознаются юристами и не закрепляются в законодательстве, «правовые нормы оказываются несовершенными, малоэффективными и не приводят к ожидаемым резуль-

---

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). М., 2005. С. 148.

² Скурко Е. В. Принципы права... С. 8.

³ Явич Л. С. Общая теория права. С. 126.

⁴ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2000. Т. 1: Элементный состав. С. 64.

татам. В обществе сохраняются устойчивые потребности, которые не получают надлежащего удовлетворения, а фактические отношения складываются вопреки законодательным установлениям, в обход норм права»¹.

Мы хотим добавить к этому и второй вариант развития событий в случаях, когда в праве закрепляются нормы, не отвечающие общественным закономерностям, например, конституирующие неэквивалентные отношения: такие нормы способны служить источником недовольства членов общества и приводить к массовым протестам, свидетельством чему является, например, формализованный договор древнейшего римского права — нексум, по которому, как указывают романисты, «престрация должника не должна была быть эквивалентной престрации кредитора»². Этот договор вскоре после появления прекратил свое существование, так как было множество недовольных его суровыми условиями, нарушавшими интересы граждан вследствие установления неэквивалентных отношений.

Следует подчеркнуть, что и сама Е. В. Скурко отмечает: «...Принципы права возникают и начинают формироваться из потребностей и для целей... единообразного регулирования сходных фактических ситуаций»³. Потребности и цели единообразного регулирования сходных фактических ситуаций — это не внутренние потребности и цели права, а потребности и цели общества; они обусловлены не природой права, а природой общественных отношений, требующих правового регулирования.

Таким образом, можно заключить, что правовые принципы обусловлены закономерностями общественного

---

¹ Сырых В. М. Логические основания... С. 64.

² Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М., 2003. С. 239.

³ Скурко Е. В. Принципы права... С. 13.

развития и, в свою очередь, могут рассматриваться как правовые закономерности. При этом «обоснованность претензий правовых принципов на роль юридических закономерностей видится в том, что они выступают идеологической, научно обоснованной формой отражения объективных законов»¹. С учетом обоснованного ранее положения о том, что эквивалентность является составляющей любого социального обмена и может рассматриваться как объективный закон общественного взаимодействия, а также исходя из положения о том, что определенная часть социальных обменных отношений входит в предмет гражданско-правового регулирования, следует признать, что принцип эквивалентности в гражданском праве является отражением указанной социальной закономерности.

Если встать на позицию В. М. Сырых, то сам принцип следует признать правовой (гражданско-правовой) закономерностью или «познанным юристами объективным юридическим законом»². Полагаем, что позиция В. М. Сырых дает ключ к пониманию значения эквивалентности в гражданском праве и позволяет обосновать концепцию, в соответствии с которой принципу эквивалентности принадлежит главенствующая роль в механизме гражданско-правового регулирования. Прежде всего, следует указать, что под объективным законом понимается «внутренняя существенная и устойчивая связь явлений, обуславливающая их упорядоченное изменение. На основе знания закона возможно достоверное предвидение течения процесса... Закон выражает одну из сторон *сущности*, познание которой в теории совпадает с переходом от эмпирических фактов к формулировке законов изучаемых процессов... Всеобщие законы выражают взаимосвязь между универсальными свойствами и *атрибу-*

---

¹ Сырых В. М. Логические основания... С. 63.

² Там же.

тами материи»¹. Как указывал С. А. Муромцев, «под законом мы разумеем постоянство, которое существует в силу природы вещей в отношениях между явлениями, или явлениями и их условиями и последствиями»².

В философии признается, что все явления в мире подчиняются определенным законам и обусловлены ими. Законы существуют объективно, независимо от сознания людей; в природе они реализуются бессознательно, но в социальной жизни — благодаря сознательной целенаправленной деятельности людей³. Таким образом, законы, в том числе и социальные, есть выражение во вне необходимых и существенных отношений между различными природными или социальными явлениями, люди не могут создавать объективные законы общественного развития, но могут учитывать (либо не учитывать) их в своей деятельности. Учет людьми объективных законов общественного развития способствует принятию реалистических, объективно оправданных решений для достижения поставленных целей, в то время как игнорирование этих законов ведет к различного рода кризисам и разрушительным тенденциям, а применительно к праву, как отмечалось, к неэффективности законодательства.

Но прежде чем учитывать объективный закон общественного развития, его нужно обнаружить, исследовать и сформулировать. Выявление и формулирование таких законов и составляет задачу той или иной науки. Социология обнаруживает, изучает и формулирует общие и частные социологические законы, экономика — экономические, а задачей правоведения является обнаружение тех объективных законов общественного развития,

---

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. С. 187–188.

² Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 519.

³ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. С. 188.

которые имеют значение для правового регулирования общественных отношений.

Формулирование этих законов осуществляется в рамках соответствующей теории, в которой данные формулировки излагаются в виде принципов. «То, что называют принципом, есть, в сущности, только обобщенное описание или выражение совокупности общих свойств (“общего смысла”) существовавшего или существующего порядка, существовавших или существующих правил, отношений, действий»¹, — писал С. А. Муромцев и заключал: «...Науки подготовили некоторый запас сведений о зако-

---

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. С. 520. «Таким образом, юридический принцип выражает собой явление истории права, или, точнее, некоторую совокупность историко-юридических явлений, — продолжал цивилист. — Юридический принцип служит формулой, которая определяет так или иначе известную группу правовых отношений и соответствующих им правовых постановлений. Напротив, закон составляет формулу, которая определяет отношения этих отношений и постановлений, как исторических фактов, между собой, или к другим историческим фактам. Так, например, формула, которая утверждает, что договоры влекут устанавливаемые ими последствия, коль скоро соблюдена предписанная форма; или, что обманувший кого-либо обязан вознаградить его за вред, причиненный ему обманом; или, что каждый предполагается добросовестным, пока противное не доказано, — подобная формула есть известное явление истории права. Напротив, формулы, которые утверждают, например, что в жизни каждого народа периоду свободного развития юридических идей предшествует период формализма; что такие-то изменения в гражданском обороте сопровождаются признанием преступности обмана; что юриспруденция образованного общества склонна предполагать в каждом лице добросовестность, — подобные формулы выражают собой законы. В первом... примере закон означает, что известный род явлений (формализм) предшествует всегда другому их роду; в двух других, — что известные явления сопровождаются всегда другими известными явлениями. Юридический принцип указывает на то, что должно быть; закон — на то, что есть в силу свойств человека, общества и мира. Юридический принцип составляет продукт человеческой деятельности; закон стоит над ней. Юридический принцип может быть нарушен человеком, нарушение закона свыше человеческих сил» (Там же. С. 520).

нах явлений, прежде чем дошли до той мысли, что открытие законов составляет основную задачу научного исследования. Таким же образом и гражданское правоведение овладело некоторым знанием о законах развития гражданского права, хотя до сих пор оно не склонялось к объективно-научному изучению своего предмета»¹. Исходя из этих положений, следует вернуться к позиции признания принципов права юридическими закономерностями и констатировать, что принципы права сами по себе не являются юридическими закономерностями, но являются их отражением вначале в правосознании юристов, а затем и в законодательстве. В этой связи можно указать, что к юридическим закономерностям скорее может быть отнесено то, что на определенном этапе развития правовой науки она приходит к пониманию необходимости выявления объективных законов общественного развития, имеющих значение для права, формулирования их в виде правовых принципов и закрепления в нормах права. Следует отметить, что и сам В. М. Сырых не разделяет мнение, в соответствии с которым правовые принципы «реально заложены в праве независимо от того, сформулированы ли они в научном познании или нет», и подчеркивает, что «необходимый характер принципов права состоит вовсе не в их автоматическом действии в системе норм права, без осознания законодателем и закрепления в действующем законодательстве»², а в том, что их необходимо осознать и закрепить.

В свете такого подхода становится важным определение механизма проявления социальных законов в правовой сфере. Юрист должен не просто заимствовать «экономические и иные социальные принципы. Для него важно знать не только саму закономерность, но и то, в

---

¹ Муромцев С. А. Определение... С. 523.

² Сырых В. М. Логические основания... С. 64.

каких юридических свойствах она отражается, какие именно модификации именно этих свойств произойдут в праве вслед за определенными изменениями в соответствующих экономических и иных сферах и каковы критерии, которые позволяют определить соответствие той или иной правовой формы социальному содержанию отношения»¹, — указывает В. М. Сырых.

На данный аспект проблемы обращал в свое время внимание также С. Н. Братусь, который предостерегал против автоматического перевода в принципы гражданского права экономических и иных социальных законов и указывал: «...Надо показать, как основные принципы социализма трансформируются в юридические принципы или, иначе говоря, установить, каково юридическое выражение принципов социализма, имея в виду, что именно различные формы их юридического выражения и будут принципами права в целом или его отдельной отрасли»².

В. М. Сырых дает методологические указания, руководствоваться которыми следует при изучении правовых принципов на предмет признания их юридически закономерностями. Он пишет: «В процессе познания юрист должен не только выявить действие какого-либо социального явления, фактора на право, но и раскрыть результаты и механизм такого влияния, показать, как тот или иной экономический, социологический закон действует в правовой сфере. Механическое перенесение неюридических законов на право чревато ошибками и заблуждениями в познании права»³.

При этом теоретик акцентирует внимание на том аспекте, что любые социальные закономерности в процессе перевода их в юридические принципы неизбежно

---

¹ Сырых В. М. Логические основания... С. 66.

² Братусь С. Н. Принципы... С. 48.

³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 67.

приобретают правовую форму и становятся необходимыми способами взаимосвязи тех или иных правовых явлений, причем обладающими соответствующей спецификой в зависимости от отрасли права, а «раскрытие формы проявления неюридических принципов в отдельной отрасли права составляет непосредственную задачу ее представителей»¹.

Большое методологическое значение имеет также и предложенный В. М. Сырых критерий, по которому можно отграничить правовой принцип, относящийся к юридическим закономерностям, от правового принципа, к ним не относящегося, — способность правовых принципов *отражать объективную связь между явлениями*. В правоведении выделяется целый ряд правовых принципов, которые характеризуют какое-либо свойство права, признак правовых явлений и т. д., но не отражают объективной связи между явлениями, а потому не могут быть отнесены к юридическим закономерностям, например, вина в уголовном праве, гласность, диспозитивность, состязательность и непрерывность в гражданском процессуальном праве и т. д. Юридические закономерности отражают связи и отношения правовых явлений и процессов, а если такая закономерность одновременно является и принципом права, то она отражает не просто связь каких-либо правовых явлений и процессов, но «связь, соотношенную с началом, основой, основанием определенных, весьма сложных в структурном отношении явлений и процессов (отрасли права, системы права в целом, механизма правового регулирования...)»². Иначе говоря, к принципам права, являющимся в то же время юридическими закономерностями, В. М. Сырых относит только те из них, которые отражают структуру тех или

---

¹ Сырых В. М. Логические основания... С. 70.

² Там же. С. 71.

иных элементов системы. Причем это может быть любая система правового характера — право в целом, отрасль права, подотрасль права, институт права и т. д. — и соответствующий этой системе принцип (закономерность) — принцип системы права, отрасли права и т. д.

Таким образом, мы подошли ко второму аспекту учения о принципах, тесно примыкающему к последнему из изложенных положений о признании принципов права юридическими закономерностями, аспекту, который можно условно назвать «структурным».

В различных областях научного знания при исследовании систем самого различного происхождения выделяется такой вид принципов, как «структурные принципы». Так, социолог М. Вебер применял понятие «структурные принципы» при исследовании принципов построения системы протестантизма¹, литературовед, культуролог и семиотик Ю. М. Лотман — при исследовании системы семиотического механизма культуры², этнограф, социолог и культуролог К. Леви-Стросс — при исследовании социальной организации и религиозных верований различных обществ³, антрополог и социолог А. Р. Рэдклифф-Браун — при разработке собственной структурно-функциональной теории культур⁴. Термин «структурные принципы» употребляет английский философ Райл Гилберт в своем известном произведении

---

¹ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 194.

² Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 379.

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 138.

⁴ В частности, выдающийся антрополог писал: «Сравнение различных систем показывает нам, как благодаря использованию определенных структурных принципов и определенных механизмов были созданы работоспособные системы родства» (Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 78).

«Категории» при сравнении систем категорий Аристотеля и Канта¹, а также А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков, исследовавшие системы античной натурфилософии и античного миропонимания². Используется данное понятие и в технических науках³.

В правоведении также можно встретить словосочетание «структурный принцип». Говорят о структурных принципах системы нормативных актов, о структурных принципах отдельного нормативно-правового акта, а также и в иных случаях.

Так, В. Б. Исаков при классификации составов юридических фактов по критерию структурной сложности выделяет такую их группу, как «составы, построенные с использованием различных структурных принципов»⁴, понимая под структурным принципом «принцип построения состава». Р. С. Бурганов, упоминая о структурных принципах системы нормативных актов, характеризуют их как «принципы, определяющие построение, внутреннюю структуру системы нормативно-правовых актов в целом, взаимосвязь его составных частей»⁵. М. Н. Семякин, употребляя термин применительно к такому нормативно-правовому акту, как часть вторая ГК РФ, пишет: «Одним из структур-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vusnet.ru/biblio/search.aspx>.

² Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965. С. 13–36.

³ Ацюковский В. А. Философия и методология технического комплексирования. М., 2005; Казанский Л. П., Торченкова Е. А., Спицын В. И. Структурные принципы в химии гетерополиосоединений // Успехи химии. 1974. Т. 43, № 7. С. 1137–1159.

⁴ Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 30–46.

⁵ Бурганов Р. С. Понятие, юридическая природа и система принципов права на примере принципов в уголовном праве // Вестн. ТИСБИ. 2003. № 4. С. 161.

ных принципов части второй ГК является выделение в ней общих норм, характерных для всех разновидностей наиболее значимых и типичных договоров»¹.

Таким образом, можно заключить, что понятие «структурный принцип» правоведению известен. Однако в работах, посвященных исследованию правовых принципов, включая и монографические труды, при классификации принципов такая их группа, как структурные принципы, не выделяется, хотя в ряде случаев и указывается, что принципы права характеризуют структуру права². Единственным исключением, насколько нам удалось установить, является работа Н. В. Васильева, посвященная уголовно-правовым принципам, в которой автор выделяет структурные принципы отрасли уголовного права³. Изложенное позволяет заключить, что под структурными принципами правоведы понимают идеи о строении той или иной системы.

В философии структурный принцип определяется как идея «о зависимости свойств целого не только от характера и количества входящих в его состав частей, но и от его строения, от способа связи, устойчивого порядка взаимодействий этих частей в составе целого»⁴. Другими словами, «структурный принцип заключается в признании устойчивого закономерного порядка связи элемен-

---

¹ Гражданское право / под общ. ред. Т. И. Илларионовой. С. 23.

² Явич Л. С. Общая теория права. С. 151.

³ Васильев Н. В. Принципы советского уголовного права. М., 1983. С. 48–49.

⁴ Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т. 1. Материя и отражение. М., 1970. С. 179. Можно указать, что вопрос о структурном принципе поставил основатель общей теории систем Л. Берталанфи (Берталанфи Л. Общая теория систем : крит. обзор // Исслед. по общей теории систем. М., 1969. С. 23–82).

тов в составе целого в рамках его существования»¹. При этом отмечается, что «идея структурного подхода к изучаемым объектам, к рассмотрению их как целостных систем, качественные особенности которых определяются способом взаимодействия составляющих систему компонентов, давно уже стала важнейшим методологическим принципом научного исследования»². Успехи химии сыграли большую роль в выработке и распространении структурного подхода к объектам внешнего мира, в раскрытии диалектики элементов и структуры и привели к признанию структурного принципа одним из инструментов познания различных феноменов³.

Структурный принцип в правоведении можно определить как принцип, отражающий структуру элементов системных образований правового характера или, иначе, как идею устойчивого закономерного порядка связи элементов. При этом следует иметь в виду характер таких системных образований.

Известные специалисты в области системного подхода И. В. Блауберг, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин на основе идеи связи как ключевой характеристики системы выделили три группы системных объектов: 1) неорганические совокупности (суммативные комплексы), в которых связи носят случайный, несущественный характер и отсутствуют целостные, интегративные свойства; 2) неорганичные («просто» организованные) системы, в которых существуют только структурные связи, связи координации; основные свойства частей определяются их внутренней струк-

---

¹ Современные проблемы теории познания диалектического материализма. С. 179. Можно указать, что вопрос о структурном принципе поставил основатель общей теории систем Л. Берталанфи (Берталанфи Л. Общая теория... С. 23–82).

² Современные проблемы теории познания диалектического материализма. С. 184.

³ Там же.

турой; зависимость между системой и ее компонентами не сильна; элементы сохраняют способность к самостоятельному существованию, могут быть активнее целого; устойчивость системы обусловлена стабильностью элементов; 3) органичные системы — такие, в которых наряду со связями структурного характера существуют и генетические; не только связи координации, но и субординации; свойства частей определяются структурой целого и т. д.¹

По признанию правоведов, право не является суммативным комплексом; оно относится к органичным системам². Следовательно, вполне корректно выделять в числе правовых принципов структурные принципы, отражающие существенные, устойчивые связи элементов того или иного правового феномена. Более того, представляется, что выделение в самостоятельную группу и исследование структурных принципов в правовых явлениях различного порядка может оказаться плодотворным в эвристическом плане, поскольку, как указывают М. Ф. Веденов и В. И. Кремьянский, у системы имеются свойства, «совокупности которых нельзя вывести в виде “следствий” из законов и свойств, присущих ее элементам, взятым порознь, вне условий их взаимодействий в данной системе»³.

---

¹ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 38–39. См. также: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 176–179.

² Сырых В. М. Логические основания... С. 56–57; Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. Тема «Система права» // Сиб. юрид. вестн. 2003. № 3. С. 6–7. Можно отметить, что некоторые теоретики права приходят к несколько иному выводу и утверждают, что «право как система — это такое специфическое социальное явление, которое представляет собой нечто среднее, промежуточное между «просто» организованной и органичной системами» (Алексеев С. С. Структура советского права. С. 16), но мы полагаем, что в нашем случае от данного аспекта можно абстрагироваться.

³ Современные проблемы теории... С. 240.

Иными словами, рассмотрение того или иного элемента явления (в том числе и правового) вне зависимости от его структурных характеристик неспособно дать того знания, которое дают структурные характеристики. Здесь необходимо вновь обратиться к вопросу о юридических закономерностях. В правоведении высказано мнение, согласно которому объективной юридической закономерностью признается «структурная связь элементов правовых явлений»¹. Полагаем, что эквивалентность отражает как раз структурные связи в такой системе, как гражданское право. А в силу значимости указанной связи полагаем, что к ней можно применить также и термин, употребляемый П. М. Рабиновичем, — «структурная закономерность»². О структурных закономерностях говорили Л. С. Явич³, П. М. Рабинович⁴, В. М. Сырых⁵, причем последний обращается к теории систем и, исходя из положения, что любое явление, состоящее из двух и более элементов, есть система, предпринимает попытку рассмотреть соотношение органичной системы (права) с ее элементами, а также связи между элементами⁶.

Исследованное ранее положение о том, что принципы права есть юридические закономерности, и положение о существовании в правовых явлениях существенной связи, которая также является юридической закономерностью (структурного характера), позволяют высказать предположение о необходимости соотнесения данных положений. А. Ю. Цофнас, отмечая, что в науке «нет разно-

---

¹ Сырых В. М. Логические основания... С. 55.

² Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. (Вопросы теории и методологии исследования). Львов, 1975. С. 42.

³ Явич Л. С. Право и общественные отношения. М., 1971. С. 72–73.

⁴ Рабинович П. М. Указ. соч. С. 42.

⁵ Сырых В. М. Указ. соч. С. 55–63.

⁶ Там же. С. 57–62.

гласий по поводу следующего: принцип всегда приписывается чему-то в качестве *определенного*, уже известного свойства (либо определенного отношения...)»¹, указывает, что, в известном смысле, можно рассматривать принцип как основание закона. Он пишет: «Принцип, по общему признанию, это то, что требует всеобщности и принудительности (необходимости) тех отношений, которым он предписывается. В науке этим требованиям отвечают, конечно, законы. Тогда если некоторое суждение выражает закон, то принцип относительно данного суждения выступает тем (“высшим”, “основополагающим”) суждением (понятием), которое придает суждению, а значит, самому закону, определенный смысл. Это и имеют в виду, говоря, что принцип служит основанием закона»². Учитывая гносеологическую направленность данного положения, а также исходя из того, что применительно к социальной «материи» категории «закон» и «закономерность» можно рассматривать как тождественные, следует прийти к выводу, что принцип можно рассматривать как основополагающую часть суждения о закономерности, а значит, и как саму закономерность.

Данное положение требует обдумывания и соотнесения с ранее изложенными положениями о гносеологическом характере принципов. Мы установили, что, во-первых, в праве существуют структурные принципы, отражающие существенные, устойчивые связи элементов того или иного правового явления, во-вторых, в правовых явлениях, рассматриваемых в качестве системы, выделяют структуру, т. е. устойчивые связи элементов в системе. На основе этого мы должны прийти к выводу, что структуру элементов системы как раз и отражают структурные принципы. В той мере, в какой право есть творение законодателя,

---

¹ Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания. Одесса, 1999. С. 93.

² Там же. С. 94.

принципы права есть гносеологический продукт. Но в той мере, в какой право есть сложившийся социальный феномен, существующий только тогда, когда он имеет строго определенную структуру, выраженную в «равной мере», принципы есть закономерности права, ибо с их утратой право перестанет существовать как таковое.

Поскольку в гражданском праве понятие эквивалентности применяется при сравнении следующих правовых феноменов: 1) субъектов гражданского права с точки зрения их правового положения; 2) элементов содержания правоотношения (субъективных прав и субъективных обязанностей) с точки зрения их соразмерности; 3) взаимных предоставлений в договорных обязательствах с точки зрения равноценности передаваемых благ; 4) причиненного вреда и его возмещения с точки зрения их соответствия (равноценности), то можно утверждать, что понятие эквивалентности применяется в гражданском праве в тех случаях, когда исследуются связи между элементами правовых феноменов (систем): 1) субъектов гражданского права, 2) правоотношения, 3) системы взаимных представлений в договорных обязательствах (системы правомерных действий) и 4) системы действий субъектов при причинении вреда (как правомерного, так и противоправного).

Следовательно, *принцип эквивалентности есть структурный принцип гражданского права, отражающий существенные, устойчивые связи элементов указанных правовых явлений.*

В этой связи представляется весьма важным положение, разработанное В. Н. Протасовым. Теоретик указывает, что соединение положений общей теории систем, идеи механизма правового регулирования и знания о двойственной природе права (с одной стороны, право — это информационная система, содержащая в себе сведения об основных средствах правового воздействия, а с другой — главный элемент, основа цепочки правовых

средств, применяемых для урегулирования конкретного акта поведения) дает новый взгляд на понятие принципа права. Принципы права в том виде, в каком о них идет речь в традиционных формулировках, — «это, на самом деле, не что иное, как информационное отражение в праве основных связей, реально существующих в правовой системе»¹. В этом плане на сегодняшний день принципы остались, по существу, единственным информационным компонентом системы права, относительно которого не предпринимаются попытки отыскать онтологический аналог, «двойник» в правовой действительности. На основе этого В. Н. Протасов приходит к выводу, что «все сформулированные на данный момент правовые принципы (за исключением надуманных) можно “разнести” по принципам-связям, то есть у каждого принципа-идеи можно найти принцип-отношение, на котором он базируется»². При этом ученый указывает, что отраслевые принципы-идеи основываются на двух группах правовых связей: связях, существующих в предмете отрасли, и связях в механизме правового регулирования, т. е. между средствами правового воздействия на предмет. Предмет отрасли гражданского права составляют имущественные и личные неимущественные отношения, а система правоотношений (правовая структура) «пронизывает» предмет отрасли³.

Отношения между субъектами гражданского права организованы на началах равенства, т. е. соразмерно. Соответственно, соразмерность характеризует и структурную организацию правовых средств в механизме

---

¹ Протасов В. Н. Что и как регулирует право. М., 1995. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ В. Н. Протасов пишет: «...Важнейшей структурной связью в МПР (механизме правового регулирования) является правовая связь между субъектами, т. е. правовое отношение. Вместе с тем предмет отрасли пронизывает именно правовая структура (система правовых отношений)» (там же).

гражданско-правового регулирования. Прежде всего она характеризует построение правоотношения, в котором субъективному праву корреспондирует субъективная обязанность. Кроме этого, она характеризует построение большинства иных гражданско-правовых конструкций.

Необходимо акцентировать внимание на позициях обнаружения принципов исходя из общего смысла норм права, т. е. позициях С. А. Муромцева и С. Н. Братуся. Как было указано выше, С. А. Муромцев понимал под принципом «обобщенное описание или выражение совокупности общих свойств (“общего смысла”) существовавшего или существующего порядка, существовавших или существующих правил, отношений, действий», а С. Н. Братусь указывал, что общий смысл норм права и принципы права находятся в прямой зависимости, в которой принцип отражает смысл правовых норм. Соглашаясь с таким подходом, мы принимаем понимание принципа права, предложенное С. А. Муромцевым, и приходим к выводу, что категория «принципы гражданского права» служит обобщенному описанию или выражению совокупности общих свойств (общего смысла) определенного порядка, правил, отношений, действий и т. д. На основе этого мы можем заключить, что принцип эквивалентности отражает структурную организацию элементов отрасли гражданского права, или, иными словами, идею, общий смысл такой организации.

Структурные принципы имеют ярко выраженную специфику, поскольку существуют в позитивном праве не в виде тезисов, которые могут быть внедрены в текст закона либо изъяты из него по усмотрению законодателя, а в виде структуры, обеспечивающей взаимодействие элементов в системе права и само существование этой системы.

По своей характеристике принцип эквивалентности в гражданском праве является структурным принципом, отражающим строение различных системных образований гражданско-правового характера.

ОЧЕРК 6.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Как было обосновано в предыдущем очерке, принцип эквивалентности есть структурный принцип гражданского права, т. е. принцип построения его компонентов, а понятие эквивалентности применяется к некоторому множеству объектов, представляющих собой систему. Следовательно, для раскрытия вопроса о реализации указанного принципа в гражданском праве необходимо обратиться к категориям системного подхода и в первую очередь к такой категории, как структура.

В теории систем признается важность структурного анализа систем различного уровня, а структура считается одной из важнейших характеристик системы. По мнению В. Г. Афанасьева, структура играет огромную роль в системе, поскольку «связывает компоненты, преобразует их, придавая некую общность, целостность», а «без устойчивых связей, взаимодействия компонентов, то есть без структуры, система перестала бы существовать как данное конкретное целое»¹. В правоведении также признается большая роль структурного анализа правовых явлений. Например, Д. А. Керимов призывает исследовать различные связи как внутри тех или иных правовых образований системного характера, так и между ними. Связи первого вида он назы-

---

¹ Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // *Вопр. философии.* 1973. № 6. С. 103.

вает внутренней структурой правовых явлений, второго — внешней¹.

Термин «структура» (лат. structure — строение, расположение, порядок) обозначает совокупность внутренних связей, строение, внутреннее устройство объекта. Как указывал В. И. Свидерский, одним из первых обратившийся к исследованию структур, «под понятием структуры мы будем понимать принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»². Иногда в определении понятия структуры добавляют, что указанные внутренние связи устойчивы и что они обеспечивают целостность объекта и его тождественность самому себе³. В числе связей выделяется такой особый их вид, как связи строения (структурные связи). Именно такие связи в правоведении именуется структурой. Так, по мнению С. С. Алексеева, структура представляет собой «особый (инвариантный) аспект системы, выражающий упорядоченность элементов, их композицию, способ связи между ними, их внутреннюю организацию»⁴.

Для понимания структуры системы важными являются следующие положения. Во-первых, положение об *устойчивости* структуры. Признание структуры инва-

---

¹ В соответствии с таким разделением внутренней структуры, например, правовой нормы является связь между ее частями — гипотезой, диспозицией и санкцией; внешней — связь между данной правовой нормой и иными правовыми нормами, входящими в состав единого правового института (Жеримов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 199).

² Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 135.

³ Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 686.

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 4.

риантным¹ аспектом системы означает, что структура есть стабильный, неизменный аспект системы. Поэтому в философии структуре придаются свойства отражать устойчивость, стабильность, *инвариантность* системы² и отмечается, что взаимосвязь элементов и структуры представляет собой единство противоположностей, поскольку элементы имеют тенденцию постоянно изменяться, структура — оставаться устойчивой, неизменной³.

Во-вторых, положение о том, что структура достигается в результате процесса развития системы, вследствие чего она рассматривается не просто как *способ связи элементов*, а как *устойчивый способ их связи, закон (закономерность)*. Как указывают А. Н. Аверьянов и А. П. Шептулин, структура есть «итог движения элементов целого, итог их организации. И в этом смысле она выступает законом связи элементов, т. е. именно благодаря структуре система воспроизводит себя и существует в относительно неизменном виде определенное время»⁴.

В-третьих, положение о том, что полиструктурность материи обуславливает большое число внутренних и внешних связей элементов системы. Структура как закон (закономерность) связи между элементами системы отражает не все стороны этих взаимосвязей, а только их стабильный, наиболее устойчивый аспект, который сохраняется при определенных изменениях элементов, в

---

¹ Инвариант (лат. *invarians, invariantis* — неизменяющийся) — постоянная величина; величина, остающаяся неизменной при тех или иных преобразованиях.

² Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985. С. 51; Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М., 1966. С. 267.

³ Современные проблемы материалистической диалектики / Ф. Ф. Вязкерева [и др.]. М., 1971. С. 124.

⁴ Материалистическая диалектика как научная система. М., 1983. С. 200.

том числе при изменении их взаимосвязей¹. Полиструктурность обуславливает наличие не одного, а нескольких инвариантных свойств системы, поскольку «одни и те же элементы, взаимодействуя различными сторонами, могут образовывать различные структуры»².

Мы хотим обратить особое внимание на последнее положение и указать, что оно является крайне важным для проводимого нами исследования, поскольку элементы системы гражданского права наряду с такой структурой, как эквивалентное строение, могут иметь и прямо противоположное, неэквивалентное построение.

Поскольку право, в том числе и гражданское, представляет собой сложную многоуровневую систему, в его составе можно выделять множество различных системных образований. Очевидно, что в рамках одного исследования невозможно рассмотреть весь массив таких образований, например, все институты и субинституты обязательственного права. Поэтому необходимо выйти на некие крупные, обобщенные образования, которые и позволят проследить исследуемую структуру.

С. С. Алексеев, указывая, что право есть полиструктурная регулятивная система, которой, как и другим системным образованиям, присуща определенная иерархия структур, выделяет такие элементы его системы, как норму, институт, отрасль. Структуру этих элементов С. С. Алексеев рассматривает как реальную, замечая, что наряду с ней в праве могут быть выделены «идеальные структуры — логические нормы, юридические конструкции, регулятивная и охранительная подсистемы»³. При этом теоретик указывает, что идеальная структура

---

¹ Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и познании. М., 1962. С. 11.

² Материалистическая диалектика... С. 199.

³ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 23.

«характеризует не сам по себе состав реальных компонентов права, а прежде всего их *композицию*, их скелет, “законы связи”, т. е. структуру в точном философском значении этого слова»¹; она «не наслаивается на главную структуру и, следовательно, не может быть охарактеризована в качестве вторичного образования, а, напротив, представляет собой “идеальный скелет” правовой системы, выражающий природу, логику права как специфического общественного явления»².

Концепция С. С. Алексеева дает понимание идеальной правовой структуры, в соответствии с которым *логическая норма* выражает *закон связи* правовой системы на уровне ее *первичных элементов* — правовых предписаний, *юридическая конструкция*, выражая *закон связи* правового материала на уровне *правовых институтов*, представляет собой модели комплексов норм, соответствующих типу или виду правоотношений, юридических фактов и связи их между собой, а *подсистемы права* — регулятивная и охранительная — характеризуют *закон связи* правового материала на уровне *отрасли права*. При этом идеальная структура права выражает логику, специфику композиции нормативных предписаний, правовых институтов и отраслей права³. Полагаем, что такая классификация, при которой выделяются в качестве самостоятельных элементов норма, правовая конструкция и подсистемы, себя не оправдывает, поскольку идеальную правовую структуру можно отразить одним понятием — понятием правовой конструкции.

Существенным моментом в характеристике структуры является проявление единства на всех ее уровнях, поскольку «свойства первичных элементов — норматив-

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 30.

² Там же.

³ Там же. С. 31–32.

ных предписаний — выражаются и через последующие уровни структуры права»¹.

Отмечая, что связи могут носить различный характер, С. С. Алексеев акцентирует внимание на том, что в их числе имеются связи глубокого порядка, которые можно назвать *внутрисистемными связями* или *связями строения*. Такие связи являются «теми закономерными связями, которые и выражают структуру права». Это, например, связи между элементами юридической нормы, между нормами внутри правовых институтов и т. д. Теоретик подчеркивает, что в этом случае «перед нами... жесткие сцепления элементов правовой материи, в результате которых образуются внешне обьективированные подразделения правовой системы: нормы, правовые институты, отрасли права»². В то же время данные внутрисистемные связи не могут быть вскрыты в отрыве от функций элементов (компонентов) системы, так как обусловлены «специфическими функциями соответствующего уровня — необходимостью обеспечить конкретное и детализированное регламентирование поведения субъектов, цельное, комплексное воздействие и т. д.»³.

Ранее нами неоднократно подчеркивалось, что эквивалентность характеризует отношение между двумя и более объектами, являющимися *элементами системы*. Признание эквивалентности структурным принципом также указывает на ее связь с системой, поскольку структура есть *атрибут системы*. Именно этим обусловлено наше обращение к системной литературе и системным категориям, ведь объяснение системы (в нашем случае такой ее составляющей, как структура) требует соответствующего категориального аппарата. В. Н. Протасов, осуществив-

---

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 34.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 47.

ший системное исследование правоотношения, указывает, что применение системного подхода как объяснительного принципа обосновано в том случае, «когда по цели как основному системообразующему фактору через функцию необходимо прийти к знанию структуры и состава системы»¹. Таким образом, следует заключить, что знание структуры можно получить путем выявления цели системы и ее функций.

Категория цели является одной из главных категорий системного подхода. В литературе указывается, что «как система объект выступает лишь относительно своей цели, той цели, которую он способен реализовать, достигнуть. И в этом отношении объект является *целым*, представляет собой *целостность*»². Как известно, система есть целостность, целое, а целое — это то, что стремится к одной цели или, по замечанию В. Н. Сагатовского, цель представляет собой объективное стремление системы к собственной целостности³. По мнению П. К. Анохина, «формирование системы подчинено получению определенного полезного результата... Не может быть понятия системы без ее полезного результата»⁴. Следовательно, любая система всегда имеет цель, ради достижения которой она и существует. Цель есть предмет стремлений, то, что желательно осуществить⁵. Поэтому, как правило, в обыденном сознании «цель» связывается с человеком, однако данное понятие «применимо к развитию любых систем органической и неорганической

---

¹ Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 23.

² Там же. С. 17.

³ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 347.

⁴ Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 34. См. также: Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974. С. 18.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь... С. 905.

природы»¹. В философии категория цели трактуется в двух смыслах — в субъективном (как сознательная цель человека) и в объективном (как объективная целесообразность, присущая всем самоорганизующимся системам живой природы и общества)². В общетеоретической правовой литературе также указывается, что цель права может рассматриваться и как объективная, и как субъективная категория. Она объективна по истокам, содержанию и формам проявления, так как детерминирована реальными условиями социальной жизни, возведена в общеобязательный ранг и не зависит от сознания и воли отдельного индивида. Но в то же время она субъективна как «сознательное творение людей, как идеальное, пока лишь мысленно намеченное состояние предмета властного воздействия»³. По мнению Б. К. Бегичева, «под целью права понимается предвидимый и желаемый результат регулирующего воздействия права на общественные отношения. Желаемый результат деятельности, будучи категорией субъективной, предопределяется условиями жизни общества и получает в законодательстве выражение в виде постановки целей и задач правового регулирования»⁴. При этом важным положением относительно цели права следует признать то, что она может привести к желаемому результату только тогда, когда вызвана жизненными потребностями, правильно отражает объективную действительность и сформулирована

---

¹ Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974. С. 18.

² Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977. С. 131–132.

³ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003. С. 165.

⁴ Бегичев Б. К. Цели советского трудового права // Правоведение. 1980. № 5. С. 43.

с учетом закономерностей последней¹. А. В. Кузьменко пишет: «В общем виде понятие цели можно определить как состояние, к которому направлена тенденция функционирования объекта. Целью может быть определенное состояние системы, конкретный результат, продукт или закономерность ее функционирования»². Обобщая результаты своего исследования, А. В. Кузьменко указывает: «С точки зрения системной методологии рассмотрение отдельных фрагментов системы права в качестве самостоятельных систем (отраслей) возможно при условии, что выбранную совокупность норм можно рассматривать как определенное единство, т. е. как систему, имеющую определенную цель: достижение оптимального функционирования определенной группы общественных отношений (...урегулирование группы однородных общественных отношений)»³.

Значение такой категории, как цель гражданского права, трудно переоценить, поскольку «глубокое познание и оптимальное использование права в жизнедеятельности общества невозможны без уяснения тех целей, которые лежат в основе его создания и функционирования»⁴. Именно от понимания этих целей зависит и понимание и объяснение сущности самого гражданского права, понимание и объяснение смысла и назначения его отдельных норм и институтов, а также понимание и объяснение как механизма гражданско-правового регулирования в целом, так и отдельных его средств. В абстрактном определении под целью права понимается «намеченное в нем и выражающее определенные идеалы состояние

---

¹ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории... С. 165.

² Кузьменко А. В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 7–8.

³ Там же. С. 11.

⁴ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Указ. соч. С. 164.

регулируемых общественных отношений и установок их участников»¹; в конкретном же определении необходимо конкретное указание на такие идеалы и состояние.

Категория «цель» в правоведении разработана недостаточно, о чем В. В. Лаптев и В. П. Шахматов писали еще в 1976 г.: «Одна из задач отраслевых правовых наук — разработка проблемы цели применительно к соответствующей отрасли права, ее институтам и отдельным нормам. Однако эта проблема разрабатывается еще недостаточно, что создает трудности в использовании категории цели при построении системы права»². Сами В. В. Лаптев и В. П. Шахматов полагали, что цель отрасли права «заключается в правовой охране ее предмета, в правовом обеспечении его функционирования», а цель гражданского права — в обеспечении удовлетворения материальных и культурных потребностей граждан³.

В современной литературе гражданское право определяется как система правовых норм, «регулирующих имущественные и связанные с ними иные неимущественные отношения, основанные на независимости и имущественной самостоятельности их участников, методом юридического равенства сторон в целях надления частных лиц возможностями самоорганизации их деятельности по удовлетворению своих потребностей и интересов»⁴. Из данного определения можно почерпнуть указание на цель гражданского права — «надление частных лиц возможностями самоорганизации их

---

¹ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории... С. 165.

² Лаптев В. В., Шахматов В. П. Цели правового регулирования и система права // Правоведение. 1976. № 4. С. 26.

³ Там же. С. 26. Аналогично этому В. Д. Горобец указывает: «Цель права состоит в удовлетворении жизненных потребностей людей» (Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 198).

⁴ Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 43.

деятельности по удовлетворению своих потребностей и интересов». Полагаем, что современная трактовка цели гражданского права более приемлема.

Цель гражданского права та же, что и цель права вообще — обеспечить нормальное существование общества в целом и отдельных его членов, согласование интересов, как частных с публичными, так и частных между собой, улаживание социальных конфликтов, достижение цивилизованных отношений между людьми. В признании такой цели солидарны едва ли не все правоведы, обращающиеся к этому вопросу. «Цель права, как и других норм общественного поведения, — писал И. А. Ильин, — состоит прежде всего в том, чтобы сделать возможным *мирное сожительство людей*»¹. Ю. С. Гамбаров утверждал, что «цель права состоит в том, чтобы регулировать жизнь согласно ее условиям. Право, противоречащее жизни, противоречило бы в то же время своему понятию»². Л. Эннексерус указывал: «...Можно цель права обозначить как “обеспечение жизненных задач отдельного лица и общества” или как “обеспечение действительных человеческих интересов”»³. По мнению П. Сандеуара, «цель права состоит в устранении споров, столкновений и противостояний; во внесении дисциплины в поведение людей, живущих в обществе»⁴. С. С. Алексеев указывает, что «эффективность права выражается в том, в

---

¹ Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 81. Л. И. Петражицкий ссылается на мнение немецкого правоведа Гареиса, который определял право «как порядок мира (Friedensordnung) во внешних отношениях людей и их союзов между собой» и в пользу этого приводил аргумент: «...Так как установление и охрана мира... есть первая и последняя цель права» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 245).

² Гамбаров Ю. С. Гражданское право... С. 311.

³ Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. Т. 1 : Полутом 1. М., 1949. С. 124.

⁴ Сандеуар П. Введение в право. М., 1994. С. 12.

какой мере достигается стратегическая цель права как регулятора — обеспечиваются организованность и порядок в общественной жизни, точное и строгое исполнение юридических обязанностей всеми субъектами, возможности полного осуществления субъективных прав, выраженных в них социальной свободы, активности, исключаются из жизни общества произвол, своеволие, бесконтрольность»¹.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о целях права относится к числу тех редких в правоведении вопросов, по которым ученые не ведут дискуссий, а выражают согласие во мнениях. Иногда даются иные формулировки цели права, например в виде указания на разграничение интересов, однако и они по своему существу не отличаются от указанных. Так, будучи, как известно, сторонником понимания права как средства разграничения интересов², Н. С. Коркунов писал в то же время, что «цель права есть обеспечение человеческих интересов»³.

Представления законодателя о целях гражданского права можно почерпнуть в п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которому граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Гражданское право (как, впрочем, и правовая система России в целом) базируется на конституционном положении о признании и гарантиях прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права

---

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 197.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 156, 160 и др.

³ Там же. С. 185.

(ст. 17 Конституции РФ¹), или, иначе, на общепризнанных человеческих принципах.

В частном праве, как справедливо указывает В. А. Лапач, эти «общечеловеческие принципы выражены наиболее отчетливо в началах эквивалентности и, следовательно, отступления от этого принципа влекут позитивные правовые последствия лишь в случаях, прямо предписанных (например, алиментарные обязанности в семейном праве) либо иным образом предусмотренных, допускаемых законом (например, дарение в праве гражданском)»². Это положение является весьма важным для нас. Как было показано, суть всякого взаимодействия есть эквивалентный обмен; взаимодействие, основанное на эквивалентном обмене, как правило, не ведет к конфликтам, тогда как неэквивалентный обмен есть источник конфликтов.

По утверждению И. А. Покровского, основная задача гражданского права есть осуществление свободы и инициативы субъекта прав³. Гражданское право, как пишет С. С. Алексеев, предоставляет «людям — отдельным гражданам, их объединениям, организациям, выступающим в качестве юридических лиц, — возможность в определенном круге отношений быть “собственным господином” — свободно выступать сообразно своим интересам, своей воле, самостоятельно определять условия своего поведения»⁴.

---

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек. Согласно ст. 7 ГК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

² Лапач В. А. Система объектов... С. 69.

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 107.

⁴ Алексеев С. С. Частное право... С. 35–36.

Таким образом, *цель отрасли гражданского права можно обозначить, как обеспечение частным лицам возможностей достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов*. При этом следует подчеркнуть, что данную цель, хотя она и ориентирована на частного субъекта, нельзя рассматривать только как отвечающую частным интересам. Такое положение вещей является требованием прогрессивного развития общества, так как вряд ли в обществе возможны какое-либо развитие и прогресс, если личность в нем не является субъектом целеполагания¹. Однако «наделением частных лиц возможностями самоорганизации их деятельности по удовлетворению своих потребностей и интересов» цели гражданского права не ограничиваются, поскольку для реализации таких возможностей необходимы соответствующие условия, которые сам субъект обеспечить не может. Поэтому рядом с первой целью мы должны поставить вторую цель, тесно связанную с первой, — охрану указанных возможностей, а следовательно, и охрану самого субъекта первоначально «в его общей, родовой сущности», а затем, по указанию И. А. Покровского, и «дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей и творческих проявлений... Чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей»².

Роль охраны субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов с течением времени все более возрастает. Руководствуясь конституционным

---

¹ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2002. С. 91–92.

² Покровский И. А. Основные проблемы... С. 121.

положением о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ), правоведы признают, что «защита прав человека — это, в сущности, главная цель правовой системы любого современного демократического государства»¹. Цель охраны субъективных гражданских прав тесно связана с обозначенной нами выше целью отрасли гражданского права, заключающейся в обеспечении частным лицам возможностей достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов. Более того, можно утверждать, что они слиты воедино.

Реализация частными лицами предоставленных им правом порядком возможностей самоорганизации деятельности по удовлетворению своих потребностей и интересов возможна только в тех случаях, когда другие субъекты этих возможностей не нарушают, недаром в числе основных начал гражданского законодательства закреплены начала необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (ст. 1 ГК РФ). Специфика гражданского права заключается в том, что в большинстве случаев субъекты сами регулируют свои отношения при помощи соглашений, а интересы субъектов не нарушаются в связи с тем, что другие субъекты действуют правомерно. Только тогда, когда субъект не исполняет принятые на себя обязательства или причиняет вред вне договорных рамок, начинает функционировать охранительная подсистема гражданского права и вступают в действие правовые механизмы, направленные на

---

¹ Коршунова О. Н. Защита прав человека в современном демократическом государстве. М., 2008. С. 15.

восстановление нарушенной сферы потерпевшего. Можно утверждать, что все вопросы механизма гражданско-правового воздействия на общественные отношения, так или иначе, замыкаются на целях: 1) недопущения причинения вреда и 2) возмещения (компенсации) причиненного вреда. Причем в регулятивных правоотношениях они трансформируются в цели *недопущения* неэквивалентного взаимодействия субъектов гражданского права, в то время как в охранительных правоотношениях — в цель *восстановления* эквивалентности такого взаимодействия.

Изложенное дает основания для вывода, что целями гражданского права являются обеспечение частным лицам возможностей достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов и охрана этих возможностей от нарушения. Структура (закон связи) элементов системы гражданского права призвана обеспечить достижение этих целей в процессе функционирования системы, ибо, как отмечалось, цели системы достигаются при помощи структуры.

Важнейшим в раскрытии правовой структуры является функциональный аспект, поскольку право — система функциональная, отдельные элементы которой обособляются в связи с осуществляемыми ими в процессе регулятивного воздействия на общественные отношения функциями. Функция — это направление проявления активности системы, ее действие. В теории систем под функцией понимается способ или средство достижения системой определенной цели, а под функционированием — процесс реализации свойств, обеспечивающих достижение такой цели. В. Г. Афанасьев пишет: «Функция системы является проявлением свойств, качеств системы во взаимодействии с другими объектами системного и несистемного порядка, выражением определенной от-

носителем устойчивой реакции системы на изменение ее внутреннего состояния и внешней среды, реакция на возмущающие воздействия изнутри и извне, своеобразным специфическим способом поведения системы, средством разрешения... противоречия между системой и средой, ее окружением»¹. Поскольку существование системы обусловлено ее целью, функция может рассматриваться и как предназначенность цели системы². Поэтому в правовой литературе функции права определяются как «основные направления его воздействия на социальный организм, определяемые сущностью, целью и назначением права в обществе»³.

В правоведении вопрос о функциях позитивного права относится к дискуссионным. По замечанию Т. Н. Радько, «почти вековой опыт активного исследования понятия “функции права” на сегодняшний день не позволяет констатировать наличие единого взгляда на эту проблему»⁴.

Одни ученые понимают под функциями права направления *любого* воздействия права на общественные отношения или поведение людей⁵, другие — основные направления только *регулирующего* воздействия права на общественные отношения⁶. В общетеоретической

---

¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 133.

² Экономическая кибернетика. Ч. 1. Основы теории хозяйственных систем. Л., 1974. С. 6.

³ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории... С. 166.

⁴ Радько Т. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 227.

⁵ Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 94–95; Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 2001. С. 103; Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 241; Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 2003. С. 219.

⁶ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 181.

литературе выделяются следующие функции права: модульно-информационная, регулятивная, охранительная, ограничительная, поощрительная, обязывающая, превентивная, воспитательная, оценочная и др. В наши задачи не входит детальное рассмотрение общетеоретического вопроса о функциях права, поскольку нас интересуют только функции гражданского права, а цивилисты выделяют значительно меньшее число функций.

В вопросе о функциях гражданского права единство взглядов также отсутствует. Так, Е. А. Суханов выделяет две функции гражданского права — регулятивную и охранительную. В свою очередь в рамках охранительной функции он выделяет еще одну функцию (подфункцию) — предупредительно-воспитательную (превентивную). Неясность позиции автора проявляется в том, что вначале он называет основными функциями регулятивную и охранительную, чем, казалось бы, придает им равное значение. Однако далее он приписывает главное значение только регулятивной функции, в связи с чем остается невыясненным не только общее число функций гражданского права, но и их место в системе гражданско-правового регулирования¹.

Раскрывая регулятивную функцию гражданского права, Е. А. Суханов указывает, что «роль гражданского права состоит прежде всего в **регулировании нормальных** (курсив наш. — Н. А., Н. Б., Т. Л.) **экономических отношений** в обществе... С помощью гражданско-правового инструментария участники имущественных отношений самостоятельно организуют свою деятельность с целью достижения необходимых им результатов. Таким образом, **регулятивная функция** гражданского права заключается в предоставлении участникам регламенти-

---

¹ Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 48–49.

руемых отношений возможностей их **самоорганизации, саморегулирования**»¹.

Целью охранительной функции он называет защиту имущественных и неимущественных интересов участников гражданского оборота. По его мнению, эта функция «направлена на поддержание имущественного и неимущественного состояния (статуса) добросовестных субъектов в положении, существовавшем до нарушения их прав и интересов. Поэтому... она реализуется путем **восстановления нарушенных прав** либо **компенсации** причиненных потерпевшим убытков. Ясно, что ее компенсаторно-восстановительная направленность обусловлена... эквивалентно-возмездной, стоимостной природой регулируемых товарно-денежных отношений»².

По мнению В. П. Мозолина, гражданское право выполняет три функции — регулятивную, кооперационно-координирующую и охранительную. Относительно регулятивной функции он указывает, что ее суть заключается в обеспечении стабильного функционирования имущественных и неимущественных отношений при максимальном учете интересов их участников; относительно кооперационно-координирующей функции — что она выполняет координирующую роль в создании комплексных правовых образований; относительно охранительной функции — что она выражается «в обеспечении восстановления нарушенных или оспариваемых гражданских прав и мерах гражданско-правовой ответственности»³.

В. Ф. Яковлев полагает, что необходимо выделять, во-первых, *юридическую функцию* гражданского права,

---

¹ Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Гражданское право / отв. ред. В. П. Мозолин. С. 34–35.

которая состоит в конструировании отношений, воздействии на них позитивным образом путем установления правил имущественных и некоторых неимущественных отношений, во-вторых, *социальную функцию* гражданского права, которая состоит в обеспечении признания, осуществления и защиты потребностей, прав и интересов в сфере имущественных и некоторых неимущественных отношений, и, в-третьих, *экономическую функцию* гражданского права, которая состоит в том, что гражданское право «используется как правовое средство налаживания и функционирования системы экономического стимулирования производства материальных и духовных благ»¹. Цивилист подчеркивает, что наиболее эффективным средством стимулирования производства, направленного на удовлетворение разнообразных потребностей в человеческой истории является эквивалентность товарно-денежного оборота. «Каждый из участников этого оборота, — пишет В. Ф. Яковлев, — может приобрести необходимые для него ценности лишь в обмен на те ценности, которые он передает другому лицу. Товарно-денежный обмен, эквивалентность этого обмена и есть наиболее надежный и, можно сказать, вечный двигатель прогресса в развитии производства и в удовлетворении потребностей людей. Гражданское право и служит правовой формой этой наиболее эффективной системы стимулирования»².

Как видим, из трех выделенных функций гражданского права ученый тесно связывает с эквивалентностью только последнюю, экономическую функцию. Признавая справедливость признания роли эквивалентности в реализации экономической функции гражданского пра-

---

¹ Гражданское право / под общ. ред. В. Ф. Яковлева. М., 2003. С. 25.

² Там же. С. 25–26.

ва, мы в то же время не согласны с подходом В. Ф. Яковлева, который является следствием описанного нами ранее узкого понимания эквивалентности. Мы полагаем, что эквивалентность не менее тесно связана и с двумя другими выделенными цивилистом функциями — юридической и социальной.

Роль эквивалентности в социальном обмене показана нами ранее, и здесь мы только констатируем: эквивалентность есть основа и двигатель прогресса не только в развитии производства и в удовлетворении материальных потребностей людей. Если в сфере удовлетворения нематериальных потребностей будет нарушаться требование эквивалентности взаимодействия, то люди перестанут общаться, что никак не приведет к прогрессу. В. Ф. Яковлев обозначил социальную функцию как обеспечение признания, осуществления и защиты потребностей, прав и интересов в сфере имущественных и некоторых неимущественных отношений. Такое признание и осуществление должно быть взаимным и равным, а защита должна распространяться на всех субъектов в равной мере. Поэтому мы утверждаем, что «обеспечение признания, осуществления и защиты потребностей, прав и интересов субъектов» базируется на эквивалентности как в сфере имущественных, так и в сфере неимущественных отношений. Относительно же юридической функции укажем следующее. Она обозначена В. Ф. Яковлевым как обеспечение *конструирования* отношений субъектов гражданского права. Можно предположить, что отступлением от сложившейся в гражданском праве классификации функций на регулятивную и охранительную и выделением трех специфических функций — юридической, социальной и экономической — цивилист хотел подчеркнуть, что гражданское право не имеет сугубо юридических целей в социальной жизни, что его цели «выходят» за преде-

лы юридической сферы, в общественную жизнь, в которой и осуществляется регулирование отношений.

Такое понимание, в принципе, может быть признано верным, поскольку право, в том числе и гражданское, существует не для юриспруденции, а для общества. Его глобальное назначение заключается в обеспечении нормального, цивилизованного взаимодействия субъектов общественной жизни. Поэтому юридическая (по терминологии В. Ф. Яковлева) функция, которая также может быть названа *сугубо (специально) юридической*, в известной мере подчинена двум другим функциям — социальной и экономической. А поскольку в основе и социальной, и экономической функций покоится эквивалентность, то специально юридическая функция, *по общему правилу*, также должна конструировать отношения на эквивалентной основе. При этом мы хотим акцентировать особое внимание на словах «по общему правилу», поскольку это правило знает и исключения, о чем будет сказано далее. В соответствии с позицией С. С. Алексеева, существуют две функции гражданского права, «*которые непосредственно выражают основные направления его регулирующей роли*»: первая — это «такое направление в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений, которое *обеспечивает и реализует экономическую свободу субъектов, их автономию и самостоятельность на основе и в рамках закона... их возможность своей волей и в своем интересе определять на основе действующего правопорядка условия своего поведения*»; вторая — это «*полная и действенная защита правового положения и прав субъектов, при которой обеспечивается восстановление и судебная защита нарушенных прав субъектов*»¹.

---

¹ Гражданское право / под ред. С. С. Алексеева. С. 22.

Т. И. Илларионова говорит о четырех функциях гражданского права — регулятивной, охранительной, превентивной и воспитательной. Сущность регулятивной функции она видит в координационно-обеспечительном воздействии на поведение участников общественных отношений; охранительной — в защите нарушенных прав и охраняемых законом интересов; превентивной — в воздействии, устраняющем угрозу правонарушения; воспитательной — в воздействии на правосознание субъектов с целью формирования социально направленных позитивных установок. При этом весьма важным для нашего исследования является следующее положение Т. И. Илларионовой: «Регулятивная значимость норм гражданского права обусловлена тем, что в его предмете наибольший удельный вес составляют отношения, в рамках которых участники гражданского общества *взаимно удовлетворяют* свои интересы и потребности. Их в теории нередко называют позитивными отношениями: отношения собственности, оборота, отношения, складывающиеся *по взаимному признанию* принадлежности личных благ и свобод конкретному лицу (курсив наш. — Н. А., Н. Б., Т. Л.)»¹.

Признание обусловленности регулятивной значимости норм гражданского права *взаимным характером действий* субъектов гражданского права, проявляющимся в том, что стороны при нормальном течении гражданско-правовых отношений *взаимно* удовлетворяют свои интересы и потребности и, соответственно, *взаимно* признают принадлежность благ и свобод противостоящему в отношении лицу, свидетельствует о том, что регулятивная функция гражданского права реализуется путем свободных, основанных на воле лица поведенческих актов субъектов гражданского права, построенных

---

¹ Гражданское право / под ред. Т. И. Илларионовой. С. 16.

на началах эквивалентности. Причем, и это мы хотим подчеркнуть особо, эквивалентности, понимаемой не в узком экономическом смысле, когда стороны обмениваются материальными благами, исходя из их *равной стоимости*, а эквивалентности в широком социологическом смысле, когда стороны исходят из *равной ценности* принадлежащих каждому благ и свобод.

Интересно отметить, что в другой работе при анализе проблемы охранительной функции гражданского права Т. И. Илларионова отмечает, что «само право есть форма закрепления конкретного уровня долженствования в разнообразных сферах жизни общества и обеспечения его соблюдения»¹. Из этого положения вытекает вывод о том, что структура гражданского права в самом общем виде может быть представлена как соотношение двух его элементов, в котором первый элемент — «уровень долженствования» — соотнесен со вторым элементом — «обеспечением его соблюдения», причем их соотношение эквивалентно, поскольку «обеспечение его соблюдения» по объему равно «уровню долженствования». При этом следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что данное представление (т. е. обозначенное Т. И. Илларионовой представление, на основе которого право можно рассматривать как состоящее из двух элементов — «уровня долженствования» и «обеспечения его соблюдения») не есть некая механическая конструкция, напрямую воплощаемая в гражданско-правовых нормах. Данное представление есть модельное представление, которое по своей сущности представляет абстракцию высокого уровня, идеальную субстанцию, которая не только может не репрезентировать объект во всех его реальных характеристиках, но и не должна этого делать,

---

¹ Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 255.

в противном случае это будет уже не модельное представление объекта, а сам этот объект либо его точная копия¹.

Как известно, предмет отрасли гражданского права составляют общественные отношения, в которых выделяются две группы: имущественные отношения и личные неимущественные отношения. В свою очередь имущественные отношения, входящие в предмет гражданского права, разделяются на отношения, связанные с принадлежностью имущества определенным лицам и (или) с управлением им либо с переходом имущества от одних лиц к другим. Юридически различие между этими отношениями оформляется с помощью категорий вещных, корпоративных и обязательственных прав. Личные неимущественные отношения, входящие в предмет гражданского права, разделяются на отношения, связанные с имущественными, и отношения, не связанные с ними. Первая из этих групп отношений получает гражданско-правовое оформление с помощью категории исключительных прав. Вторая группа отношений касается неотчуждаемых нематериальных благ личности, в определенных случаях подлежащих гражданско-правовой защите².

---

¹ Отметим, что данное обстоятельство далеко не всегда принимается правоведами, на что справедливо обращается внимание в методологической литературе и при этом подчеркивается, что «строго говоря, любая научная модель по своей природе идеальна, если не считать научными моделями инженерные моделирующие конструкции» (Тарасов Н. Н. Методологические проблемы... С. 162). Можно указать, что даже в технических областях модель не во всем совпадает с моделируемым объектом, что И. Новик и В. Садовский иллюстрируют ссылкой на А. Розенблюта и Н. Винера, которые в шутовом виде сформулировали правило: «Лучшей материальной моделью кошки будет иная кошка, однако предпочтительнее, чтобы это была именно эта же самая кошка» (Новик И., Садовский В. Модели в науке: исторические и социокультурные аспекты // Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 456).

² Гражданское право. Т. 1 / ред. Е. А. Суханов. С. 34–35.

Указанная выше эквивалентная структура выделенных элементов — «уровня долженствования» и «обеспечения его соблюдения» — присуща всем группам отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования. Для того чтобы наглядно показать это, применим классификацию правоотношений по характеру взаимосвязи управомоченного и обязанного субъектов, т. е. их разделение на абсолютные и относительные правоотношения.

Под абсолютными правоотношениями в доктрине понимаются такие правоотношения, в которых управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанностей лиц, наделенных пассивной обязанностью не нарушать права управомоченного лица; под относительными правоотношениями — такие, в которых управомоченному лицу противостоит строго определенное обязанное лицо (лица).

В абсолютных правоотношениях уровень долженствования определяет такое поведение обязанной стороны, которое не препятствует управомоченному лицу достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов путем собственных действий. Если обязанное лицо соблюдает свою обязанность не препятствовать управомоченному лицу в осуществлении его права, то обеспечение соблюдения уровня долженствования осуществляется действиями обязанного лица. Первый элемент — «уровень долженствования» — оказывается соответствующим (равным, эквивалентным) второму элементу — «обеспечению его соблюдения». Но если обязанное лицо своей обязанности не препятствовать управомоченному лицу в осуществлении его права не исполняет — совершает правонарушение, то потерпевший приобретает право обратиться с иском в суд, по решению которого и будет обеспечено соблюдение уровня долженствования и восстановлена эквивалентность.

В относительных правоотношениях уровень должностояования определяет такое поведение пассивной стороны, которое соответствует его обязанности. При нарушении своей обязанности в относительных правоотношениях субъект может быть принужден либо к исполнению этой обязанности в натуре, либо к возмещению убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанности.

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав) и регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. При этом следует подчеркнуть, что между регулятивной и охранительной функциями существует тесная диалектическая взаимосвязь, недаром вопрос о классификации функций гражданского права и их отграничение вызывают в науке известные трудности.

Регулируя общественные отношения (определяя правовое положение субъектов, содержание их прав и обязанностей), гражданское законодательство в то же время выполняет и функцию охраны субъективных гражданских прав. Как указывает М. С. Мурашко, «поскольку функция регулирования присуща всякой правовой норме, охрана субъективных прав в данном случае осуществляется опосредованно, через предписание субъектам правоотношений определенного поведения»¹. С таким

---

¹ Мурашко М. С. Судебная защита субъективных гражданских прав. СПб., 2000. С. 8.

мнением можно согласиться, поскольку предписание субъектам модели определенного поведения осуществляется не во имя регулирования как такового, а во имя регулирования, которое обеспечит мир и согласие в обществе, соблюдение прав и законных интересов субъектов, автономию их воли, неприкосновенность их собственности, невмешательство в их частные дела и т. д. Конечно, нормами гражданского права регламентируется весьма широкий круг самых разнообразных отношений: имущественных, личных неимущественных, организационных. Не все гражданско-правовые нормы включают в себя предписание субъектам определенного поведения, например нормы-дефиниции, нормы-фикции, нормы-презумпции и т. д. Однако если вести речь о регулятивных и охранительных нормах, то утверждение М. С. Мурашко следует признать справедливым.

Следует указать, что трактовка охранительной функции гражданского права может иметь и иное звучание, если акцент делается не на защите нарушенных прав и охраняемых законом интересов, а на результате такой защиты, которым, как известно, в гражданском праве является восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

Так, С. Н. Братусь выделял в качестве самостоятельной восстановительную функцию, которую распространял на все отношения гражданского оборота. При этом на первое место цивилист выдвигал такой признак, как «переход имущества» от одного субъекта к другому. Критикуя позицию тех ученых, которые были склонны ограничивать гражданский оборот кругом обязательств, возникающих из правомерных действий (О. А. Красавчиков), С. Н. Братусь указывал: «Восстановительная функция норм гражданского права, действующая, например, в обязательствах из причинения вреда, т. е. компенсация за повреждение имущества, не в меньшей степени отно-

сится к гражданскому обороту, чем обязательство купли-продажи. И там, и здесь осуществляется переход имущества, действует возмездность и эквивалентность»¹, т. е., иными словами, цивилист полагал, что эквивалентность связана с восстановительной функцией гражданского права в той мере, в какой восстановительная функция обеспечивает переход имущества от одного участника гражданского оборота к другому.

В работе «Юридическая ответственность и законность» С. Н. Братусь также последовательно проводит мысль о значении эквивалентности в существовании восстановительной функции гражданского права, которая трансформируется в компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности, компенсационный характер которой обусловлен необходимостью обеспечить эквивалентность обмена².

Как было отмечено, В. П. Грибанов указывал на такой признак гражданско-правовой ответственности, как эквивалентность, и характеризовал ответственность, как имеющую «эквивалентно-возместительный характер»³, на основе чего можно заключить, что В. П. Грибановым также выделялась восстановительная функция гражданского права.

Мы разделяем взгляды С. Н. Братуся и В. П. Грибанова на восстановительную функцию гражданского права и компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности, однако должны отметить, что изложенные взгляды можно упрекнуть в неполноте. Такой признак, как «переход имущества» от одного субъекта к другому (т. е. обмен), присущ не только имущественным

---

¹ Братусь С. Н. Предмет и система... С. 71.

² Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 16, 90, 129.

³ Грибанов В. П. Ответственность... С. 291.

отношениям гражданского права, в которых осуществляется переход имущества от одного субъекта к другому с целью восстановления имущественного положения потерпевшей стороны, получившей умаление своей имущественной сферы либо в результате неисполнения договорных обязательств, либо в результате причинения имущественного вреда. «Переход имущества» от одного субъекта к другому имеет место и в тех случаях, когда компенсируется неимущественный (моральный) вред, и эти случаи охватываются понятием обмена, и в них существует объективная потребность обеспечить его эквивалентность.

Как известно, обмен может быть как позитивным, так и негативным. Возмещение вреда есть разновидность негативного обмена. В связи с этим мы хотим обозначить два аспекта, на которые необходимо обратить внимание: 1) выделение в литературе такой всеобщей (универсальной) функции гражданского права, как «достижение эквивалентности» и 2) особенности ее реализации в негативном обмене.

Первый аспект отражен в позиции С. Е. Донцова и В. В. Глянцева, которые пишут: «Если... учесть, что компенсация и достижение эквивалентности являются универсальной функцией, характерной практически для всех институтов... гражданского права (и прежде всего направленных на восстановление имущественной сферы понесших убытки организаций и граждан...), то очевидна и главная социальная ценность возмещения вреда — достижение социальной справедливости в гражданском праве»¹.

Полагаем, что данная позиция заслуживает признания, всемерной поддержки и развития, поскольку она

---

¹ Донцов С. Е., Глянец В. В. Возмещение вреда по советскому законодательству. М., 1990. С. 9–10.

подтверждается всей практикой гражданско-правового регулирования, которая есть не что иное, как применение гражданско-правовых норм к спорным ситуациям. Поэтому, не отрицая значения регулятивной функции и допуская существование превентивно-воспитательной, мы в то же время хотим подчеркнуть, что главное значение все-таки следует отвести охранительной (компенсационной, восстановительной) функции гражданского права, которая в целях конкретизации может быть обозначена как всеобщая (универсальная) функция гражданского права, заключающаяся в достижении эквивалентности взаимодействия сторон как в позитивном, так и в негативном обмене.

До тех пор пока лицо не обратится с иском в суд и не заявит о нарушении его права или охраняемого законом интереса, мы можем предполагать, что взаимодействие сторон осуществлялось «нормально», т. е. на эквивалентных началах. В противном случае можно утверждать, что баланс интересов нарушен, а следовательно, нарушена и эквивалентность взаимодействия. Решая же спор о праве, суд принимает меры к восстановлению нарушенного положения потерпевшей стороны: выносит решение о присуждении к исполнению обязанности в натуре, о возмещении убытков, компенсации морального вреда и пр., т. е. восстанавливает эквивалентность.

Здесь мы вплотную подходим ко второму из обозначенных выше аспектов — о достижении эквивалентности в негативном обмене, который попытаемся осветить на примере института возмещения (компенсации) вреда.

Любое нарушение субъективного гражданского права является «стеснением лица в осуществлении права»¹, и, как признается в литературе, любое нарушение тако-

---

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 247.

го права причиняет вред¹. «Задача нашего института, — писал А. С. Кривцов, — в том именно и заключается, чтобы переложить тяжесть убытка на то лицо, которое должно нести его по справедливости. Происшедший убыток представляет абсолютный минус в экономической жизни и никакими юридическими средствами заглажен быть не может. Возмещение убытков вреда не уничтожит, но оно лишь перенесет неприятность вреда с одного лица на другое»². К такому же выводу приходил А. А. Симолин, который указывал, что «возмещение убытка не уничтожает вреда, но лишь переносит его с одного лица на другое»³. Возмещение вреда прежде всего означает восстановление прежнего состояния, подчеркивал М. М. Агарков, «восстановление прежнего состояния... всегда требует какой-то имущественной жертвы со стороны ответственного лица»⁴. Таким образом, если при нормальном развитии отношений между субъектами эквивалентность представляет собой «обмен плюса на плюс», т. е. «равноценность плюсов», то при негативном обмене речь идет об «обмене минуса на минус» и эквивалентность представляет собой «равноценность минусов».

В то же время следует указать, что утверждение М. М. Агаркова о том, что восстановление прежнего состояния всегда требует какой-либо *имущественной жертвы* со стороны ответственного лица, является не со-

---

¹ Малейн Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. С. 5–6; Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданско-правовое регулирование. М., 1979. С. 33; Бабаев А. Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 893.

² Кривцов А. С. Общее учение... С. 62–63.

³ Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 551.

⁴ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2002. С. 405.

всем точным. В большинстве случаев это действительно так и ответственное лицо должно «принести жертву», т. е. «получить минус» в своей имущественной сфере. Однако возможны случаи, когда эквивалентность восстанавливается и без этого, не путем умаления имущества причинителя, а путем отобрания у него не принадлежащего ему имущества.

Так, В. А. Хохлов указывает: «Восстановление имущественных прав по гражданскому законодательству России представлено прежде всего такой мерой ответственности, как возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), но не ограничено только ею. Виндикацию имущества, включая иск к добросовестному приобретателю, также можно считать мерой ответственности, направленной на восстановление права; то же можно сказать и о реституции, основанной на предшествующем правонарушении. К средствам восстановления надо отнести (с оговорками при определенных условиях) и обязательства из неосновательного обогащения (кондикции), а также ряд других санкций»¹. И виндикация имущества (за известными исключениями), и двусторонняя реституция, и возвращение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества не влекут «минуса» в имущественной сфере причинителя, поскольку он лишается того, что ему не принадлежало. Более того, в ряде случаев такого «минуса» не влечет даже гражданско-правовая ответственность. С. Н. Братусь указывал, что «невыгодные последствия для должника, несомненно, возникают в том случае, когда возмещаемые им убытки или уплаченная неустойка превышают те выгоды, которые создаются для него вследствие неисполнения обязанности. Но возможна и ситуация обратного порядка — эти убытки и неустойка оказываются по

---

¹ Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. Самара, 1998. С. 216.

своим размерам ниже той выгоды, которую приобретает должник, освобожденный от исполнения первоначального обязательства в натуре»¹. На основе этого С. Н. Братусь утверждал, что из компенсационной, восстановительной функции гражданского права вытекает его «основная равнодействующая тенденция», заключающаяся в том, «чтобы обеспечить потерпевшей стороне ее восстановление (в имущественном и в личном отношениях) в первоначальное состояние. Отразится ли это отрицательно на положении должника — вопрос факта»².

Гражданское право не преследует карательных целей. По утверждению Б. Б. Черепяхина, «красной нитью через весь институт гражданско-правового возмещения вреда» проходит защита интересов потерпевшего, в то время как «карательная функция (следовательно, и устранение, а через это — превенция) является привходящим элементом этого института»³. Кроме того, нельзя забывать, что вред может быть причинен и правомерными действиями, а «социальное значение обязательств по возмещению правомерно причиненного вреда заключается только в восстановлении (компенсации) имущественного положения потерпевших, в защите их нарушенных прав и интересов, в обеспечении устойчивости имущественных отношений общества»⁴.

Таким образом, следует заключить, что всеобщей (универсальной) функцией гражданского права является достижение эквивалентности взаимодействия сторон как в позитивном, так и в негативном обмене.

---

¹ Братусь С. Н. Юридическая ответственность... С. 91.

² Там же.

³ Черепяхин Б. Б. Об ответственности за вред, причиненный правомерной деятельностью // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 45.

⁴ Шевченко А. С. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. Владивосток, 1989. С. 43.

Между функциями системы и ее структурой существует закономерная связь. Как указывает Ю. Г. Марков, «функции, какова бы ни была их природа, можно реализовать лишь в структуре»¹. В литературе по теории систем в процессе функционирования системы выделяются различные составляющие, наиболее важной из которых для нашего исследования является такая составляющая, как выработка системой алгоритма, модели взаимодействия со средой. Как подчеркивает Ю. П. Сурмин, «этот алгоритм представляет собой именно тип взаимодействия»². На основе изложенных выше положений можно прийти к выводу, что структура обеспечивает определенное расположение элементов в системе, причем закономерное и стабильное (постоянное), на основе чего системой вырабатывается алгоритм взаимодействия со средой, при котором система неизменно достигает цели.

Специфика гражданского (частного) права проявляется в свободе и автономии воли его субъектов, которые при правомерном поведении в рамках регулятивного правоотношения сами обеспечивают наличие целесообразной правовой связи в виде эквивалентности. Если же субъекты действуют неправомерно, то целесообразная правовая связь реализуется в рамках охранительного правоотношения принудительно по решению суда, которое и восстанавливает эквивалентность взаимодействия.

В свете указанного нельзя обойти вниманием вопрос о безвозмездных сделках, которые, казалось бы, подрывают вышеприведенное положение. Безвозмездные сделки есть сделки неэквивалентные.

В этой связи мы хотим сделать три замечания.

---

¹ Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982. С. 19.

² Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003. С. 138.

Во-первых, поскольку договор дарения — это действие, направленное на удовлетворение значимых интересов участников гражданского оборота, то было бы крайне несправедливым запрещение таких сделок. Поскольку такие сделки (и иные им подобные безвозмездные, а значит, и неэквивалентные сделки) очень близко прилегают к иным сделкам, регламентируемым гражданским правом, но никак не примыкают к отношениям, регламентируемым иными отраслями права, то можно заключить, что гражданское право просто «вынуждено» их регламентировать.

Во-вторых, такие сделки в любом правопорядке ограничены рядом императивных требований. Так, И. Б. Новицкий в числе таких требований в римском праве называл облечение их в форму стипуляции («неформальное дарственное обещание не порождало обязательства»), установление ограничения размера дарения (закон Цинция)¹, «ввиду того, что даритель не только не получает от дарения никакой *utilitas* (хозяйственной выгоды), но даже теряет нечто, ибо дарение предполагает обогащение одаряемого за счет имущества дарителя и, следовательно, имущество дарителя в этом случае уменьшается, ответственность дарителя за возможную эвикцию подаренной вещи, за обнаруженные в ней недостатки и пр. ограничивалась только случаями допущения дарителем *dolus* и *culpa lata*»², а при известных обстоятельствах — отмену дарения. В. А. Белов пишет о современном периоде: «Сделки по возложению на себя юридических обя-

---

¹ И. Б. Новицкий указывает, что в императорский период (в начале IV в. н. э.) этот закон утратил силу, но императорским законодательством было введено требование совершать так называемую судебную инсинуацию дарственных актов, т. е. требовалось заявить их перед судом с занесением в реестр (Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 251).

² Там же.

занностей без условия получения эквивалента (сделки дарения) обычно ограничены законодателем жесткими требованиями, а даритель наделяется комплексом правомочий, позволяющих отказаться от несения данных обязанностей практически в любое время»¹.

В-третьих, как было указано, с социологических (не правовых) позиций лицо, совершающее безвозмездную сделку, все же рассчитывает на некий эквивалент. А. С. Кривцов, называвший договор дарения «исключительным случаем» и указывавший, что он стоит «совершенно особняком», отмечал, что необходимо различать правовую цель договора дарения и фактически преследуемую сторонами цель. «Даритель дает не затем, чтобы только дать, но, напротив, “передача” образует средство для достижения другой цели, которую хочет достигнуть даритель, — писал А. С. Кривцов. — Эта цель может заключаться в том, чтобы помочь в очевидной нужде одаренному, чтобы заплатить долг благодарности, которой даритель обязан одаренному, — или, наоборот, в надежде, что одаренный впоследствии, в свою очередь, окажет ему какую-нибудь услугу, — или, чтобы создать себе репутацию щедрого человека — и по многим другим соображениям»².

Очевидно, что обозначенная А. С. Кривцовым «фактически преследуемая сторонами цель» договора дарения есть стремление достичь эквивалентности взаимоотношений в описанной нами ранее такой форме социального обмена, как обмен материальных благ на идеальные.

Общеизвестно, что наличие в договоре дарения имущественного предоставления позволяет квалифицировать его как притворную сделку. И мы, говоря о договоре

---

¹ Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 50.

² Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. М., 2003. С. 127.

дарения, не имеем в виду такой случай. Мы имеем в виду то, что с социологических позиций никакой здравомыслящий человек не будет совершать безответных действий и совершение дарения, пожертвований, занятие благотворительностью приносят лицу отдачу, своеобразный «эквивалент» («замену»). Кстати, А. С. Кривцов по этому поводу замечает: «Отрицательный момент свободы... от эквивалента есть постоянно наличный момент фактической цели при дарении, но он не исчерпывает, однако, содержание этой фактической цели»¹.

В то же время не можем не признать, что указанные аргументы могут либо обосновать исключительность безвозмездных сделок в гражданском праве, либо вывести на некий неправовой аспект их взаимовыгодности. Мы же полагаем, что имеется иное объяснение регулирования гражданским правом безвозмездных отношений, ничуть не противоречащее нашей концепции.

Это объяснение следует искать в обоснованных выше положениях о целях гражданского права и о структуре в системе гражданского права.

Как было показано, целями гражданского права являются обеспечение частным лицам возможностей достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов и охрана этих возможностей от нарушения. Структура элементов системы гражданского права призвана обеспечить достижение этих целей в процессе функционирования системы. Кроме этого, было приведено положение о том, что полиструктурность материи обуславливает большое число внутренних и внешних связей элементов системы, наличие не одного, а *нескольких инвариантных свойств системы*, поскольку одни

---

¹ Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства... С. 128.

и те же элементы, взаимодействуя различными сторонами, могут образовывать различные структуры. На основе этих положений мы приходим к выводу, что в подавляющем большинстве случаев такая структура имеет эквивалентный характер, т. е. построена на принципе эквивалентности. Однако в тех случаях, когда субъект видит свой интерес в осуществлении неэквивалентного с правовой точки зрения взаимодействия, в совершении неэквивалентных сделок, на первое место выходит автономия воли субъекта и соответствующий ей принцип свободы договора. Следовательно, необходимо признать также существование другого структурного принципа в гражданском праве — приоритета свободы и автономии воли субъекта при осуществлении правомерной деятельности, в том числе и при заключении договоров.

Этот последний принцип позволяет говорить, во-первых, что избираемый субъектами вариант неэквивалентных (безвозмездных) отношений отвечает целям гражданско-правового регулирования и обеспечивается его структурой и, во-вторых, что в данном случае принцип автономии воли и свободы договора парализует действие принципа эквивалентности.

Необходимо отметить, что принцип эквивалентности взаимодействия субъектов гражданского права может подвергаться ограничениям в публичных интересах, например в случае конфискации имущества (п. 1 ст. 235, ст. 243 ГК РФ). Кроме этого, нельзя не остановиться на тех случаях, когда мерой гражданско-правовой ответственности является возложение на ответственное лицо обязанности по уплате сумм, превышающих действительные размеры понесенного потерпевшим ущерба (штрафная неустойка). Гражданское законодательство предусматривает в отдельных случаях возможность взыскания штрафной неустойки, которая в соответствии с п. 1 ст. 394 ГК РФ не исключает взыскания убытков в

полной сумме сверх неустойки. Очевидно, что в данном случае речь идет о неэквивалентном изъятии имущества у субъекта гражданского права.

В литературе отмечается, что одновременное взыскание с должника неустойки и убытков «не характерно для гражданского права как отрасли, регулирующей... отношения субъектов, находящихся по отношению друг к другу в положении равенства»¹, а взыскание штрафной неустойки «приводит к отступлению от принципа эквивалентности в отношениях участников гражданского оборота»², в связи с чем утверждается, что «оправданность штрафной неустойки вызывает большие сомнения»³. Высказывается также и мнение, что «нормы гражданского законодательства, предусматривающие возможность взыскания штрафной неустойки, противоречат таким основополагающим гражданско-правовым началам, как неприкосновенность собственности и недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела субъектов гражданского права»⁴.

Соглашаясь с этими мнениями, хотим отметить: если в советский период существование штрафной неустойки было оправдано публичной направленностью гражданского права и тесно связанной с плановостью экономики и «всемерной борьбой за договорную дисциплину»⁵, то в современных условиях оправдать ее существование

---

¹ Хаснутдинов А. И. Вспомогательные договоры... С. 166.

² Там же. С. 166–167.

³ Хохлова Г. В. Понятие гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 5. М., 2002. С. 83.

⁴ Басманова Н. К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации. Иркутск, 2008. С. 15.

⁵ Венедиктов А. В. Договорная дисциплина в промышленности // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2004. С. 408.

крайне трудно, разве что в тех случаях, когда речь идет об обязательствах, возникающих из договоров, направленных на удовлетворение государственных нужд (см., напр., п. 2 ст. 16 федерального закона «О государственном материальном резерве» от 29.12.1994 г. № 79-ФЗ¹).

Подводя итоги, можно заключить, что идея эквивалента, равного — за равное, получила в гражданском праве реализацию в виде структуры гражданского права, которая в самом общем виде может быть представлена как соотношение двух его элементов, в котором первый элемент — «уровень долженствования» — соотнесен со вторым элементом — «обеспечением его соблюдения», причем их соотношение эквивалентно, поскольку «обеспечение его соблюдения» по объему равно «уровню долженствования».

Целями гражданского права являются обеспечение частным лицам возможностей достигать желаемых позитивных результатов по удовлетворению своих признаваемых законом потребностей и интересов и охрана этих возможностей от нарушения. Структура (закон связи) элементов системы гражданского права призвана обеспечить достижение этих целей в процессе функционирования системы.

Цели гражданского права для своей реализации нуждаются в двух видах структуры: эквивалентной и неэквивалентной. Реализацию эквивалентной структуры можно схематично представить в виде двух вариантов: 1) если субъекты избирают вариант эквивалентного обмена, то в рамках регулятивного правоотношения они сами обеспечивают осуществление целесообразной правовой связи в виде эквивалентности; 2) если субъект нарушает правовые предписания и разрушает требуемую целесообразную правовую связь в виде эквивалентности, то в рамках

---

¹ Собр. законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 3.

охранительного правоотношения она осуществляется принудительно по решению суда.

Наряду со структурным принципом эквивалентности необходимо признать существование другого структурного принципа в гражданском праве — приоритета свободы и автономии воли субъекта при осуществлении правомерной деятельности, в том числе и при заключении договоров. Этот последний принцип позволяет говорить, во-первых, что избираемый субъектами вариант неэквивалентных отношений отвечает целям гражданско-правового регулирования и обеспечивается его структурой и, во-вторых, что в данном случае принцип автономии воли и свободы договора парализует действие принципа эквивалентности.

Существование в гражданском праве безвозмездных сделок путем признания их исключением из правил может быть опровергнуто положениями: 1) о предназначенности структуры целям системы и 2) о полиструктурности, которая обуславливает наличие не одного, а нескольких инвариантных свойств системы, в результате чего одни и те же элементы, взаимодействуя различными свойствами, могут образовывать различные структуры. В подавляющем большинстве случаев структура в гражданском праве базируется на эквивалентности. Однако в тех случаях, когда субъект видит свой интерес в осуществлении неэквивалентного с правовой точки зрения взаимодействия, в совершении неэквивалентных сделок, на первое место выходит автономия воли субъекта и соответствующий ей принцип свободы договора.

Принцип эквивалентности взаимодействия субъектов гражданского права может подвергаться ограничениям в публичных интересах, например в случае конфискации имущества или взыскания штрафной неустойки тогда, когда речь идет об обязательствах, возникающих из договоров, направленных на удовлетворение государственных нужд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и акты органов судебной власти

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собр. законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая // Собр. законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Рос. газ. — 1995. — № 29.

Монографии и учебники

Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме / А. Н. Аверьянов. — М. : Мысль, 1974. — 70 с.

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / М. М. Агарков. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — Т. 1. — С. 163–460.

Алексеев П. В. Социальная философия : учеб. пособие / П. В. Алексеев. — М. : ТК Велби : Проспект, 2004. — 256 с.

Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1982.

Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 1999. — 712 с.

Алексеев С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1975. — 264 с.

Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — М. : БЕК, 1993. — 224 с.

Алексеев С. С. Частное право : науч.-публ. очерк / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 1999. — 160 с.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. — 338 с.

Анисимов А. Л. Честь, достоинство и деловая репутация под защитой закона / А. Л. Анисимов. — М. : Норма, 2004. — 224 с.

Арсеньев А. С. Анализ развивающегося понятия / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. — М., 1967. — 439 с.

Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права / С. И. Аскназий. — М. : Статут, 2008. — 859 с.

Аслаян Н. П. Основные начала российского частного права / Н. П. Аслаян. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. — 270 с.

Афанасьев В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. — М. : Политиздат, 1980. — 368 с.

Ацюковский В. А. Философия и методология технического комплексирования / В. А. Ацюковский. — М. : Петит, 2005. — 221 с.

Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. — М. : Право и государство, 2005. — 544 с.

Белов В. А. Гражданское право: Особенная часть : учебник / В. А. Белов. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2004. — 767 с.

Белякова А. М. Имущественная ответственность за причинение вреда / А. М. Белякова. — М. : Юрид. лит., 1979. — 112 с.

Беляцкий С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. А. Беляцкий. — М. : Городец, 2005. — 64 с.

Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 142 с.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : АСТ : Астрель, 2004. — 1268 с.

Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М. : Статут, 1997. — 682 с.

Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. А. Братусь. — М. : Юстицинформ, 2005. — 208 с.

Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность / С. А. Братусь. — М. : Юрид. лит., 1976. — 215 с.

Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. — М. : Прогресс, 1988. — 506 с.

Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. — М. : Юрид. лит., 1976. — 264 с.

Васильев Н. В. Принципы советского уголовного права : учеб. пособие / Н. В. Васильев ; отв. ред. П. И. Гришаев. — М. : ВЮЗИ, 1983. — 60 с.

Васькин В. В. Возмещение убытков предприятиям / В. В. Васькин. — М. : Юрид. лит., 1977. — 103 с.

Васькин В. В. Гражданско-правовая ответственность / В. В. Васькин, Н. И. Овчинников, Л. Н. Рогович. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. — 184 с.

Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма / М. Вебер // Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — М. : Рос. полит. энцикл., 2006. — С. 187–213.

Власенко Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во : Норма-плюс, 1997. — 176 с.

Войтов А. Г. Деньги : учеб. пособие / А. Г. Войтов. — М. : Дашков и К, 2002. — 240 с.

Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 239 с.

Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров. — М. : Зерцало, 2003. — 816 с.

Голубев К. И. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / К. И. Голубев, С. В. Наризжий. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 327 с.

Гражданское право : в 2 ч. Ч. 1 : учебник / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. — М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1998. — 464 с.

Гражданское право : в 4 т. Т. 1 : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 720 с.

Гражданское право. Ч. 1 : учебник / под ред. В. П. Мозолина, А. И. Масляева. — М. : Юристъ, 2005. — 719 с.

Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / В. П. Грибанов // Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М. : Статут, 2000. — С. 19–212.

Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу / М. А. Гурвич. — М. : ВЮЗИ, 1950. — 199 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М. : Искусство, 1972. — 318 с.

Дегтярев М. Г. Логика : учебник / М. Г. Дегтярев, С. А. Хмелевская — М. : ПЕР СЭ, 2003. — 288 с.

Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. А. П. Шептулина. — М. : Политиздат, 1985. — 414 с.

Донцов С. Е. Возмещение вреда по советскому законодательству / С. Е. Донцов, В. В. Глянецв. — М. : Юрид. лит., 1990. — 272 с.

Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / С. А. Дробышевский. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1995. — 296 с.

Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Ф. М. Дыдынский. — Варшава : тип. К. Ковалевского, 1896. — 474 с.

Жеребкин В. Е. Логические понятия права / В. Е. Жеребкин. — Киев : Вища школа, 1976. — 150 с.

Ивин А. А. Логика : учебник / А. А. Ивин. — М. : Гардарики, 2004. — 352 с.

Ивин А. А. Словарь по логике [Электронный ресурс] / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. — Режим доступа: <http://culture.niv.ru/doc/logic/dictionary/221.htm>.

Игнатенко В. В. Оценочные понятия и административно-деликтный закон / В. В. Игнатенко. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1996. — 157 с.

Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / Р. Иеринг. — СПб. : Изд. Н. В. Муравьева, 1881. — 177 с.

Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Рус. кн., 1994. — Т. 4. — С. 45–147.

Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское право-

отношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — М. : Статут, 2000. — Ч. 1. — С. 157–329.

Иоффе О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе // Избр. тр. : в 4 т. / О. С. Иоффе. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — Т. 2. — 511 с.

Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В. Б. Исаков. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. — 126 с.

Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. — СПб. : Наука, 1995. — 528 с.

Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов. — М. : Аванта+, 2001. — 560 с.

Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С. Ф. Кечекьян ; отв. ред. И. Д. Левин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 222 с.

Кириллов В. И. Логика : учебник / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. — М. : Юристъ, 2004. — 256 с.

Кислов Б. А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии: (вопросы теории и методологии) / Б. А. Кислов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. — 181 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 430 с.

Кравченко А. И. Общая социология : учеб. пособие / А. И. Кравченко. — М. : Юнити-Дана, 2004. — 479 с.

Кравченко А. И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика / А. И. Кравченко. — М. : На Воробьевых, 1997. — 208 с.

Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права : Избр. тр. : в 2 т. / О. А. Красавчиков. — М. : Статут, 2005. — Т. 1. — С. 115–489.

Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве / А. С. Кривцов. — М. : Статут, 2003. — 314 с.

Кривцов А. С. Общее учение об убытках / А. С. Кривцов. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. — 219 с.

Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2006. — 269 с.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М. : АСТ, 2003. — С. 12–268.

Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика / В. А. Лапач. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. — М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. — 512 с.

Лившиц Р. З. Теория права : учебник / Р. З. Лившиц. — М. : БЕК, 1994. — 224 с.

Лосев А. Ф. История эстетических категорий / А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. — М. : Искусство, 1965. — 374 с.

Майданов А. С. Методология научного творчества / А. С. Майданов. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 512 с.

Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии / М. Г. Макаров. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. — 245 с.

Максоцкий Р. А. Возмездность и безвозмездность в современном гражданском праве : учеб. пособие / Р. А. Максоцкий ; науч. ред. М. В. Кротов. — М. : ТК Велби, 2002. — 176 с.

Малахов В. П. Формальная логика : учебник / В. П. Малахов. — М. : Акад. проект, 2001. — 384 с.

Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности / Н. С. Малеин. — М. : Юрид. лит., 1965. — 230 с.

Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. — М. : Мысль, 1977. — 255 с.

Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании / Ю. Г. Марков. — Новосибирск : Наука : СО РАН, 1982. — 255 с.

Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / Д. И. Мейер. — М. : Статут, 2003. — 831 с.

Мордачев В. Д. Теория обмена труда. История. Этика. Психология. Кн. 1 / В. Д. Мордачев. — Екатеринбург : Ажур, 2006. — 224 с.

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев // Избранные труды по римскому и гражданскому праву / С. А. Муромцев. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2004. — 765 с.

Ненашев М. И. Введение в логику : учеб. пособие / М. И. Ненашев. — М. : Гардарики, 2004. — 352 с.

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. — 896 с.

Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. — М. : Госюриздат, 1950. — 516 с.

Общая теория государства и права : акад. курс : в 2 т. Т. 2. Теория права / отв. ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 1998. — 640 с.

Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1966. — 491 с.

Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения / Н. Ф. Овчинников. — М. : Наука, 1966. — 331 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азъ Ltd., 1992. — 960 с.

Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности / Г. С. Остроумов. — М. : Наука, 1969. — 175 с.

Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм / Е. Б. Пашуканис // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. — М. : Наука, 1980. — С. 32–181.

Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // Исследования по общей этнографии. — М. : Наука, 1979. — С. 210–240.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. — СПб. : Лань, 2000. — 608 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. — М. : Статут, 1998. — 353 с.

Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А. В. Поляков. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. — 864 с.

Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Юристъ, 2003. — 656 с.

Протасов В. Н. Правоотношение как система / В. Н. Протасов. — М. : Юрид. лит., 1991. — 142 с.

Протасов В. Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие / В. Н. Протасов. — М. : Юристъ, 1995. — 96 с.

Пухан И. Римское право (базовый учебник) / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская ; под. ред. В. А. Томсинова. — М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2003. — 448 с.

Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. (Вопросы теории и методологии исследования). — Львов: Вища школа : Изд-во при Львов. ун-те, 1975. — 260 с.

Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник / Т. Н. Радько. — М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2004. — 576 с.

Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. Рейснер. — М.; Л. : Госиздат, 1925. — 276 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Изд-во Питер, 2000. — 712 с.

Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие / Г. И. Рузавин. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — 317 с.

Рыженков А. Я. Товарно-денежные отношения в советском гражданском праве / А. Я. Рыженков. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. — 231 с.

Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. — Томск : Изд-во ТГУ, 1973. — 431 с.

Сандевуар П. Введение в право / П. Сандевуар. — М. : ИнтраТэк-Р, 1994. — 324 с.

Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права / Г. А. Свердлык. — Красноярск : Альфа, 1985. — 200 с.

Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития / В. И. Свидерский. — М. : Мысль, 1965. — 288 с.

Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3 / Ю. И. Семенов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. — Кн. 1. — 231 с.

Симолин А. А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве / А. А. Симолин // Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права / А. А. Симолин. — М. : Статут, 2005. — С. 91–377.

Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие / К. И. Скловский. — М. : Дело, 1999. — 512 с.

Скурко Е. В. Принципы права : монография / Е. В. Скурко. — М. : Ось-89, 2008. — 192 с.

Скурко Е. В. Принципы права в современном нормативном правопонимании / Е. В. Скурко. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 200 с.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Соцэкгиз, 1962. — 684 с.

Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. — М. : Высш. шк., 1985. — 544 с.

Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т. I. Материя и отражение / под ред. М. Б. Митина [и др.]. — М. : Мысль, 1970. — 327 с.

Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. — М. : Акад. проект, 2004. — 864 с.

Строгович М. С. Логика / М. С. Строгович. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 368 с.

Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. И. Стучка. — Рига : Латв. гос. изд-во, 1964. — 693 с.

Стучка П. И. Общая часть гражданского права : учеб. пособие / П. И. Стучка. — М. : Изд-во Ком. Акад., 1929. — 376 с.

Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / Ю. П. Сурмин. — Киев : МАУП, 2003. — 368 с.

Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементный состав / В. М. Сырых. — М. : Юстицинформ, 2000. — 528 с.

Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во гум. ун-та, 2001. — 263 с.

Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М. : Юрист, 2001. — 776 с.

Теория государства и права : учебник / В. Я. Любашиц [и др.]. — Ростов н/Д : МарТ, 2003. — 658 с.

Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. — М. : Юрист, 1999. — 592 с.

Толпыкин В. Е. Логика : учеб. пособие / В. Е. Толпыкин, Т. В. Толпыкина. — М. ; Воронеж : Изд-во Моск. психосоц. ин-та : НПО «МОДЭК», 2004. — 224 с.

Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник / Е. В. Ушаков. — М. : Экзамен, 2005. — 528 с.

Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Ф. Н. Фаткуллин, Ф. Ф. Фаткуллин. — Казань : КЮИ МВД России, 2003. — 351 с.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Республика, 2001. — 719 с.

Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. : Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М. : ИНФРА-М, 1999. — 576 с.

Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В. Н. Хропанюк. — М. : Омега-Л : Интерстиль, 2003. — 382 с.

Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / А. Ю. Цофнас. — Одесса : АстроПринт, 1999. — 308 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. — Екатеринбург : Наука, 1993. — 192 с.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. — М. : Юрайт, 1999. — 432 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1 / П. Я. Черных. — М. : Рус. яз., 1999. — 624 с.

Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие / В. А. Четвернин. — М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. — 204 с.

Шевченко А. С. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями / А. С. Шевченко. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. — 124 с.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — М. : СПАРК, 1995. — 556 с.

Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданско-правовое регулирование / М. Я. Шиминова. — М. : Наука, 1979. — 184 с.

Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М. : Яз. славян. культуры, 2003. — 312 с.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. — М. : Прогресс, 1969. — 240 с.

Экономическая кибернетика. Ч. 1. Основы теории хозяйственных систем / под ред. И. М. Сыроежина. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. — 486 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1961. — Т. 20. — С. 1–338.

Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. Т. 1 : Полутом 1 / Л. Эннекцерус — М. : Изд-во иностр. лит., 1949. — 436 с.

Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 320 с.

Явич Л. С. Общая теория прав / Л. С. Явич. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. — 287 с.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : учеб. пособие / В. Ф. Яковлев. — Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. — 210 с.

Яковлев Я. М. Социальная структура общества : учебник / Я. М. Яковлев. — М. : Экзамен, 2003. — 384 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Аслаян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. П. Аслаян. — М., 2001. — 365 с.

Бару М. И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. И. Бару. — М., 1957. — 31 с.

Басманова Н. К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. К. Басманова. — Иркутск, 2008. — 23 с.

Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. М. Белякова. — М., 1987. — 53 с.

Горшенков Г. Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук / Г. Г. Горшенков. — Н. Новгород, 1996. — 165 с.

Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Кашанина. — Свердловск, 1974. — 185 с.

Клочков А. В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Клочков. — Волгоград, 2004. — 168 с.

Коршунова О. Н. Защита прав человека в современном демократическом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Коршунова. — М., 2008. — 26 с.

Макрецова А. А. Принципы гражданского права переходного периода : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Макрецова. — М., 1996. — 142 с.

Михно Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Михно. — СПб., 1998. — 162 с.

Морозов А. В. Обмен в условиях экономической неопределенности : дис. ... канд. экон. наук / А. В. Морозов. — СПб., 1999. — 151 с.

Мурашко М. С. Судебная защита субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Мурашко. — СПб., 2000. — 124 с.

Платов Н. В. Возмещение убытков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Платов. — СПб., 2001. — 167 с.

Потапова О. А. Принципы гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Потапова. — Ульяновск, 2002. — 172 с.

Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды Е. Б. Пашуканиса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Протопопов. — М., 2007. — 21 с.

Смирнская Е. В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Смирнская. — Волгоград, 2000. — 219 с.

Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве РФ : дис. ... канд. юрид. наук / А. Т. Табунщиков. — Белгород, 2005. — 150 с.

Хаснутдинов А. И. Вспомогательные договоры на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук / А. И. Хаснутдинов. — Иркутск, 1995. — 317 с.

Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Хохлов. — Самара, 1998. — 349 с.

Научные статьи

Агарков М. М. Ценность частного права // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / М. М. Агарков. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — Т. 1. — С. 42–105.

Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права / Н. Г. Александров // Сов. государство и право. — 1957. — № 11. — С. 16–29.

Андреева Г. А. Закономерность общественная / Г. А. Андреева // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. — М. : Сов. энцикл., 1972. — Т. 9. — С. 307.

Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П. К. Анохин // Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. — М. : Медицина, 1975. — С. 17–62.

Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» / Р. Г. Апресян // Этическая мысль / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М. : ИФРАН, 2002. — Вып. 3. — С. 139–165.

Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали / Р. Г. Апресян // Этическая мысль / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М. : ИФРАН, 2001. — Вып. 2. — С. 28–39.

Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Р. Г. Апресян // Вопр. философии. — 2001. — № 3. — С. 72–84.

Апресян Р. Г. Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе / Р. Г. Апресян // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. — М. : Вост. лит., 2004. — С. 221–229.

Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании / В. Г. Афанасьев // Вопр. философии. — 1973. — № 6. — С. 98–111.

Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве / М. И. Бару // Сов. государство и право. — 1970. — № 7. — С. 104–108.

Бегичев Б. К. Цели советского трудового права / Б. К. Бегичев // Правоведение. — 1980. — № 5. — С. 43–48.

Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В. А. Белов // Законодательство. — 1998. — № 8. — С. 49–52.

Берман Я. В. В доспехах вульгарного экономизма / Я. В. Берман // Сов. государство и революция права. — 1930. — № 8–9. — С. 139–158.

Берталанфи Л. Общая теория систем : критический обзор / Л. Берталанфи // Исследования по общей теории систем. — М. : Прогресс, 1969. — С. 23–82.

Блауберг И. В. Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Проблемы методологии системного исследования. — М. : Мысль, 1970. — С. 7–48.

Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права / С. Н. Братусь // Правоведение. — 1960. — № 1. — С. 47–52.

Бублик В. А. Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости / В. А. Бублик // Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы 2-й межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. — Воронеж, 1988. — С. 3–4.

Бурганов Р. С. Понятие, юридическая природа и система принципов права на примере принципов в уголовном праве / Р. С. Бурганов // Вестн. ТИСБИ. — 2003. — № 4. — С. 160–163.

Варламова Н. В. Правотворчество и правообразование / Н. В. Варламова // Правотворчество и законность. — М., 1999. — С. 91–102.

Василенко В. А. Категория нравственной ценности и ее место в системе этических понятий / В. А. Василенко // Проблемы категорий марксистско-ленинской этики : материалы симпозиума, посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. — Новосибирск : Наука, 1969. — С. 224–225.

Венедиктов А. В. О системе Гражданского кодекса СССР / А. В. Венедиктов // Сов. государство и право. — 1954. — № 2. — С. 26–33.

Вильнянский С. И. Применение норм советского права / С. И. Вильнянский // Ученые записки Харьковского юридического института. — Харьков, 1956. — Вып. 7. — С. 3–18.

Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда? / Э. Гаврилов // Рос. юстиция. — 2000. — № 6. — С. 21–22.

Гойхбарг А. Г. Несколько замечаний о праве / А. Г. Гойхбарг // Сов. право. — 1924. — № 1. — С. 3–24.

Ем В. С. Проблемы применения марксистской методологии к анализу гражданско-правовой формы / В. С. Ем,

С. В. Третьяков // Основные вопросы теории социалистического гражданского права / С. И. Аскназий. — М. : Статут, 2008. — С. 13–40.

Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности / Н. Н. Зарубина // Социс. — 2005. — № 7. — С. 13–21.

Земанек И. Принцип взаимной выгоды и вопросы эквивалентности обязательств в социалистической экономической интеграции / И. Земанек // Принципы социалистической экономической интеграции. — М., 1985. — Ч. 1. — С. 88–101.

Иванов В. М. К вопросу о размере компенсации морального вреда / В. М. Иванов // Рос. судья. — 2000. — № 4. — С. 20–21.

Илларионова Т. И. Проблема охранительных функций гражданского права / Т. И. Илларионова // Избранные труды / Илларионова Т. И. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 250–257.

Казанский Л. П. Структурные принципы в химии гетерополисоединений / Л. П. Казанский, Е. А. Торченкова, В. И. Спицын // Успехи химии. — 1974. — № 7 (Т. 43). — С. 1137–1159.

Кирсанов П. В. Компенсация морального вреда: многоаспектность проблемы / П. В. Кирсанов // Юрист. — 2003. — № 12. — С. 12–14.

Ковалевский М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий / М. М. Ковалевский // Новые идеи в социологии. — СПб. : Образование, 1913. — Сб. 4. — С. 87–99.

Комиссаров К. И. Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе / К. И. Комиссаров // Сов. государство и право. — 1971. — № 3. — С. 71–77.

Коршунов Ю. О компенсации морального вреда // Ю. Коршунов / Хозяйство и право. — 1995. — № 4. — С. 132–138.

Кузьменко А. В. «Системный взгляд» на систему права / А. В. Кузьменко // Правоведение. — 2003. — № 3 (248). — С. 4–11.

Лаптев В. В. Цели правового регулирования и система права / В. В. Лаптев, В. П. Шахматов // Правоведение. — 1976. — № 4. — С. 26–35.

Латынова Е. В. Причинение морального вреда / Е. В. Латынова // Юридический мир. — 2000. — № 5. — С. 66–68.

Либерман С. Против сползания на позиции меновой концепции в праве / С. Либерман // Сов. государство и революция права. — 1930. — № 8–9. — С. 159–167.

Лившиц Р. З. Принципы советского трудового права / Р. З. Лившиц, В. И. Никитинский // Сов. государство и право. — 1974. — № 8. — С. 31–39.

Малеин Н. С. О моральном вреде / Н. С. Малеин // Государство и право. — 1996. — № 3. — С. 32–39.

Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н. С. Малеин // Государство и право. — 1996. — № 6. — С. 12–19.

Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права / Л. С. Мамут // Государство и право. — 2001. — № 7. — С. 5–14.

Нарижний С. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав граждан / С. Нарижний, К. Голубев // Рос. юстиция. — 2001. — № 4. — С. 20–21.

Остроумов Г. С. Соотношение права и политического сознания / Г. С. Остроумов // Вопр. философии. — 1964. — № 5. — С. 21–37.

Панов Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки / Н. И. Панов // Правоведение. — 2006. — № 4. — С. 18–28.

Пашерстник А. Е. О сфере действия и принципах советского трудового права / А. Е. Пашерстник // Сов. государство и право. — 1957. — № 10. — С. 92–103.

Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Пашуканис. — М. : Наука, 1980. — С. 182–194.

Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. Тема «Система права» / Н. А. Пьянов // Сиб. юрид. вестн. — 2003. — № 3. — С. 6–7.

Раевич С. К вопросу об эквивалентности. Проблема эквивалентности в практике обобществленного сектора / С. Раевич // Сов. государство и революция права. — 1930. — № 8–9. — С. 79–83.

Резцов Л. Право-отношение и право-норма. (Теории Е. Пашуканиса, как рецидив буржуазно-правового индивидуализма) / Л. Резцов // Сов. государство и революция права. — 1930. — № 8–9. — С. 168–180.

Ровный В. В. Общая характеристика договора купли-продажи (в помощь студентам и аспирантам) / В. В. Ровный // Сиб. юрид. вестн. — 2001. — № 3. — С. 26–37.

Родионова О. В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» / О. В. Родионова // Правоведение. — 2004. — № 2. — С. 182–188.

Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право / Ю. И. Семенов // Этногр. обозрение. — 1997. — № 4. — С. 3–23.

Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права / А. А. Симолин. — М. : Статут, 2005. — С. 544–558.

Толстой Ю. К. Принципы гражданского права / Ю. К. Толстой // Правоведение. — 1992. — № 2. — С. 49–53.

Уржинский К. П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений / К. П. Уржинский // Правоведение. — 1968. — № 3. — С. 123–126.

Хохлова Г. В. Понятие гражданско-правовой ответственности / Г. В. Хохлова // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / под ред. В. В. Витрянского. — М., 2002. — Вып. 5. — С. 64–85.

Черепашин Б. Б. Об ответственности за вред, причиненный правомерной деятельностью / Б. Б. Черепашин // Правоведение. — 1994. — № 5–6. — С. 45–52.

Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление / Н. А. Чечина // Правоведение. — 1960. — № 3. — С. 78–83.

Научное издание

**Наталья Павловна Аслаян
Наталья Сергеевна Богущ
Татьяна Валерьевна Ламм**

**ОЧЕРКИ
О ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ
ПОНЯТИЯ «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ»**

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 19.03.12. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,3. Тираж 150 экз. Заказ 4758.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО ВГУЭП.